

Эрин Хантер

Прерванный путь

(Хроники Стаи – 4)

Пролог

– Сдавайся, Лай! Я твоя альфа!

Пыхтя от натуги, Пискля перекатилась через Лая, подняв гигантскую тучу пыли. Стояли долгие знойные дни. Собака-Солнце превратила аккуратно подстриженную травку на лужайке в сухие желтые колючки, поэтому щенки катались по грядкам с яркими цветами, которые высадили Длиннолапые. Их собственная крошечная территория, обнесенная невысоким заборчиком, была слишком аккуратной и безопасной, никаких приключений! Щенкам давно хотелось устроить настоящую потасовку – с визгом, писком, грязью и, желательно, с разрушениями.

Отчаянно дергая коротенькими лапками, Лай вырвался из-под навалившейся на него Пискли и набросился на нее:

– А вот и нет! Это я альфа!

Пискля звонко чихнула, отплевывая землю и песок, потом пронзительно заверещала:

– погоди у меня, Лай!

Она неуклюже подпрыгнула, пытаясь схватить его зубами за загривок, но ловкий Лай перекувырнулся на спину, заставив Писклю растянуться на земле, и схватил ее за переднюю лапу своими маленькими щенячьими зубками.

– Ой. О-оооой! – заскулила Пискля.

– Тебе больно? – пропыхтел Лай, не разжимая зубов.

– Ха!

Пискля, воспользовавшись его испугом, вырвалась и заверещала во всю глотку:

– Обманули дурака на четыре коготка! Попался, который кусался!

– Ах ты... – Лай вскочил и бросился в погоню за сестрой. – погоди, омега, сейчас ты у меня получишь!

Внезапно он резко остановился, подняв облако пыли. Замер, сморщил черный нос.

«Чем это пахнет?»

Пискля уже скрылась за углом дома Длиннолапых, ее истошный визг таял вдалеке, но Лай уже потерял интерес к догонялкам.

Странный запах неприятно покусывал ноздри щенка, от него першило в горле и хотелось кашлять. Лай поскреб лапой мордочку, потряс головой, несколько раз моргнул. И звонко чихнул.

Долго задерживать воздух не получалось, значит, хочешь не хочешь, нужно было вдохнуть в себя мерзкий вонючий воздух. Лай жалобно заскулил.

Запах был ужасный. Отвратительный. Откуда он взялся? И куда подевалась Мама-Собака? Весь дрожа, Лай скорчился в пыли и приготовился к худшему.

Но не такой у него был характер, чтобы молча сдаваться.

«Погоди-ка, – вдруг вспомнил он, – ведь я уже большой щенок!»

Лай вскочил и как следует отряхнулся. Запах был очень сильный, а он, Лай, был превосходным следопытом – и собирался стать самым лучшим на свете! Значит, он может пойти по следу и сам разузнать все про эту непонятную вонючку. Задрав нос, Лай ухватил разлитую в воздухе струю мерзкого запаха и побежал за ней, стараясь не расчихаться и не закашляться. Противный воздух душил его, обжигал гортань.

«Это здесь! Попался!»

Дверь в дом Длиннолапых была слегка приоткрыта, но Лай еще шире распахнул ее носом. Здесь запах был еще сильнее, от него слезы наворачивались на глаза.

«Но ведь я следопыт! Я не могу взять и сбежать, тем более сейчас, когда я почти выследил вонючку».

Лай осторожно прокрался в дом, зацокал когтями по твердому полу. Первым делом он увидел Длиннолапую малышку, самую младшую, с длинными желтыми волосами, закрученными в подобие короткого хвостика Лай любил эту малышку. Она часто лаяла на него и просила поиграть с ней, но сейчас малышка была занята чем-то другим.

Она выдумала себе какую-то новую игру – взобралась задними лапами на коробку для сидения и склонилась над блестящей металлической башней, на которой Длиннолапые обычно обжигали свою еду. Лай сморщил нос и склонил голову набок, зачарованно следя за малышкой.

Она держала что-то в передних лапах, но Лай никак не мог понять, что это. Вот малышка встряхнула своей игрушкой – раздался веселый сухой перестук – и вытащила из нее короткую палочку.

«Ага, это новая игра! – сообразил Лай. – Может, я тоже смогу в нее поиграть?»

Все было бы хорошо, если бы не запах Эта короткая палочка пахла совершенно неправильно, Лай даже издали это чувствовал. Один конец у палочки был красный, как капелька крови, и пахло от него очень нехорошо – едко и опасно. Внезапно Лай услышал, как палочка тихо, по-змеиному, зашипела.

«Нет, это плохая игра! Я не буду в нее играть!»

Чувство опасности было так велико, что Лай перестал бояться, что Длиннолапые застанут его в доме и будут ругать. Запах и звук, исходившие от странной палочки, были невыносимы.

«Это плохая игра! Перестань в нее играть, маленькая Длиннолапка, перестань сейчас же!»

Лай запрокинул голову и зашелся оглушительным лаем.

Желтоволосая малышка испуганно вздрогнула и выронила свою игрушку. Целая грудка маленьких палочек с шорохом раскатилась по полу. Лай снова залаял и попятился по блестящему полу к дверям – он так боялся этих маленьких опасных палочек, что не мог повернуться к ним спиной. А змеиное шипение тем временем становилось все громче и громче.

Мордочка желтоволосой малышки сморщилась от огорчения и испуга, но Лай уже не мог остановиться. Он лаял все громче, все отчаяннее. Он не понимал, что происходит и что будет дальше, поэтому звал на помощь Маму-Собаку.

Но первой на его зов прибежала совсем не мама. Внезапно в комнате оказалась целая толпа взрослых Длиннолапых, которые хором закричали и заохали, размахивая лапами. Одна из них, самка, с истошным визгом бросилась к желтоволосой малышке и схватила ее на руки. Когда она начала сердито ворчать на малышку, Лай немедленно перестал лаять, испугавшись, что сейчас ему по-настоящему влетит.

Но Длиннолапые не обращали на него никакого внимания. Один из самцов подскочил к прозрачному камню, вставленному в стену, и широко распахнул его, выпуская наружу жуткий удушливый запах. Второй самец, с виду младше первого, но старше желтоволосой малышки, плюхнулся на колени рядом с Лаем и крепко-крепко прижал его к груди.

Лай испуганно задрожал, но молодой Длиннолапый совсем не сердился на него. Напротив, он ласково гладил Лая по спинке, обнимал его и щекотал под подбородком.

– Славный мальчик, хороший мальчик, – приговаривал Длиннолапый, вынося Лая из дома. – Хороший мальчик!

На открытом воздухе сразу стало легче дышать, запах быстро слабел, и вскоре все Длиннолапые обступили Лая. Они гладили его по голове, чесали за ушами. Старшая самка, только что сердито кричавшая на желтоволосую малышку, так крепко прижимала ее к себе, что Лай сразу понял – она кричала от страха, а не от злости. Он заметил, что глаза у нее были мокрые, как будто она плакала.

Здрав голову, Лай смотрел на Длиннолапых и нервно постукивал хвостом, но никто и не думал ругать его за поднятый переполох.

– Хороший мальчик, – на все голоса повторяли Длиннолапые и прибавляли: – Нет, это чудо, что нам так повезло! Счастье, что он был тут...

– Этот пес приносит счастье...

– Счастливчик!

– Счастливчик!

Нет, это было уже слишком. Не на шутку перепуганный Лай забился на руках у обнимавшего его Длиннолапого, и тот поставил его на землю. Тут уж Лай не стал терять времени даром и со всех лап кинулся наутек.

Мать-Собака встретила его на полпути, она остановилась и завертела хвостом, с любовью и гордостью глядя на своего насмерть перепуганного

сына. Лай с писком бросился ей под ноги, а мама принялась ласково вылизывать его.

– Умница, Лай, – приговаривала она. – Молодец! Ты вовремя подал знак Длиннолапым!

– Ой, мама, – проскулил Лай, – я боялся, что они будут ругать меня за лай, как в прошлый раз... Но они почему-то не стали сердиться.

– Нет, милый, – проурчала Мама-Собака, нежно вылизывая ему ушки, – они совсем не рассердились, они очень обрадовались и хвалили тебя. Ты все сделал правильно, мой милый. И еще мне кажется, что Длиннолапые придумали, как назвать тебя, когда ты подрастешь. Они назовут тебя Счастливым.

Лай сморщил нос. Наверное, он должен был радоваться и гордиться собой, но все-таки не мог избавиться от разочарования.

– Но я хотел сам выбрать себе имя!

– Ах, милый, так делают только дикие псы, – с легким недовольством заметила Мама-Собака, – и некоторые Поводочные собаки, из тех, кому не нравятся имена, которые им дали Длиннолапые. Но тебе не придется жаловаться, мой милый! Тебе повезло, Длиннолапые выбрали для тебя замечательное имя! Ты должен гордиться им, оно особенное!

– Счастливчик? – пробормотал Лай, пробуя новое имя на язык. Он повернулся, чтобы посмотреть на Длиннолапых, но они уже ушли в дом и закрыли за собой дверь. – Счастливчик!

Мама-Собака ласково потерлась лбом о его щеку:

– Это прекрасное имя, мой маленький Лай, вспомни, как счастлив был Молния, когда Небесные псы спасли его! А Собаку-Лес во всех сказках не зря зовут счастливцей, – Мать-Собака весело заурчала, словно хотела рассмеяться. – Это имя убережет тебя от неприятностей, мой маленький храбрец! Сердце подсказывает мне, что в жизни тебе понадобится непрошеное счастье. Считай это имя подарком Собаки-Лес, ее благословением.

От этих слов в груди у Лая стало тесно, его сердце затрепетало от гордости.

– Счастливчик! – Он облизнул клыки. – Да, мама! Раз это имя дает Собаку-Лес, значит, оно самое лучшее!

Мать-Собака зафыркала от смеха и подтолкнула своего сына к сараю, где было устроено их логово. Низкое вечернее солнце окрашивало золотом деревянные стены, и Лая сразу стало клонить в сон. День выдался долгий и трудный, теперь можно и поспать... Ах, как сладко спать рядом с Мамой-Собакой, растянувшись на мягкой подстилке, которую дали им Длиннолапые...

Длиннолапые дали Лаю дом. Дали подстилку, дали тепло и вот теперь подарили ему имя. Длиннолапые – хорошие. Они всегда хорошо относились к Лаю. Да, им можно доверять.

«Я – Счастливчик, – сонно подумал Лай, укладываясь рядом с Мамой-Собакой в приятной прохладе сарая. – Хорошо бы всегда им быть!»

Глава I

Счастливи́чик мчался через лес, сухая листва хрустела под его лапами. Бронзовый солнечный свет, пробиваясь сквозь ветки деревьев, пятнами лежал на земле, вспыхивал на палых листьях Прямо перед Счастливи́чиком мелькали сильные задние лапы Пороха.

Счастливи́чик припустил еще быстрее, сильнее растягивая мышцы, чтобы угнаться за могучим товарищем. Где-то позади него бежала маленькая Лизушка, но Счастливи́чик даже не мог обернуться и посмотреть, как она там. Ему оставалось только надеяться, что ученица справится и не отстанет. Счастливи́чик весь превратился в бег. Именно сейчас – с бешено колотящимся сердцем, с высунутым языком, который обжигал холодный воздух Алого Листа, – он чувствовал себя не только сильным и стремительным, но и по-настоящему живым. Он уже давно не испытывал подобного чувства, Счастливи́чику хотелось, чтобы этот бег продолжался вечно.

«А все-таки дикая жизнь хороша! – думал он, проносясь сквозь падающие на тропу косые солнечные лучи. – Это совсем не похоже на мое старое городское житье и на беготню по улицам, до чего же здорово!»

Какое-то время назад он бы зарычал на самого себя за такие крамольные мысли. А может, просто не поверил бы, что можно настолько перемениться... Счастливи́чику нравилось быть псом-одиночкой, он любил бродить по городским улицам, где он с охотой подбирал объедки Длиннолапых. Смешно сказать, но было время, когда он страшно гордился тем, что ухитрился первым украсть старого обглоданного цыпленка из мусорного бака при Доме еды!

«А что теперь? Теперь я живу вдали от города, под присмотром Собаки-Леса, сам по себе... Живу полной жизнью, использую все свои чувства, чтобы догнать и поймать быстроногую дичь!»

Счастливи́чик перепрыгнул через поваленное дерево и ощутил жаркий прилив гордости. Еще совсем недавно он был вынужден исполнять позорную роль Омеги в наказание за предательство стаи, которое он совершил, поддавшись уговорам Беллы пошпионить за дикими собаками. Счастливи́чик очень тяжело перенес это унижение, но сейчас вынужден был признать, что временное положение Омеги многому научило его. Теперь он больше знал о вещах, о которых не задумывался раньше, – о преданности и смирении, о том, что чувствуют собаки, занимающие самое низшее положение. Пожалуй, испытание закалило его, сделало храбрее и терпеливее. Кроме того, теперь он стал больше ценить свое новое положение. Быть Омегой означало находиться в самом низу стаи: для Счастливи́чика было потрясением низвержение на это дно с почетного места охотника и патрульного!

Но правда жизни заключалась в том, что Омега необходим каждой стае: кто-то должен подносить и подавать, исполнять самую грязную и неприятную работу. Теперь Счастливи́чик понимал, что это важная роль и нужное место.

Только он больше никогда не будет его занимать.

Теперь, когда стая пустилась в долгое путешествие, надобность в патрульных отпала, зато понадобились охотники. Скатиться на дно легко, выбраться наверх куда труднее, но Счастливи́чик был исполнен решимости во что бы то ни стало перестать быть Омегой. Он выполнял грязную работу, которую от него требовали, но при этом постоянно держал ухо востро, чтобы

не пропустить возможность проявить себя в ритуальной схватке с кем-нибудь из высокоранговых собак. Позор первого поражения до сих огнем жег его шкуру, но Счастливчик все-таки добился своего. Теперь он тоже был охотником, высокоранговым членом стаи, пользовавшимся заслуженным уважением товарищей. Сейчас Счастливчик охотился, чтобы накормить стаю, отдохавшую в новом лесном лагере.

Узкое ущелье было далеко не таким прекрасным местом, как их прежний лагерь, оставшийся по другую сторону белого гребня. Но лесная долина вполне годилась для краткой передышки, не говоря уже о том, что отсюда было далеко до свирепых псов, угрожавших самому существованию стаи.

Лес был незнакомый, но Счастливчик с радостью положился на свои обострившиеся инстинкты и веру в Собаку-Лес. Его гордость была серьезно уязвлена тем, что нападение Стали заставило стаю Альфы сорваться с места и пуститься в бега, но в глубине души он был рад перемене мест. Последние несколько кругов Собаки-Солнца были самыми замечательными в его новой жизни. Все шло, как надо, и Счастливчик мечтал только о том, чтобы это длилось как можно дольше.

— Счастливчик! — рявкнул через плечо могучий Порох. — Главное, не забывай держать нос по ветру, чтобы вовремя учуять Сталь и ее прихвостней!

— Не беспокойся! — пролаял Счастливчик. Кто-кто, а уж он ни за что не забудет о страшной предводительнице свирепых псов! При одном воспоминании о ее оскаленной злобной морде у него сама собой начинала шевелиться шерсть на загривке. Счастливчик несколько раз втянул ноздрями душистый лесной воздух, ища следы врагов, но не учуял ничего, кроме запаха сухой листвы, бегущей воды и мелких земных зверьков.

«Я не позволю Стали подобраться к моей стае!»

— Вот и славно! — пробасил Порох. — Будь начеку, и смотри, чтобы остальные тоже не зевали. — Здоровенный пес повернул свою тяжелую голову и обвел взглядом лес. — Альфа считает, что Сталь непременно вернется, чтобы отомстить нам.

— Я тоже так думаю, — процедил Счастливчик. Он ускорил шаг, догнал Пороха и побежал рядом: — Альфа правильно делает, что не позволяет никому отходить от стаи одному.

Могучие мышцы Пороха вздулись, как корни дерева, и тут же расслабились. Он перешел с бега на мерный шаг.

— Теперь давай пойдём потише, — проворчал охотник. — Мы почти на месте.

Это Альфа приказал Пороху сопровождать Счастливчика в день его первого самостоятельного выхода в лес в качестве полноправного охотника. Счастливчик не сомневался, что на этот раз полуволок принял такое решение из соображений безопасности, а вовсе не из-за недоверия к бывшему Омеге. Конечно, было странно думать, будто Альфа дорожит жизнью Счастливчика — это после всего, что было между ними! — но в последнее время они с полуволомком как будто помирились.

На время.

Счастливчик не думал, что когда-нибудь сможет снова доверять Альфе, но он был не настолько глуп, чтобы делиться этими соображениями с Порохом. В иерархии стаи могучий Порох занимал место сразу после Лапочки, мудрой и жесткой Беты полуволок, и был неизменно и яростно предан своему вожаку.

– Счастливчик!

Из зарослей травы слева от Счастливчика раздался восторженный лай, а потом показалась Лизушка.

– Догнала все-таки! – радостно воскликнул Счастливчик. – Ты умница!

Молодая свирепая собака приосанилась, польщенная его похвалой, и высоко вскинула голову. Счастливчик был горд за нее, но его радость, как всегда в последнее время, была омрачена тревогой. Лизушка была еще очень молода, но ее свирепая порода уже явственно сказывалась в могучем развороте плеч, в густой лоснящейся шерсти и, главное, в тяжелых челюстях со смертоносными клыками. Многие члены стаи старались держаться от Лизушки подальше. Они считали, что Альфа совершил страшную ошибку, приняв в стаю такую свирепую собаку.

«Глупцы! Лизушка не опаснее кролика!»

– Смотри в оба, Лизушка, – негромко шепнул он молодой собаке. – Помни, мы охотимся за белым кроликом. Стрела клянется, что видела здесь такого.

– А почему именно на белого? – полюбопытствовала Лизушка. – Я чую тут столько дичи, что просто не знаю, за кем бежать!

У Счастливчика сжалось сердце, но он постарался ответить как ни в чем не бывало:

– Альфа потребовал раздобыть белого кролика для церемонии Наречения.

Лизушка низко опустила голову, мгновенно растеряв весь свой веселый задор.

– Ну да, конечно... Для Носишки и Вьюна Наверное, это будет нечто особенное. – Она сглотнула, потом слегка оскалила зубы и с напускной беззаботностью сказала: – Вообще-то, я ничего не знаю о Наречении.

– Я тоже, – признался Счастливчик, шутливо пихая ее носом. – У меня никогда не было такой церемонии.

– Правда? – встрепелась Лизушка. Счастливчику показалось, что она даже слегка повеселела.

– Правда. Я даже не помню, как получил свое имя. То есть, у меня остались какие-то смутные воспоминания, но и только, – Счастливчик передернул плечами. – Я помню маленькую Длиннолапую с желтыми волосами, похожими на хвостик. Она была в какой-то опасности. Помню, что Мама-Собака хвалила меня. Помню чей-то голос, повторяющий: «Счастливчик...», но когда я пытаюсь понять, что все-таки произошло, воспоминание убегает, как шустрый кролик от охотника.

Лизушка раскатисто рассмеялась, и этот гулкий смех, больше похожий на рык, снова напомнил Счастливчику о том, как быстро она растет.

– Что ж, здорово, что я не одна такая!

– Да что ты, совсем не все собаки получают имя на особой церемонии! – заверил ее Счастливчик. – Вспомни поводочных собак, им всем имена дали их Длиннолапые.

Лизушка сухо фыркнула:

– Тоже мне, сравнил! Разве Длиннолапые понимают в таких вещах!

«Бедная, бедная Лизушка! Она храбрится, но я-то знаю, как она мечтает получить взрослое собачье имя наравне с остальными членами стаи!»

В такие моменты Счастливчик готов был растерзать Альфу за его бессердечие, но приходилось делать вид, будто ничего не происходит. Он весело боднул Лизушку лбом и уверенно сказал:

– Выше нос, у тебя непременно будет церемония Наречения!

– Надеюсь! – буркнула Лизушка. – А почему Альфа не хочет, чтобы мне дали имя сегодня, вместе со всеми?

– Хотите расскажу, как я получил свое имя? – пробасил Порох, оборачиваясь к ним.

– Конечно, – воскликнул Счастливчик, искренне обрадовавшись возможности хоть ненадолго отвлечь Лизушку от ее переживаний. Конечно, он предпочел бы, чтобы Порох рассказал историю, не связанную с именами и наречением, но, как говорится, выбирать не приходилось.

Разумеется, Лизушка уже вся обратилась в слух и уставилась на Пороха.

– А какое у тебя было щенячье имя?

– Улитка! – со смехом гавкнул Порох.

– Улитка? – недоверчиво переспросила Лизушка.

– Именно, – кивнул Порох. – Моя Мама-Собака дала мне такое имя, потому что я был без ума от улиток. Целыми днями я охотился на них, переворачивал и поедал, выгрызая мясо из ракушки.

– Фу! – содрогнулась Лизушка.

– Цыц, Лизушка! – прикрикнул Счастливчик, хотя его самого передернуло от отвращения.

– Ну да, мне нравились улитки. Я и сейчас не прочь время от времени полакомиться ими, – весело проворчал Порох. – Конечно, вы понимаете, что я не мог вечно оставаться Улиткой. И вот в один прекрасный день, вскоре после того, как у меня выросли задние зубы, я попросил стаю дать мне настоящее имя.

– А как ты выбрал себе имя? – с плохо скрытой завистью спросила Лизушка.

– Я просто пораскинул мозгами и подумал, какое имя мне подойдет. Я всегда знал, что для такого крупного пса я очень быстро бегаю. В ту пору я был молод и нахален, поэтому не сомневался, что могу обогнать самого Молнию. Я несколько раз видел Молнию в небе и думал, что он похож на вспышку пламени. От Длиннолапых я знал, что молнии бывают не только в небе. Длиннолапые умеют делать ручные молнии с помощью порошка, который трещит и взрывается громче грома. Такой порошок называется порох. Вот я и решил, что раз уж мне не довелось помериться силами с самим Молнией, то я выберу себе имя в честь его земного брата. Что скажете? Подходит мне это имя?

Счастливчик одобрительно рыкнул, немного смущенный тем, что Порох так искренне гордится своим прекрасным именем.

— Очень подходит. Значит, так все и происходит на церемонии? Собака выбирает себе имя и судьбу?

Порох важно кивнул.

— Да. Имя должно отражать характер собаки. Вот почему оно так важно! Собака должна выбрать имя как следует, чтобы потом не жалеть, ведь имя — оно на всю жизнь!

— Мне это нравится, — пробормотал Счастливчик.

— Мне тоже, — мрачно процедила Лизушка.

Счастливчик ласково лизнул ее в ухо.

— Я всегда был псом-одиночкой, и никакая стая никогда не учила меня, как выбирать себе имя. Но раз уж собаки живут в стае, то, наверное, они должны сами решать, кем хотят быть и какое место занять.

— Вот именно, — пробасил Порох. — Выбрав себе имя, собака становится полноправным членом стаи, — сказал он, добродушно улыбнувшись Лизушке.

— Пожалуй, это справедливее, чем когда имя собаке дают Длиннолапые, — пробормотал Счастливчик, чувствуя нечто вроде сожаления, хотя он и сам не понимал, о чем жалеет.

— Гораздо справедливее! — горячо подтвердил Порох. — О, глядите-ка! Вон!

Быстрая тень мелькнула в кустах впереди. Тень была светло-бурая, не белая, но это определенно был...

— Кролик! — твякнула Лизушка и бросилась в погоню, оглашая долину залиvistым лаем.

— Лизушка! — Счастливчик кинулся за ней, догнал и куснул за заднюю лапу.
— Тише!

Лизушка резко остановилась, взметнув в воздух целую охапку сухих листьев.

— Ой, прости.

Порох поравнялся с ними, покачал головой:

— Ничего, их еще много будет — если, конечно, ты всех не распугаешь.

Лизушка опустила голову и хвост.

— Прости, Порох.

Счастливчик примирительно куснул ее за ухо.

— Не переживай. Все собаки ошибаются, без этого не бывает.

И все-таки по его шкуре пробежал холодок тревоги. Длиннолапые специально вывели свирепых собак для нападения, откуда у них могут взяться навыки терпеливого выслеживания дичи? Лизушка была очень доброй собакой, но осторожность и хитрость не были у нее в крови, поэтому ей нелегко давались охотничьи навыки, что тоже сказывалось на ее положении в стае.

Напружинив плечи, Счастливчик стал осторожно пробираться вперед через завалы из веток и сучьев. Порох в точности повторял его движения, только

держался чуть левее, чтобы при первой возможности броситься на дичь с другой стороны. К сожалению, дичь была уже встревожена – хотя собаки и подкрадывались против ветра, самые умные и чуткие кролики уже попрятались в свои норы. Оставшиеся сидели на задних лапках, насторожив длинные уши, и с тревогой шевелили розовыми носами.

Что ж, в этом не было ничего необычного – ведь когда дело доходит до охоты на такую пугливую дичь как кролики, даже самые хитрые и искусные собаки испытывают большие трудности. Счастливчик со вздохом напомнил себе об этом, когда сразу трое кроликов прямо на его глазах шмыгнули в норы. Поискав глазами темную фигуру Пороха, прячущегося в зарослях, Счастливчик поймал взгляд умного пса и моргнул ему в ответ. Он знал, чего хочет Порох, а тот доверил Счастливчику сделать это.

«Вот на этом и держится стая...»

Повернув голову, Счастливчик наклонил одно ухо в сторону Лизушки. Та покорно припала к земле и подползла ближе, с готовностью заглядывая в глаза своему наставнику.

– Лизушка, теперь нам понадобится твоя сила, – прошептал Счастливчик. – Ты все еще меньше нас, поэтому сможешь сделать то, что нам не удастся. – Он с удовольствием увидел, как просияли глаза Лизушки. – Видишь вон ту кроличью норку? Сделай вид, будто хочешь добраться до кроликов. Подбеги и начни рыть, поняла?

– Только сделать вид? – Лизушка вопросительно склонила набок голову.

– Пока да. Иди! – Счастливчик кивнул в сторону склона. – Можешь поднять столько шума, сколько захочешь, сейчас это нам только на пользу.

Лизушка радостно тьякнула и помчалась к норе. Оставшиеся кролики бросились врассыпную и скрылись в дальних норках, только белые хвостики мелькнули на прощание. Но Лизушка даже не посмотрела им вслед, ее внимание было приковано к норе, на которую указал ей Счастливчик. Заливаясь оглушительным лаем, она просунула голову в тесное отверстие и принялась разбрасывать землю передними лапами. Ее хвост бешено крутился в воздухе, задние лапы дрожали от натуги.

Дальше все пошло так гладко, как будто сама Собака-Лес взялась помогать охотникам. Из всех ближайших норок стали в панике выскакивать кролики. Стремительные бурые вихри замелькали по желтеющей траве долины, и Счастливчик не стал терять времени даром. Он кидался, кусал, прыгал и убивал, стараясь делать это как можно быстрее и аккуратнее. Время как будто остановилось, остались только кролики и охотник.

С размаху поставив лапу на спину очередного удирающего кролика, Счастливчик прикончил его укусом в шею и остановился перевести дух. Потом повернул голову и искал глазами Пороха.

Три кролика промчались прямо перед его носом, но пес даже не взглянул на них. На его плечах ходили ходуном могучие мышцы, охотничий инстинкт гнал Пороха следом за дичью, но огромный пес пересилил себя. Он не тронулся с места даже когда один из удирающих кроликов в панике споткнулся и перекувырнулся через голову.

– Вот он! – тьякнул Счастливчик, увидев промельк белого меха, вылетевший из норы.

Но Порох не нуждался в сигналах. Он уже мчался по траве. Прыжок, удар, щелканье могучих челюстей, тихий хруст хрупких косточек – и в зубах у

Пороха повисло обмякшее белое тельце. На миг Счастливчик почувствовал уже знакомый прилив радости, от которого кровь начинала бурлить в жилах.

Славная охота!

Но потом странная дрожь пробежала по его телу. Словно темная тень легла на долину, омрачая все вокруг грозным предзнаменованием беды. Лес зловеще притих, и Счастливчик тоже застыл как вкопанный, не в силах отвести остановившихся глаз от белого тельца мертвого кролика Порох склонил голову, вопросительно взглянул на него.

«Что со мной? – в смятении подумал Счастливчик. – Ведь все хорошо! Мы выполнили задание!»

Он встряхнулся, сбрасывая с себя оцепенение. С усилием подняв голову и хвост, Счастливчик бросился бежать.

Лизушка продолжала рыться норе, ее глухое тьяканье то и дело прерывалось восторженным визгом. Несколько мгновений Счастливчик постоял рядом с ней, потом боднул свою ученицу в подпрыгивающий от восторга зад.

– Хватит, хватит, Лизушка! Уже все.

Она с усилием заработала задними лапами и вытащила из норы перепачканную землей голову. Уши у нее стояли торчком, из широко разинутой пасти свешивался розовый язык. Лизушка громко фыркнула и слизнула с морды приставшие комья земли.

– До чего же было здорово! – проскулила она.

– Я рад, что тебе понравилось, – пробасил Порох, не выпуская из пасти кролика. – Ты молодец, отлично справилась.

Медленно помахивая хвостом, Счастливчик обнюхал белую тушку. Вновь странная дрожь пробежала по его шерсти, холодок расползся по хребту, но на этот раз Счастливчик не поддался на эти глупости. Он громко щелкнул зубами и пошел подбирать свою добычу.

– Лизушка, идем со мной. Сегодня ты не добыла свою дичь, но помогла нам справиться с делом, а значит, имеешь полное право отнести добычу в лагерь!

– Ура!

Лизушка даже запрыгала от счастья, как веселый щенок. Подскочив к Счастливчику, она схватила в пасть сразу двух кроликов.

Перед тем как уйти, Счастливчик снова обернулся на то место, где Порох убил белого кролика. На белой скале темнела лужица свежей крови. Содрогнувшись, Счастливчик крепче сжал зубами свою добычу.

«Это была охота. Обычная, ничем не примечательная охота, такая же, как вчера и три солнца назад. В этом кролике тоже нет ничего особенного... кроме броской белой шерстки».

Обратный путь лежал через узкую долину, со всех сторон окаймленную колючими кустами и зарослями чертополоха. В пору Алого листа Собака-Солнце не забиралась высоко в небо, поэтому даже самые короткие деревца отбрасывали длинные тени. До лагеря было хвостом подать, но Счастливчик все равно оставался начеку.

В неподвижном воздухе, звонком от легкого холодка, все звуки резко обострились, поэтому Счастливчик немедленно встрепенулся, услышав тихий шорох неподалеку. Он замер и вскоре увидел знакомую золотистую шерсть, мелькавшую за голыми стволами деревьев.

— Белла? — настороженно тьякнул Счастливчик.

Она в замешательстве покосилась на Пороха и Лизушку, потом встряхнулась, но осталась стоять и тихо сказала:

— Привет, Счастливчик.

Он положил на землю своих кроликов, коротко тьякнул Пороху:

— Идите, я вас догоню.

Порох обернулся через плечо, кивнул и погнал Лизушку вперед.

Счастливчик перевел глаза на Беллу, которая нервно расхаживала перед ним взад-вперед, не решаясь поднять глаза.

«Это же моя сестра», — напомнил он себе, но Белла все равно казалась ему более чужой, чем Порох. Наверное, простить можно все, но вряд ли возможно сохранить прежние отношения к тому, кто тебя предал.

Белла перестала расхаживать и царапнула землю передней лапой, оставив на пыльной земле похожие на раны полосы.

— Счастливчик, — выдавила она, — мы так и не поговорили после того...

— После чего? — резко перебил ее Счастливчик. — Давай, Белла, продолжай. Или не можешь найти слов для того, что сделала?

Сестра подняла свою золотистую голову и впервые взглянула ему в глаза. Счастливчик увидел, как сокращаются мышцы на ее шее.

— После того, как я отправила тебя в стаю Альфы и обманула, — тихо выдавила Белла, — после того, как я устроила нападение на лагерь Альфы и привела с собой лис.

— Я твой брат, — с горечью сказал Счастливчик. — Я помогал тебе. Но для тебя я не больше, чем средство. Ты, не задумываясь, использовала меня, а потом обманула и предала. Из-за тебя я едва не погиб, но ты стояла и смотрела, как Альфа собирался меня искалечить, а потом выгнал из стаи.

— Ах, Счастливчик! — жалобно взмолилась Белла. Она села и обвила хвостом задние лапы. — Ты помнишь нашу щенячью стаю? Помнишь, как мы спали вместе, в тепле нашей Мамы-Собаки?

В горле у Счастливчика заклокотало рычание.

– Думаешь, воспоминания заставят меня забыть о том, что ты сделала?

– Нет! Я не этого хочу, Счастливчик! Ты помнишь сказки, которые рассказывала нам Мама-Собака? – карие глаза Беллы смотрели на него с мольбой. – Помнишь, что она говорила нам о волках? «Держитесь подальше от волков! – вот что она постоянно нам твердила. – Они плохие. Не приближайтесь к ним, щенята!» Я не забыла мамины уроки. Я думала, что сразиться с Альфой и победить его – это хорошее дело. Я думала, что это важнее всего.

«Важнее меня, – сухо подумал Счастливчик. – И важнее жизнью тех собак, о которых ты ничего не знала, но была готова отдать на растерзание лисам. Ты хотела победить волка из маминой сказки, а в результате погиб маленький Пушок, только-только начавший жить... Не слишком ли легко ты распоряжаешься чужими жизнями, сестренка?»

– Значит, это детские сказки заставили тебя предать меня? – хмыкнул он вслух. – Я правильно тебя понял?

– Он, конечно, полуволк, – сбивчиво продолжала Белла, – но ведь с виду вылитый волк, правда? Я решила, что он опасен для всех! И для тебя тоже!

– Вот это новость! – скривился Счастливчик. – Прости, Белла, но я не успеваю за твоими мыслями. Ты считала, что Альфа угрожает нашей жизни, но вместо того, чтобы поделиться со мной своими опасениями, отправила меня в стаю Альфы и попросила шпионить за ним? А когда я хотел уйти, ты врала мне и уговаривала не торопиться? Знаешь, если ты хотела меня защитить, то выбрала очень странный способ!

– Но ведь когда ты хотел уйти, я как раз придумала попросить помощи у лис! – пролепетала Белла. – Честное слово, Счастливчик, я считала, что поступаю правильно! Я думала, что если ты узнаешь о моих планах, то тебе будет грозить еще большая опасность...

Счастливчик больше не мог слушать этот бессвязный бред.

– Хватит, Белла. Вспомни, где ты живешь сейчас. В стае полуволка. Под его началом, выполняя его приказы. Мамины сказки остались в прошлом, ты не заметила?

Белла еще ниже припала к земле и просительно забила хвостом. Она уткнулась подбородком в пыль и уставилась на брата:

– Я знаю, что поступила плохо, Счастливчик. Но поверь, я не хотела подвергать тебя опасности! Я думала как лучше, а вышло плохо... Это была просто ошибка!

Ее глаза блестели, уши жалобно повисли.

«Она ждет, что я ее прощу, – в смятении подумал Счастливчик. Его сердце разрывалось от жалости и тоски. – Но беда в том, что я не могу! Пока не могу».

Белла вскочила так стремительно, что Счастливчик невольно отпрянул. Ее глаза, только что такие темные и несчастные, вспыхнули бешенством:

– Хватит жалеть себя, Счастливчик!

– Что? – он удивленно поднял уши, внутренне оцепенев.

– А где ты был, когда Альфа собирался меня убить? – визгливо пролаяла Белла. – Да, я твоя сестра! А ты ничего не сделал, чтобы меня спасти!

Стыд обжег Счастливого, мгновенно поглотив его гнев.

«Она права. Тогда за Беллу заступился только Бруно, а я промолчал».

Счастливчик сел и внимательно посмотрел на сестру. Ее морда была перекошена выражением ярости и искреннего горя.

Счастливчик вспомнил тот день, когда он встретил Беллу после долгой разлуки, когда его сестра и члены ее нелепой стаи бросились в битву в брошенном супермаркете. Он вспомнил, как был потрясен встретив сестру, как был счастлив... Вспомнил, как искренне обрадовалась Белла, когда он согласился на время остаться с ней и ее стаей. Кто бы тогда мог подумать, что все закончится вот так?

«Я не хочу, чтобы так было, но Белла... Она так ничего и не поняла! Никакие испытания не научили ее тому, что такое ответственность за свои поступки. Она не учится на своих ошибках, а думает, что достаточно попросить прощения и все снова станет, как раньше... Я люблю ее, но не могу ей доверять. Кто знает, какая безумная затея придет ей в голову завтра?»

Новый запах зашекотал ему ноздри. Покосившись на опораживавшие лагерь колючие кусты, Счастливчик заметил два любопытных черных глаза и длинную узкую мордочку. Оказывается, юная Свирепая собака все это время наблюдала за ними и слушала их разговор.

– Лизушка! – сердито гавкнул Счастливчик.

Лизушка нехотя протиснулась сквозь колючки и подошла к Белле и Счастливчику, виновато повесив хвост. Закатный свет Собаки-Солнце окрашивал ее блестящую шкуру сверкающей бронзой, делая добродушную Лизушку пугающе похожей на Сталь, безжалостную Альфу свирепой стаи.

Вот только виноватый голосок Лизушки ничем не напоминал страшный рык Стали:

– Прости, Счастливчик... Я знаю, что подслушивать нехорошо, но я забеспокоилась, куда ты пропал, и вот...

Счастливчик бросил сокрушенный взгляд на Беллу, потом сурово насупился на Лизушку:

– Ради Собаки-Земли, о чем ты беспокоилась? Разве ты не знаешь Беллу?

– Ну да, вот поэтому я и... – Лизушка плюхнулась на задние лапы, опустила уши. – Я подумала, вдруг вы поссоритесь... Вы даже не представляете, какие вы счастливые! Вот если бы мои братья были со мной, то я бы... – Она жалобно заскулила и отвернулась.

Чувство вины тяжелым камнем упало в живот Счастливого. Бедная, бедная Лизушка! Сколько горя она вынесла в своей короткой жизни! Ее мать умерла, одного ее брата убили у нее на глазах, второго забрала жестокая Сталь...

– Прости меня, Лизушка, – тихо сказал Счастливчик. – Я не забыл о твоих потерях, я всегда помню о них. Но между мной и Беллой... знаешь, такое тоже случается. Жизнь, она разная... Нам нужно...

Лизушка подняла на него несчастные темные глаза.

— Вы должны радоваться, что вы вместе, вот и все, — смущенно пробормотала Лизушка. — Я просто так думаю. Вот и все.

Выпалив это, молодая свирепая собака вскочила и бросилась в лагерь, грустно повесив хвост и уши.

Сердце Счастливого дрогнуло, он громко забил хвостом по земле от гордости.

«До чего же она умная! — с невольным восхищением подумал он. — Просто невероятно, что такая юная собака может быть настолько мудра. Какая жалость, что Альфа не слышал нашего разговора! Может, тогда до него, наконец, дошло бы, до чего Лизушка добрая и чуткая собака!»

Белла тихонько заскулила, и Счастливчик заставил себя заглянуть ей в глаза. Там была боль — та же самая, которая уже давно камнем лежала на его сердце.

«Лизушка права. Мы оба несчастны, но...»

Он уже открыл пасть, чтобы произнести несколько примирительных слов, но тут оглушительный треск разорвал небеса и из-за туч сверкнула вспышка. Белла и Счастливчик дружно вскинули головы, разом забыв о своей ссоре. Прямо над ними висели черные страшные тучи, набухшие грозой и ливнем.

— Молния! — протявкала Белла, — Он лает!

— Нужно найти укрытие! — провыл Счастливчик.

Он быстро подхватил с земли своих кроликов, и они с Беллой помчались по пыльной земле, по которой уже застучали первые тяжелые капли дождя. Молния снова прыгнул из туч, огласив долину хриплым раскатистым лаем.

— Счастливчик! — в ужасе завывала Белла.

— Быстрее! Сюда!

Счастливчик заметил полуосыпавшийся песчаный склон, но все же обещавший какое-никакое укрытие. Было ясно, что до лагеря им не добежать, так что выбирать не приходилось.

В два прыжка Счастливчик взлетел по рыхлому, съезжающему под лапами песку и заметил чуть в стороне темную пасть небольшой пещерки.

«В таких маленьких пещерах обычно водятся...»

Барсуки!

Страшный косматый зверь в бешенстве выскочил из своего логова. Счастливчик уже успел умчаться далеко вверх, но Белла как раз приближалась к норе, и расвирепевший хищник бросился на нее, прямо ей на спину. Счастливчик увидел крохотные злые глазки и длинную черную морду с белыми полосами по бокам, потом сверкнули страшные белые клыки. Барсук зубами схватил Беллу за шею и прошелся своими страшными когтями по ее плечу. Раздался захлебывающийся визг боли.

Счастливчик швырнул своих многострадальных кроликов на землю и помчался вниз по склону. Подбежав к барсуку, он на ходу выбросил вперед обе передние лапы, чтобы отшвырнуть злодея прочь, но напрасно. С поразительной быстротой барсук развернулся и размашисто полоснул Счастливого когтями по морде. Раны оказались так глубоки, что

Счастливец отчаянно затряс головой, пытаясь облегчить жгучую боль, но барсук не собирался давать ему время на передышку и ударил еще раз, злобно скаля острые мелкие зубы.

Берег озарился мертвенным белым светом – это Молния снова прыгнул через все небо. Ошеломленный барсук наконец-то опустил когти, и еле живой Счастливец кубарем откатился в сторону. Белла подпрыгнула, шлепнув хвостом по песку. Счастливец изо всех сил впился зубами в барсучий загривок, пытаясь удержать рвущегося зверя.

Грудь ломало, боль горячими вспышками прожигала шкуру на морде, но Счастливец из последних сил наваливался на барсука.

«Только бы не укусил!»

Ему уже доводилось встречаться с этими страшными зверями в битве, и он знал, что разъяренный барсук будет сражаться насмерть, но не отступит.

Молния снова прыгнул, сотрясая тучи. Но на этот раз вспышка света принесла с собой запах, который опалил ноздри Счастливика. Страшно знакомый запах...

«Это он! – в ужасе подумал Счастливец. – Тот самый плохой дождь – тот, который едва не убил нас в старом лагере!»

Он извернулся всем телом и посмотрел в небо. Барсук тут же воспользовался этим, сбросил с себя Счастливика и отскочил в сторону, в последний миг увернувшись от прыгнувшей на него Беллы. Раздосадованный неудачей барсук с утроенной злобой обрушил свои когти на истерзанный бок Счастливика.

В первый миг Счастливец ничего не почувствовал, потом боль накрыла его с головой, так что в глазах почернело. И тут с неба обрушился дождь – настоящий поток воды и мокрого пепла. Черные хлопья мгновенно осыпали Счастливика с ног до головы, прилипли к его мокрой шерсти, забились в раны. Дождь обжигал страшнее барсучьих когтей, казалось, это был какой-то невидимый страшный зверь, с чудовищной силой вгрызавшийся в плоть и пожиривший кости.

Ослепнув от боли и бешенства, Счастливец кинулся на барсука и впился зубами в его шею. Он несколько раз яростно встряхнул тяжелую тушу врага и едва не упал, когда барсук вдруг обмяк и осел на землю.

– Счастливец, ты его убил! – донесся до него срывающийся лай Беллы. Она лежала на земле, дрожа всем телом.

– Белла... Ты цела? – прохрипел Счастливец, с тревогой обнюхивая ее.

– Целехонька! – Белла с трудом поднялась на лапы и стряхнула с себя мокрый черный пепел: – Это ты ранен!

Первый порыв обжигающего ливня уже прошел, теперь с неба падали лишь редкие капли, да несколько черных хлопьев лениво кружились в сыром воздухе.

Бока Счастливика горели огнем. Повернув голову, он хотел обнюхать и облизать свои раны, но содрогнулся от едкой вони и привкуса пепла.

– Все нормально, – буркнул он. – Пара царапин, это пустяки. Просто дождь жжется.

Он поднял голову и посмотрел вслед уползающей фиолетово-черной туче, уносящей жгучий дождь куда-то за дальние горы. Выходит, страшная туча до сих пор идет за ними по пятам, значит, Альфа был прав, когда принял решение пуститься в путь. Нужно убраться как можно дальше от этих отравленных мест. Жизнь показала, что их новый лагерь на другой стороне белой гряды ничуть не безопаснее предыдущего. Сколько же еще им предстоит странствовать? С тех пор, как Большой Рык разрушил город и дома собак, они только и делают, что куда-то идут, создают свои стаи, вливаются в чужие, сражаются со свирепыми псами...

«Когда же это все закончится?» – в который раз спросил себя Счастличик.

Он вспомнил Хромого, замкнутого гордого пса, который по своей воле ушел из стаи. Счастличик привык считать себя одиночкой, который ни в ком не нуждается, но не он, а Хромой принял решение уйти в никуда, чтобы не чувствовать себя чужим в собственной стае. Как он? Жив ли? Как справляется в одиночку в эти страшные времена?

– Ты спас мне жизнь, – прошептала Белла. – Спасибо.

Счастличик облизнул клыки и встряхнулся. Наверное, когда мир рухнет на твоих глазах, единственное, что остается, – когтями держаться за надежду. Без нее можно сразу отказаться от борьбы и погибнуть под первым же черным ливнем или землетрясением.

Белла продолжала смущенно переминаясь с лапы на лапу. Счастличик вздохнул и ткнул ее носом в шею. Наверное, Лизушка права – им повезло, что они вместе. Что бы ни натворила Белла, как бы ни сердился на нее Счастличик, он не мог навсегда отвернуться от сестры.

– Идем, – твякнул он. – Пора возвращаться в лагерь. Нужно рассказать всем, что случилось, да и церемонию не хочется пропустить!

– Мы и так опоздали, – пропыхтела Белла, взбираясь следом за братом по песчаному склону. – Надеюсь, Альфа поймет, когда мы расскажем ему о барсуке.

– Как бы то ни было, я должен с ним поговорить, – процедил сквозь зубы Счастличик. – Слишком много решений нужно принять, и чем быстрее, тем лучше.

Собака-Солнце сидела над верхушками холмов, озаряя собакам путь последними лучами густого медного света. Сумерки стужались, и вскоре пришлось идти в темноте.

Выйдя из-за деревьев, Счастличик остановился и ошеломленно разинул пасть.

– Пахнет щенком! – пробормотал он, настораживая уши. – Ты чувствуешь, Белла?

Его сестра принюхалась, раздувая ноздри.

– Да, верно. И запах совсем свежий! Получается, кто-то прошел здесь сразу после ливня?

Счастличик кивнул.

– Да, только что.

– Может, это Лизушка? – неуверенно предположила Белла.

– Нет. Ее запах я ни с чем не спутаю, – Счастливчик растерянно огляделся по сторонам. – Знаешь, мне кажется, что этот щенок вообще не из нашей стаи.

– А вот и Лизушка, кстати, – понизив голос, сказала Белла, указывая ушками на молодую Свирепую собаку, нетерпеливо поджидавшую их на краю лагеря.

– Что ты здесь делаешь? – спросил Счастливчик, подбегая к Лизушке.

– Я беспокоилась, – пролаяла Лизушка, со всех лап бросаясь к нему. – Я больше не могла ждать, поэтому решила вернуться за вами.

– С нами все в порядке, – успокоил ее Счастливчик. – Просто по пути мы встретились с Молнией.

Но его слова не успокоили Лизушку, продолжавшую жалобно скулить.

– И все? Больше вы никого не встретили? – испуганно спросила она, обводя глазами лес и скалы. – Никого-никого?

– Только огромного барсука, – с напускной беспечностью ответила Белла. – Но мы его одолели. Правда, Счастливчик?

Трудно сказать, что озадачило Счастливчика сильнее – внезапная бравада Беллы или загадочное поведение Лизушки. Как она могла догадаться, что Счастливчик и его сестра столкнулись с кем-то в горах, и главное, почему она до сих пор смотрит куда-то в ту сторону, откуда они пришли?

Счастливчик потерся носом об ухо Лизушки и подтолкнул ее в сторону лагеря.

– Кстати, я почуял тут какой-то странный запах, – сказал он, не сводя глаз с притихшей Лизушки. – Совсем недавно здесь побывал какой-то щенок. Чужой щенок, не из нашей стаи. Ты его видела?

– Нет! – поспешно выпалила Лизушка. – Откуда здесь взяться щенку? Что ему тут делать? – Счастливчик заметил, как напряглись мышцы на ее морде, как она быстро облизала клыки. – Ой, я и забыла, меня Прыгушка звала! – выпалила Лизушка и, не дожидаясь ответа Счастливчика, бросилась в кусты.

Он помедлил, глядя ей вслед. Нет, Счастливчик не слышал, чтобы Лизушку кто-то звал. И голоса Прыгушки он тоже не слышал. Более того, он даже не видел ее черно-рыжей шерсти за ветками кустов, в которые шмыгнула Лизушка.

Счастливчик припомнил щенячий запах, и шерсть сама собой зашевелилась у него на загривке. Похоже, поспешное бегство Лизушки было как-то связано с загадочным запахом еще более загадочного щенка.

«Что-то тут нечисто, – подумал Счастливчик. – И я должен выяснить, в чем дело».

– Почему так долго?

Счастличик повернул голову и заглянул в холодные желтые глаза Альфы, который разглядывал его с выражением недоброго любопытства. Сделав глубокий вдох, Счастличик подошел к полуволку, вальяжно растянувшемуся на невысоком взгорке, еще озаряемом последним светом заката. Остальные собаки толпились внизу, готовясь разойтись по своим спальным местам. В воздухе уже чувствовалось дыхание ночных заморозков, тонкие струйки тумана поползли по траве в густой тени. Счастличик поежился.

– Я тебя слушаю! – чуть повысил голос Альфа. – Порох вернулся давным-давно и принес белого кролика. Где ты был?

– Прости, что задержался, Альфа, – ответил Счастличик, стараясь говорить как можно спокойнее и сдержаннее. – Я остановился поговорить с Беллой. Нам нужно было... кое-что обсудить. И я почуял кое-что...

– Хватит! – рявкнул Альфа, резко вскакивая. – Разве я не ясно высказался? Ты хорошо слышишь, уличный пес? Я сказал, что запрещаю членам своей стаи подвергать себя опасности за пределами лагеря! Это значит – никаких уединенных встреч и сплетен тайком от стаи, которая ждет вас!

– Но мы вовсе не... – вскинулся Счастличик.

– Молчать! Как вы посмели остаться наедине в такое время, когда собаки Стали рыщут повсюду? Они охотятся за нами, уличный пес! Если мы не будем начеку, они выследят нас и уничтожат! – Глаза Альфы вдруг тревожно расширились – он наконец-то заметил рану на боку Счастличика; – Это еще что такое? На вас напали? Если это сделала Сталь, то я... – полуволок напрягся всем телом и зарычал, скаля крепкие клыки.

– Нет! – поспешно выпалил Счастличик и виновато опустил голову. – Нет, Альфа, это не Сталь, мы ее даже не видели. На нас напал барсук... ничего особенного...

Альфа презрительно скривил пасть:

– Значит, вас задержал какой-то барсук? Надо же, какое несчастье! Из-за какой-то мелкой стычки вы позволили себе опоздать!

– Нет, это не так, – твердо ответил Счастличик. – Когда мы дрались с барсуком, случилось кое-что похуже. Гораздо хуже. Пошел плохой дождь – тот самый, от которого мы убежали в прошлый раз.

Альфа приподнял уши.

– Ты не сочиняешь? Здесь не было никакого дождя – ни плохого, ни обычного.

– Его снесло ветром, но я видел черные хлопья, они обжигали мне царапины. Получается, мы до сих пор не ушли от этого дождя!

Впервые за все время разговора Альфа ненадолго потерял свою самоуверенность. Его гнев мгновенно утих, шерсть на загривке опустилась.

– Значит, нужно снова пускаться в путь, – пробормотал он, обращаясь больше к самому себе, чем к Счастличику. Глаза полуволок вспыхнули

грозым золотым светом. – Но только после церемонии! Никакая сила не сорвет нам это событие!

Услышав последние слова предводителя, Носишка и Вьон подскочили от радости и бросились на пригорок, разбрасывая лапами целые кучи сухих листьев. Они словно забыли свой обычный страх перед грозным вожаком и лаяли наперебой, умоляюще заглядывая в желтые волчьи глаза:

– Уже пора, да? Уже сейчас? Альфа, скажи!

За их спинами Счастливчик разглядел Лизушку, робко семенившую следом. Ее уши стояли торчком, в глазах застыла пугливая надежда, при виде которой у Счастливчика разболелось сердце.

«Нет, малышка, эта церемония не для тебя», – с болью думал он. И дело было далеко не только в том, что Лизушка была младше щенков Пороха и Луны. Она была Свирепой собакой, и этим все было сказано. Все знали, что Альфа на дух не переносит собак этой породы и что он с огромной неохотой смирился с присутствием в стае юной и тихой Лизушки.

«Я боюсь, что Альфа никогда не захочет провести для тебя эту церемонию, – вздохнул Счастливчик. – Если только я не придумаю что-нибудь...»

Но что он мог придумать?

Лапочка отрывисто залаяла, созывая стаю. Все собаки вскочили со своих мест, причем бывшие домашние питомцы сделали это чуть ли не с большей охотой, чем дикие. Добрый пастуший пес Микки мчался бок о бок с Кусакой, а здоровенный Бруно семенил рядом с маленькой и шустрой Прыгушкой, явно радуясь ее обществу.

Несмотря на то, что бывшие Собачки-на-поводочке до сих пор предпочитали держаться вместе и время от времени нет-нет да и вспоминали былые времена и своих сбежавших Длиннолапых, Счастливчик видел, что они с каждым днем все больше и больше приживаются в стае. Только Стрела, черная с рыжими пятнами охотничья собака, до сих пор сторонилась новых членов стаи, хотя была неизменно дружелюбна с ними. И Дикие, и бывшие Поводочные одинаково недолюбливали противного плосконосого Нытика, только маленькая Солнышко всегда дружески болтала с ним. Большая черная Марта крепко сдружилась с Луной и обожала ее щенков, а веселая Дейзи вечно скакала вокруг Пороха.

«Мои Поводочные друзья отлично поладили с Дикими», – радостно подумал Счастливчик.

Члены стаи собирались вокруг кучи с добычей, но этим вечером все вели себя немного иначе, чем обычно, – никто не тянулся лапой за лапу, но и не мчался вперед, обгоняя остальных. Этим вечером в воздухе чувствовалось какое-то особое напряжение. Собака-Луна – у нее как раз было время особой полноты – еще не поднялась над землей, но вся стая уже с нетерпением ждала ее появления. Все уши стояли торчком, все глаза горели в сумерках. Хвосты виляли, языки болтались, запах радостного предвкушения облаком стоял над лагерем.

«А ведь я волнуюсь ничуть не меньше, чем все они, – с удивлением понял Счастливчик. – Только мне ужасно жалко Лизушку – я бы так хотел увидеть ее счастливой!»

Даже вечерняя трапеза на этот раз проходила немного иначе – строгая дисциплина не выдержала всеобщего праздничного настроения. Собаки болтали и таякали наперебой, лишь изредка и ненадолго затихая под суровым

взглядом Лапочки. Альфа, как ни странно, будто не возражал против этого грубейшего попрания правил и только шурил свои желтые волчьи глаза.

– Прыгушка, твоя очередь еще не наступила!

– Прости, Лапочка, – взвизгнула веселая собака. – Эй, Нытик! А ну назад! Кто тебе сказал, что ты можешь занять мое место?

– Тише вы! – давась от смеха, фыркнула Стрела. – Нытик, ты у нас пока не Альфа, так что сядь на место.

– Когда же Собака-Луна нас разбудит? – пропищала Носишка, не в силах сдержать нетерпения. Она так размахивала хвостом, что нечаянно хлестнула по носу Вьюна.

– Потерпи, Носишка, – сурово твякнула Лапочка, но ее прекрасные карие глаза так и лучились веселой лаской.

– И не прикасайся к еде, пока Лапочка не поела, – проворчал Альфа, замахаясь лапой на Носишку. Но шлепок получился совсем легким, лишь слегка взъерошившим шерсть нетерпеливой малышки.

«Видно, эта Церемония и впрямь дело особенное, – решил Счастливчик. – Виданное ли дело, чтобы сам Альфа так снисходительно относился к нарушениям дисциплины!»

Время шло, собаки по очереди съедали свои порции еды, но в этот вечер радостное ожидание предстоящего события заглушало даже самый сильный аппетит. Счастливчик тоже съел меньше обычного, торопясь поскорее уступить очередь следующим голодным. Он скосил глаза и заметил сбоку огромную черную фигуру Марты. Она, как и все остальные, выглядела заинтересованной и не на шутку взволнованной. Вытянув свою громадную перепончатую лапу, Марта нервно покусывала когти.

– Я все-таки этого не понимаю, – шепотом призналась она Счастливчику. – Почему это так важно? У меня, например, никогда не было церемонии Наречения. И у моих братьев и сестер тоже. Но ведь мы все равно получили имена!

– Я тоже об этом все время думаю, – призналась Дейзи. Она втиснулась между Счастливчиком и Мартой, а маленькая Солнышко тихонько прокралась за ней следом. Бывшие Собачки-на-поводочке привыкли обращаться к Счастливчику со всеми вопросами, касающимися непонятной для них дикой жизни, как будто он знал все на свете и мог разрешить все их сомнения.

«Они просто слишком долго жили под защитой своих Длиннолапых, – напомнил себе Счастливчик, – а я порой забываю о том, как мало они знают о жизни... Даже сейчас, после всех испытаний, они еще совсем неопытны».

– Порох рассказал мне кое-что, – объяснил он вслух. – Я знаю, что здесь собаки сами выбирают себе имена, поэтому все будет совсем не так, как было у вас. Как только у собаки вырастают задние зубы, ей разрешают самостоятельно выбрать себе имя. К выбору здесь относятся очень серьезно, потому что имя должно подходить собаке.

Солнышко склонила головку набок, ее шелковистая белая шерстка сияла в лунном свете. Счастливчик знал, что ей приходится быть гораздо терпеливее, чем другим – еще бы, ведь теперь она была Омегой, а значит, должна была быть самой последней. Он был рад, что белая крошка, кажется, не слишком сильно переживала из-за своего положения, но еще больше радовался тому, что сегодня ей оставили целую половину большого и сочного

кролика. Похоже, этой ночью все так торопились на праздник, что забыли о еде!

— Ой, как хорошо, что мне не нужно будет проходить такую ой-ой... церемонию наворачения! — протявкала Солнышко. — Это все так серьезно, о-о-о-ой. И вообще, мне нравится мое имя! Оно мне чудесненько подходит, правда? Я бы никогда ничего лучше не выдумала, честное слово! Ой, как хорошо, что я Солнышко!

— Тебе очень подходит твое имя, — с улыбкой проронил Счастливчик.

«Неужели она до сих пор не поняла, что у нее больше нет никаких „своих“ Длиннолапых? — подумал он. — Теперь у нее есть только стая».

И все-таки Солнышко тоже заметно изменилась за это время. Теперь в ней было не узнать ту капризную изнеженную малютку, которая закатывала истерики из-за каждой встречавшейся на пути лужи. Наверное, она будет помнить Длиннолапых и звать их «своими» до тех пор, пока ее не заберет Собака-Земля... Эту привычку малютка вряд ли когда-нибудь сможет побороть.

— Принесите белого кролика!

Громкий окрик Альфы прервал размышления Счастливчика. Вся стая встрепенулась, все вытянули шеи.

— Ой, это же моя обязанность! — взвизгнула Солнышко и опрометью бросилась следом за Нытиком, таявкая на бегу от волнения и гордости. Не успел Счастливчик и глазом моргнуть, как две маленькие собаки — бывший Омега и нынешняя — вынырнули из кустов, волоча тушку белого кролика. Они очень бережно положили свою ношу на плоский камень перед Альфой и молча отошли. При этом Солнышко семенила с гордо поднятой головой, а Нытик бросил на Счастливчика косой взгляд, полный презрения и ненависти.

— Что это с ним? — шепотом спросила Лизушка, прижимаясь к боку Счастливчика.

— Тише, — шикнул на нее Счастливчик, — церемония начинается!

Ему не хотелось посвящать ее в свои запутанные отношения с бывшим Омегой. Несмотря на то, что Нытик все-таки сумел исполнить свою давнюю мечту и занял более высокое положение в стае, он продолжал искренне ненавидеть Счастливчика.

«Но это уже его трудности, — сердито подумал Счастливчик. — Меня это не касается!»

По всей видимости, Альфа тоже заметил взгляд Нытика, потому что грозно оскалился на плоскомордого пса:

— Омега и Нытик! Вы исполнили свою обязанность, а теперь убирайтесь! Ваше место в задних рядах стаи!

Солнышко мгновенно повиновалась, весь ее вид говорил о том, что она знает свое место и вполне довольна им. Но Нытик скорчил страшную гримасу, судорога прошла по его безобразной плоской мордочке, левый глаз несколько раз дернулся.

«Он хочет огрызнуться, но страшно трусит», — догадался Счастливчик.

С видом злобной покорности Нытик проскользнул сквозь толпу собак. На этот раз он намеренно не смотрел в сторону Счастливчика.

«Неужели он до сих пор для меня опасен?» – задумался Счастливчик, но тут же отогнал эту мысль, впившись глазами в Альфу и Лапочку. Стройная собака-бегунья выглядела особенно изящной и торжественной рядом с приземистым и сильным Альфой.

Альфа сделал шаг вперед и остановился перед тушкой кролика.

– Кусака. Прыгушка. Ко мне.

Судя по всему, обе собаки прекрасно знали, что нужно делать. Не дожидаясь приказа, они встали передними лапами на кролика – Прыгушка на его передние лапы, а Кусака на длинные задние. В наступившей мертвой тишине Альфа поставил свою тяжелую лапу на голову зверьку и с хрустом раздавил его хрупкий череп. Потом он поднял вторую лапу над тушкой кролика и одним молниеносным движением обрушил ее на шею зверька. Распоров тушку от горла до живота, Альфа оскалил клыки и шумно впился в глотку кролика.

Послышался негромкий хлюпающий звук – это Альфа одним молниеносным движением содрал с кролика шкуру и швырнул ее, совершенно целую, на камень.

Теперь настал черед Лапочки. Шагнув вперед, она схватила в зубы окровавленную тушку и отшвырнула ее прочь.

Счастливчик сглотнул. Он впервые в жизни видел так безупречно освеженного кролика – казалось невероятным, что волк, славящийся своими жадными и кровавыми трапезами, способен на такое искусство.

Вся стая затаила дыхание. Окровавленная белая шкурка лежала на плоском камне, призрачно сияя в свете восходящей Собаки-Луны.

– Вьюн. Носишка, – на этот раз во властном голосе Альфы звучала нескрываемая гордость: – Займите свои места возле Лунной Шкуры.

Щенки испуганно вышли вперед Счастливчик заметил, что они оба дрожат с головы до пят. Пересилив страх, Носишка и Вьюн вскочили на камень, повернулись и сели на белую шкуру. Носишка не удержалась и нервно обнюхала ее.

– Вам нечего бояться, юнцы, – негромко прорычал Альфа. Счастливчик еще никогда не слышал, чтобы голос полуволка звучал так ласково. – Вам настало время выбрать себе имена, которые вы будете носить до самой встречи с Собакой-Землей. Закройте глаза и поднимите головы к Собаке-Луне. Сегодня, в ночь своего наивысшего сияния, она покажет вам, кто вы такие.

Альфа окинул взором притихшую в ожидании стаю. Он по очереди заглянул в каждую пару взволнованных глаз, потом медленно откинул голову и огласил ночное небо низким рокочущим воем.

Собаки, одна за другой, подхватили песнь. Каждый голос усиливал и преображал этот потусторонний вибрирующий звук, который отражался от скалистых утесов, заполняя собой лес и ущелье. Когда настала очередь Счастливчика, он испустил вой, идущий прямо от сердца, костей и внутренностей, и его голос, как и другие, наполнился силой общего хора. Голоса стаи, сливаясь, взлетали все выше и выше, пока не превратились в единый торжественный зов – в песнь великой ночи.

Мороз пробежал по шкуре Счастливчика, каждая его шерстинка встала дыбом, когда общий вой накрыл его, словно волна, поглотив без остатка. Великая

Песнь всегда имела над ним особую власть, именно она неизменно убеждала Счастливику в том, что его судьба – это стая, а не жизнь одиночки. Великая Песнь дарила ему кровное чувство сопричастности, но никогда еще оно не было так сильно, как этой ночью. Счастливчик открыл глаза, чтобы впитать в себя серебряное сияние Собаки-Луны, но как раз в этот миг легкое облачко заволокло дымкой круглую морду Луны, и дрожь, как ветер, пробежала по стае. В считанные мгновения все собаки очутились в тени – все, кроме двух щенков. Бледный лунный свет продолжал литься на Носишку и Вьюна, в благоговении застывших на белой кроличьей шкуре.

Счастливчик почувствовал, как стоящая рядом с ним Дейзи затряслась всем телом.

– Как будто Собака-Луна знает, что происходит! – прошептала она.

Счастливчик не стал шикать на нее. Конечно, во время Великой Песни не полагалось разговаривать, но сейчас он был полностью согласен с Дейзи. Он сам чувствовал то же самое. Сколько раз, когда ему хотелось провести спокойную ночь, он молил Собаку-Луну защитить его сон, но в глубине души всегда считал свои просьбы простым пожеланием – разве далекая луна могла услышать его и тем более помочь? Но этой ночью он каждой шерстинкой на шкуре верил, что Собака-Луна слышит Великую Песнь и понимает важность происходящего в ущелье.

– Я тоже так думаю, – прошептал он, поворачиваясь к Дейзи.

Постепенно Великая Песнь стала стихать, а потом и вовсе оборвалась, сменившись напряженной тишиной. Альфа опустил свою тяжелую голову и посмотрел на щенков.

– Назовите свои имена! – тихо, но очень отчетливо прорычал он.

Вьюн быстро зажмурился, потом резко открыл глаза, и они вспыхнули серебристым призрачным светом.

– Меня будут звать... – он замолчал. Что-то скользнуло по краю скалы, какая-то быстрая тень промелькнула по камню, шмыгнула в трещину и исчезла, когда Вьюн снова заговорил, его голос зазвучал необычайно сильно и уверенно: – Меня будут звать Жук! – громко провозгласил он. – Быстрый, ловкий и незаметный! Но при этом крепкий и выносливый, с твердой шкурой, которую не всякий враг сумеет прокусить.

Счастливчик услышал негромкое фырканье – ему показалось, что это Стрела попыталась подавить смех. Однако больше никто не смеялся, все собаки встретили слова Жука одобрительным рычанием.

«Х-мм, – подумал про себя Счастливчик, – это довольно неожиданно... Мне кажется, что нашему Жуку еще расти и расти до своего имени!»

Носишка, стоявшая рядом с братом, тоже открыла глаза. Она держалась гораздо спокойнее и даже не взглянула на стаю в поисках поддержки. Ее голосок прозвучал взволнованно, но очень решительно.

– Я очень долго размышляла над своим именем, – сказала Носишка, смущенно глядя в желтые глаза Альфы. – И наконец выбрала. Я буду Колючкой. Незаметной, но острой и смертоносной!

На этот раз Альфа первый издал одобрительное ворчание, которое подхватила вся стая. И только Счастливчик удивленно пошевелил ушами. «Вот уж никогда не подумал бы, что наша Носишка может быть... смертоносной!» – подумал он.

Но, возможно, выбирая себе имя, собака избирает свое будущее, а не описывает настоящее? В таком случае, имя – это то, кем она хочет стать, а не кем является.

А может быть, он просто недооценивал Носишку? Возможно, в ней есть нечто такое, что ускользнуло от его глаз? Хотелось бы знать, какой она станет, когда подрастет...

– По-моему, прекрасное имя, – прошептал Счастличик на ухо Белле.

– Да, – рассеянно ответила Белла. – Мы все боимся колючек.

– Но при этом они отлично защищают лагерь, – напомнил Счастличик. – Не зря мы ищем убежище за колючими кустами!

– М-мм, – кивнула Белла, погруженная в свои мысли.

– О чем задумалась? – спросил Счастличик.

– Да так, вдруг подумала, какое бы имя я выбрала для себя, – пробормотала Белла, поводя носом. – Если бы у меня был выбор, конечно... Никогда не думала, что буду жалеть о своей прошлой жизни, но...

– По-моему, у тебя очень красивое имя, – перебил ее Счастличик, ласково пихая носом. – И оно тебе очень подходит.

Белла смущенно покосилась на него.

– Да? Спасибо.

Но Счастличик заметил, что она все равно осталась печальной.

Ему хотелось утешить сестру, но прежде чем он успел придумать какие-нибудь ободряющие слова, кто-то пихнул его в бок и втиснулся рядом. Это была Лизушка, которой очень хотелось получше рассмотреть двух молодых собак, стоявших на Лунной шкуре. В ее широко распахнутых глазах застыло выражение благоговейного восторга.

– Ах, Счастличик, как я хочу когда-нибудь тоже получить новое имя! – прошептала она.

У Счастличика сжалось сердце. Когда-то Лизушка была в восторге от имени, которое они с Микки ей дали, когда спасли из брошенного лагеря свирепых собак, но это время давно прошло, Маленькая Лизушка выросла в отличную взрослую собаку, по праву заслуживающую новое имя.

– И непременно его получишь, – пообещал он. – Ты уже придумала, кем хочешь быть?

Лизушка покачала головой.

– Я пока не могу тебе сказать, – строго сказала она. – И не только тебе – этого вообще нельзя никому говорить до тех пор, пока не встанешь на Лунную шкуру! Да я и сама до конца не узнаю, какое мое настоящее имя, пока Собака-Луна не просветлит меня и не поможет сделать выбор.

Счастличик растроганно заморгал.

«Эта собака не только умна не по летам, она добрее и чувствительнее многих из тех, кто считает ее свирепой! – с ожесточением подумал он. – Не могу поверить, что они до сих пор этого не видят!»

Может быть, в такую ночь – великую ночь ночей! – случится чудо?

– Альфа, – выпалил Счастливец, подталкивая Лизушку вперед, так что они оба очутились за кольцом стаи. – Скажи, когда у Лизушки будет церемония Наречения?

Альфа вскинул голову и грозно уставился на них обоих. Лизушка, собрав всю свою храбрость, осталась стоять на месте, зажав хвост между лапами. Счастливец заставил себя не опускать глаза под взором Альфы.

Но Альфа не принял его вызов.

– На место, щенок! – рявкнул он на Лизушку. – Церемония окончена, и сейчас не время для болтовни!

Счастливец открыл было пасть, чтобы возразить, но не нашел слов. Лизушка прижалась к его боку и отвернулась.

Время было упущено.

Что ж, на этот раз Счастливец уступил.

Но он непременно вернется к этому разговору снова.

Колючка и Жук спрыгнули со скалы и бросились в толпу радостных собак, которые наперебой спешили поздравить их и лизнуть кто в нос, кто в уши. Порох и Луна ни на шаг не отходили от своих детей, оба виляли хвостами и радостно тявкали от гордости и счастья. На Пороха было особенно приятно смотреть – казалось, он сейчас лопнет от счастья, его темные глаза сияли ярче звезд.

Счастливец разглядел за собачьими спинами Солнышко – она тихонько подняла с земли тушку освежеванного кролика и стала забрасывать ее землей. Счастливец удивленно повел бровями.

Прыгушка, заметившая его недоумение, негромко пояснила:

– Мы не едим белых кроликов. Мы оставляем их в дар Собаке-Луне и Собаке-Земле, чтобы они могли благословить выбор щенков.

Сказав это, она потянулась к Колючке и жарко лизнула ее в ухо.

Счастливику тоже хотелось принять участие в чествовании щенков, но у него болело сердце за Лизушку. Она продолжала жаться к его боку и выглядела душераздирающе несчастной – маленькой, отвергнутой, никому не нужной.

– Ничего, Лизушка, – заверил ее Счастливец, горячо лизнув свою бывшую ученицу в макушку. – Настанет и твой срок!

И тут еще одна туча закрыла морду Собаки-Луны, погрузив ущелье в глубокую тьму. Похоже, это был знак завершения церемонии, поэтому вся стая снова вразной завывала от счастья. И этот вой подхватили другие собаки – рядом и вдалеке...

Счастливец оцепенел, его уши сами собой поднялись вверх, вместе с шерстью.

«Это не наши голоса! Это не наша стая!» Кровь в его жилах заледенела, когда он встретился глазами с Альфой.

– Молчать! – рявкнул полуволок.

Воцарилась страшная тишина.

И в этой тишине стало отчетливо слышно, что утробный вой доносится совсем не издалека. Он просачивался сквозь деревья, плыл со стороны долины – тоскливый, одинокий, полный зловещей угрозы.

– Ой... – пропищала Солнышко, – свирепые собаки!

Альфа вскочил на плоский камень и оскалил свои страшные клыки.

– Слушайте меня! – прорычал он, по очереди обводя глазами всех членов стаи. – Эти собаки не нападают и не готовятся к битве. Сегодня ночью нам ничто не угрожает, но наши враги близко, поэтому мы не можем дольше здесь оставаться. Марш по своим местам и помните – до рассвета я запрещаю всем покидать лагерь! Всем без исключения, вы хорошо меня поняли? – Морда полуволок искажилась от ярости, но Счастливчик отчетливо слышал в его рыке безнадежную тоску поражения. – Завтра мы отправимся на поиски нового лагеря.

Из рядов стаи послышалось сдавленное ворчание и даже едва слышное протестующее поскуливание, но никто не осмелился вслух выступить против приказа Альфы. Все, включая Счастливчика, понимали – на этот раз вожак прав.

С тяжелым сердцем Счастливчик отправился на свое место, но по дороге остановился, как вкопанный. Чья-то бесшумная тень скользнула прямо перед ним и замерла. Вглядевшись в темноту, Счастливчик с изумлением узнал в этой тени Нытика Маленький уродец повернул голову и оскалил зубки в насмешливой гримасе.

– Тебе понравилась наша маленькая церемония, Уличный пес? – проскулил он, склонив набок свою безобразную плоскую голову. – О, не сомневайся, что для тебя это все было в новинку! Ты же никогда не достаивался чести получить настоящее собачье имя, бродяжка. Вот почему ты никогда не станешь настоящим псом Стаи!

Нервы Счастливчика и без того были на пределе, поэтому он решил не напоминать Нытику о том, насколько ему подходит его «настоящее собачье имя», а просто как следует цапнуть маленького паршивца за ухо. Но тут из темноты выскочила Белла, встала между ними и сердито рявкнула на бывшего Омегу:

– Ты мало знаешь, но очень много говоришь, Нытик! Счастливчик по праву заслужил свое имя и носит его с гордостью, чего не скажешь о тебе.

Несколько мгновений они с Нытиком злобно сверлили друг друга глазами, потом маленький песик презрительно фыркнул и потрусил прочь.

– Спасибо, – шепотом поблагодарил сестру Счастливчик. – Спасибо, что заступилась за меня, хоть тебе и пришлось для этого солгать.

– Но я не лгала! – с искренним недоумением воскликнула Белла, склоняя голову к плечу. – Разве ты не помнишь тот день, когда ты получил свое имя? Вернее, ты сам его взял – подхватил слово, произнесенное Длиннолапыми, и оставил его себе.

Счастливчик замер, пытаясь поймать ускользающее воспоминание.

Стоило Белле заговорить, как в его памяти ожили какие-то смутные образы – маленькая желтоволосая малышка Длиннолапых, едкий запах, страх, – но когда Счастливчик попытался ухватить прошлое за хвост, оно привычно ускользнуло.

Счастливчик с облегчением встряхнулся. Какой-то собачий инстинкт подсказывал ему, что не стоит слишком упорно пробуждать воспоминания, а то беды не оберешься.

– Пора спать, – зевнул он. – Кто хочет, пусть празднует хоть до рассвета, но я отправляюсь на боковую. Идем, Лизушка, – он подтолкнул притихшую ученицу. – Ты тоже устала.

Слишком много всего произошло в этот день, слишком многое нужно было обдумать...

Они добрались до своих спальных мест и свернулись на подстилках в темноте. Теплый бок Лизушки крепко прижимался к боку Счастливчика, и вскоре он почувствовал, как он мерно вздымается и опадает в такт глубокому сонному дыханию. Во сне Лизушка тревожно перебирала лапами, словно преследовала кого-то, а потом негромко зарычала.

«Спи, малышка, и ни о чем не беспокойся, – беззвучно сказал ей Счастливчик. – Этой ночью тебе не придется никуда бежать, мы в безопасности...»

Глава IV

Счастливчик проснулся мгновенно, как будто его кто-то толкнул. Кругом стояла ночь, было тихо, но он отчего-то дрожал. Остатки сна сползли с него, как шерсть во время линьки, Счастливчик лишь смутно помнил какие-то ледяные вихри, больно жалящие шкуру, белую метель, алую кровь на снегу и страшную битву, которой, казалось, не будет конца...

Собачья Гроза!

Это был тот самый сон, который стал сниться Счастливчику после Большого Рыка.

Однако холод ему не приснился, он был вполне реальным. Над хлипкой подстилкой из мха и листьев разгуливал ветер, он завывал в ветвях деревьев, неприятно перебирал шерсть на боку. Счастливчик поежился и вдруг вскочил. Место сбоку от него, где совсем недавно спала Лизушка, было пусто! Тепло ее тела исчезло.

Лизушка! Где она?

Припав к земле, Счастливчик прополз под ветками, потом выпрямился и потянулся. Не стоит ударяться в панику, безрассудная Лизушка не могла уйти далеко! Она не так глупа, чтобы отправиться куда-то посреди ночи, тем более зная, что поблизости рыщут Свирепые псы! Или... он чего-то не понимает?

Страх за Лизушку выстуживал кости, поднимал шерсть дыбом. Счастливчик бесшумно обошел через лагерь, стараясь не приближаться к спящему Альфе. Полуволок громко храпел, слюна капала из его приоткрытой пасти, а огромные лапы время от времени нервно подергивались, словно бежали куда-то. Сердце Счастливчика гулко стучало о ребра, но если Лизушка все-таки вышла из лагеря – Счастливчик убедился, что ее не было среди спящих, – то он должен ее найти, и как можно быстрее. Если Альфа проснется и узнает, что Лизушка нарушила его приказ, он без лишних слов вышвырнет ее прочь из стаи. Такой дерзости он не простит никому – и меньше всего свирепой собаке, которая ему и так что кость в горле!

«Зачем ты это сделала, Лизушка? Зачем ты решила уйти именно в эту ночь?» – терялся в догадках Счастливчик. Но он уже и сам знал ответ. Наверное, бедняжка так расстроилась из-за ночной церемонии, что не смогла остаться в лагере!

«Глупая, глупая Лизушка! Альфа все поймет, вот увидишь! Очень скоро он увидит, что ты достойна занять свое место в стае».

Но сначала Лизушку нужно было найти. Поколебавшись, Счастливчик перешагнул границу лагеря. Теперь он тоже стал нарушителем, но что еще ему оставалось делать?

Бесшумно пригнувшись, он побежал по ковру сухих листьев в сторону опушки леса. Было холодно, но к морозному дыханию ночи примешивался еще один запах – след того самого незнакомого щенка, который Счастливчик почувствовал накануне Видимо, он еще не успел выветриться. Счастливчик нахмурился. Может быть, это все-таки запах Лизушки? Неужели он ошибся?

Счастливчик остановился на краю песчаного холма. Именно здесь Лизушка ждала их с Беллой прошлым вечером, а значит, стоило начать поиски именно с этого места.

Он тихонько начал спускаться по песку на лежавшую внизу полянку, и очень скоро заметил впереди движущуюся тень. Собака-Луна уже низко спустилась к земле и светила гораздо слабее, чем во время церемонии, но силуэт Лизушки все равно был отчетливо виден в ее серебристом сиянии. Счастливчик испустил вздох облегчения. Нашлась!

Лизушка цеплялась за что-то, вытянув передние лапы, но как раз в тот момент, когда Счастливчик хотел окликнуть ее, он заметил в кустах еще одну темную фигуру. Второй щенок!

Приглядевшись, Счастливчик понял, что Лизушка играла с ним – щенки затеяли веселую возню из-за палки, которую вырывали друг у друга. Их дружелюбное басовитое рычание далеко разносилось в холодном воздухе.

Счастливчик рванулся было вперед, но тут же снова замер, не веря своим глазам.

Ворчун!

Перед ним был брат Лизушки, тот самый, кто с радостью побежал за Сталью, когда Свирепые псы потребовали у Альфы вернуть щенков. Однако за это время Ворчун заметно изменился, даже запах его стал другим – более резким и грубым.

От щенка пахло агрессивной самоуверенностью. Неудивительно, что Счастливчик сразу не узнал его следы!

Сердце у него сжалось от гнева. Ворчун был единственным из щенков, кто с радостью отправился в стаю Стали и остался с ней даже после того, как жестокая предводительница растерзала его брата, тихого и кроткого Вертушку. Ворчун был Свирепым псом до мозга костей!

Но Лизушка-то, Лизушка! Ради того, чтобы позволить ей остаться в стае, Счастливчик рисковал своим местом и собственной жизнью, а она, выходит, предала его, тайком встречаясь с братом! Напружинив мышцы, Счастливчик запрыгал вниз по склону и вылетел на поляну. Щенки даже опомниться не успели, как он уже подскочил к ним.

Лизушка испуганно твякнула, но было поздно. Счастливчик прыгнул на обоих щенков и поставил передние лапы им на животы, пригвоздив к земле. Теперь они оба лежали навзничь и смотрели на него, оцепенев от неожиданности.

Конечно, они оба сильно выросли с тех пор, как Счастливчик и Микки щенками подобрали их в брошенном лагере Свирепых псов. Ворчун первый оправился от испуга и завертелся, грозно рыча, так что Счастливчику пришлось изо всех сил напрячь мышцы, чтобы удержать его на месте.

В глазах Ворчуна горел злобный вызов. Счастливчик сразу вспомнил, как тот едва не погубил своих товарищей, пытаясь затеять драку с медведем гризли – самим Косматым.

Вдвоем Свирепые псы запросто могли бы одолеть Счастливчика, но сейчас дело было не в грубой силе, и все трое это прекрасно понимали.

«Я – наставник Лизушки и более высокоранговый пес, чем Ворчун, поэтому инстинкты велют Ворчуну повиноваться», – подумал он, впервые в жизни испытывая благодарность к строгой стайной иерархии. Пожалуй, он был неправ, когда высокомерно презирал жесткое устройство стаи. Это была не прихоть властолюбивых вожаков, а способ выживания.

Молчание длилось до тех пор, пока Счастливчик не убедился, что оба щенка признали его власть. После этого он убрал лапы, позволил щенкам встать, а сам сел на землю.

– Что происходит? – грозно спросил он.

Лизушка перевернулась и подползла к нему, Ворчун последовал за сестрой, но при этом он злобно кривил пасть и воинственно поигрывал плечами.

– Значит, тот щенячий запах, который я учуял вчера, это был запах Ворчуна? – рявкнул Счастливчик на съезжившуюся Лизушку.

Та удрученно кивнула.

– Да. Прости меня, Счастливчик. Я не могла не прийти. Мне приснился сон...

Счастливчик недоверчиво фыркнул.

– Сон?

– Да, – на этот раз Лизушка храбро посмотрела ему в глаза. – Не спрашивай меня, как и почему, просто поверь, что я твердо знала – если приду сюда, то встречу Ворчуна. Это открылось мне во сне.

Счастливчик только моргнул, не зная, как к этому отнестись. Врет ему Лизушка или нет? Выдумывает разные отговорки, чтобы выкрутиться из беды? Но ведь он, Счастливчик, тоже видит странные сны... Он вспомнил ледяной

дождь, хлещущий с неба, залитую кровью землю, и ужас, с которым он наблюдал за яростью Собачьей Грозы.

«Но это совсем другое! – в смятении подумал Счастливец. – Лизушка говорит, что во сне ей сказали, куда идти и что делать. Такого не бывает!»

– Она говорит правду! – сердито буркнул Ворчун. – Мне приснился такой же сон, ясно? И если я тайком ушел из своей стаи, так почему моя сестра не должна была сделать то же самое?

Счастливец напрягся, возмущенный наглым тоном юнца, и тут же внутри у него все сжалось от мучительного воспоминания о Вертушке. Бедный малыш, такой кроткий и привязчивый, он так хотел остаться со Счастливецом в стае Альфы и так боялся уходить... Счастливец предал его... все его предали. А теперь его больше нет.

– Вертушка мертв, – жестоко процедил он, в упор глядя на Лизушку. – Или ты забыла, как он погиб? Ворчун тоже к этому причастен! С этими собаками лучше не знаясь, даже если у вас одна кровь!

Ворчун прыгнул к Счастливицу и оскалил клыки, его хвост затрясся от ярости:

– Не смей так говорить! Я не убивал своего брата!

– Но ты присутствовал при его смерти! – отгрызнулся Счастливец.

– Да, но на моих клыках нет его крови! – прорычал Ворчун. – Я не повинен в его смерти.

– Что же ты сделал, чтобы его спасти? – рычание заклокотало в горле Счастливика. – Ты попытался остановить Сталь?

Он знал, что его упреки несправедливы, и что он не имеет никакого права требовать самоубийственной смелости от маленького щенка, в то время как даже полуволк Альфа предпочел сбежать от Стали без боя, но гнев и страх за Лизушку сделали его жестоким.

Ворчун промолчал, опустив голову. Из его пасти вырвался сдавленный пристыженный вой.

– Ничего ты не сделал! – безжалостно бросил Счастливец. – Ты не заступился за него, Ворчун, ты не помог ему, ты его бросил!

Ворчун резко вскинул голову. Теперь злобный блеск его глаз превратился в яростный вызов, а рычание прозвучало холодно и высокомерно:

– Это имя осталось в прошлом, Счастливец. Отныне меня зовут Клык.

Счастливец увидел, как горько потупилась Лизушка, услышав эту новость.

«Значит, ее брат уже получил свое взрослое имя, – с тоской подумал Счастливец. – А она, оставшись с нами, до сих пор так и не стала полноценным членом стаи! К ней относятся с недоверием, ее считают опасной... Что, если она жалеет о своем выборе?»

В наступившей тишине Счастливец молча разглядывал Ворчуна. Он впервые обратил внимание на то, что уши молодого пса приобрели какой-то странный вид – порванные в нескольких местах, они как будто остановились в росте, поэтому все время стояли торчком. Что это с ним такое?

И тут до него вдруг дошло. Счастливчик в страхе вытаращил глаза, сообразив, что изуродованные уши бывшего Ворчуна в очень грубом виде напоминали форму ушей взрослых Свирепых собак.

«Но ведь им уши аккуратно подрезали Длиннолапые! А Ворчуну, выходит, просто придали более-менее похожий вид зубами – возможно, это сделала сама Сталь или кто-то из ее подручных! Они повторяют все, что делали Длиннолапые!» От этой мысли Счастливчику сделалось не по себе, неприятный холодок пробежал у него вдоль хребта. Страшно подумать, как это было больно! Наверное, им пришлось всем вместе держать щенка, чтобы он не вырвался...

Но разве стая может быть настолько жестокой? Счастливчик невольно содрогнулся.

«На какие еще злодеяния способна Сталь? Или лучше спросить, на какие она не способна?»

Жалость к бедному Ворчуну – то есть к Клыку – мгновенно прогнала гнев и страх.

– Что у тебя с ушами, Ворчун? – тихо спросил он.

Клык отвел глаза.

– Это тебя не касается, – буркнул он. – Это наши дела, мои и моей стаи.

– Калечить члена стаи – такие у вас дела? Мне кажется, такое злодеяние должно касаться каждой приличной собаки!

Счастливчик шагнул к Клыку, но тот только затряс своими изуродованными ушами и негромко зарычал.

– Я уже все сказал! – отгрызнулся он. – Это традиция, понял? Так заведено у нас в стае.

Счастливчик со вздохом покачал головой.

– Лизушка, – как можно мягче сказал он, – зачем ты рискнула всем, что для тебя дорого, придя сюда? Ты поставила под угрозу свою жизнь! Ведь ты прекрасно знаешь, на что способна Сталь... да и Альфа тоже. Если Альфа узнает... – он судорожно вздохнул, представив возможные последствия. – Твой брат всегда был безрассуден, но о чем думала ты?

Несколько мгновений молодая собака молча смотрела на него, собираясь с ответом, но прежде чем она успела открыть пасть, огромная тень упала на поляну, и холодная ночь вдруг стала еще холоднее.

Из-за деревьев вышла поджарая фигура Сердце Счастливчика запнулось и пропустило удар, когда он узнал эти беспощадные злые глаза и лоснящееся мускулистое тело.

Сталь.

Белые клыки сверкнули в свете звезд. Сталь шагнула вперед, не сводя глаз с Лизушки.

– Ко мне, Клык! – коротко рявкнула она.

Счастливец ожидал, что щенок воспротивится — он никогда не любил подчиняться приказам, — но Клык лишь почтительно склонил голову и метнулся к Стали, зажав хвост между лапами. Сталь размахнулась и ударила его передней лапой. Брызнула кровь. Клык взвыл и пошатнулся, на его гладком боку набухли алые отметины от когтей.

— Прочь с моих глаз! — рыкнула Сталь, и Клык с жалобным воем захромал прочь, даже не оглянувшись на Лизушку.

На поляне воцарилась зловещая тишина, но Счастливец был уверен, что Сталь прекрасно слышит бешеный стук его сердца.

— Уличный пес, — вкрадчиво проворчала она, — ты завладел кое-чем, что по праву принадлежит мне. Это нехорошо.

Счастливец склонил голову и вздохнул, стараясь выглядеть уверенным и спокойным. Только бы Сталь не учуяла запах его смертельного страха!

— Лизушка тебе не принадлежит, — тихо ответил он. — Она не твоя Поводочная собачка!

Сталь застыла, Потом медленно приподняла заднюю лапу и с угрожающим видом поскребла себя за ухом.

— Кажется, я плохо расслышала, что ты сказал. Пожалуй, тебе лучше повторить. И на этот раз без ошибок.

— Щенок не вещь, поэтому он никому не может принадлежать — ни тебе, ни мне, ни кому-либо еще. Лизушка сама сделала свой выбор, она по своей воле пришла к нам и осталась жить в нашей стае! — пасть Счастливика пересохла, как каменная земля под солнцем. — У тебя нет никаких прав на нее, Сталь. Ты даже не ее Мать-Собака.

— Я для нее больше, чем Мать-Собака! Я ее истинная Альфа!

— Но она уже не сосунок! — На этот раз Счастливика разобрало любопытство, оказавшееся сильнее осторожности. Ему во что бы то ни стало хотелось понять, что движет Сталью. — Зачем она тебе, Сталь? Почему ты так упорно пытаешься вернуть этих щенков? Ведь они тебе не нужны, ты сама убила Вертушку!

«Проклятый мой язык, кто тебя просил это говорить? — мысленно взвыл Счастливец, услышав гортанный рык Стали. — Почему ты не мог промолчать?»

Вся его недавняя храбрость испарилась без следа, Счастливец припал к земле и задрожал. Сталь кинулась на него, разинув страшную пасть.

«Одному мне с ней ни за что не справиться! Собака-Земля, неужели мне настало время уйти к тебе?»

Счастливец сморщился, ожидая нестерпимой боли, треска рвущейся шкуры и тупого удара когтей. Но вместо этого он увидел, как маленькая, по-щенячьи округлая фигурка ринулась на Сталь. Послышался истошный вопль боли, и страшная предводительница Свирепых псов кубарем откатилась в сторону.

Не в силах сдвинуться с места Счастливец, как зачарованный, смотрел на Лизушку, которая храбро впилась своими острыми зубами в заднюю лапу Стали и грызла ее с такой яростью, что желваки играли на щеках. Кровь потекла из раны, морда Стали исказилась от боли.

И тогда Лизушка, словно испугавшись собственной жестокости, разжала челюсти.

— Бежим! — пролаял Счастливчик.

Они повернулись и бросились наутек.

Они слышали позади хруст веток, топот лап и хриплое дыхание Стали. Ужас гнал их вперед. Счастливчик мчался, не чуя под собой лап, но вскоре с облегчением услышал, что бег Стали сделался прерывистым, видно, рана давала о себе знать. Выходит, Лизушка не зря работала зубами!

«Может, еще не все потеряно!»

Возле границы лагеря Счастливчик подобрался всем телом и прыгнул. Перекувырнувшись, он клубком вкатился в лагерь и хрипло тьякнул от облегчения, заметив вбегающую следом Лизушку. Вскочив, он прислушался, но хруст веток стих. Видимо, Сталь остановилась, не доходя до лагеря. На этот раз они спаслись, но Счастливчик видел злобный блеск беспощадных свирепых глаз, в упор глядевших на него из-за деревьев.

«Неужели она нападет? Но ведь она понимает, что я могу разбудить весь лагерь!»

— Я еще вернусь!

Безумный леденящий кровь вопль эхом прорезал ночную тишину, затем Сталь повернулась и пошла прочь, ни разу не оглянувшись. Через какое-то время послышался лай множества свирепых глоток, вторивших грозному предостережению своей предводительницы.

«Как они узнали, где мы? — в отчаянии подумал Счастливчик. Ужас превратил его кровь в лед. — Как они всегда узнают, где мы?»

Стая проснулась. Раздалось приглушенное тьяканье, кто-то заскулил, сразу несколько собак вскочили со своих подстилок, прислушиваясь к воям свирепой стаи.

— Что? Что случилось? — хрипло пролаял Порох.

— Ой! Пахнет свирепыми собаками и — ой-ой-ой — кровью! — завизжала Солнышко.

В миг вся стая оказалась на лапах. Собаки струдились в центре поляны, все выли, рычали и тьякали наперебой.

Лизушка затерялась в толпе, но вскоре пробилась к Счастливчику и жалобно прошептала ему на ухо:

— Я так виновата... Прости меня, Счастливчик!

Дальше он не расслышал, тихий голосок Лизушки утонул в общем лае и вое.

— Что случилось, Счастливчик? — тьякала Стрела.

— Во имя Собаки-Земли, что... — выла Кусака.

— Ой, это Сталь? Ой-ой, это она? — визгливо надрывалась Солнышко.

– Тихо! Всем молчать! – разнесся над поляной гулкий голос Альфы, Полуволок решительно прошел сквозь взбудораженную толпу, его желтые глаза полыхали хищным огнем.

Когда все замолчали, Счастливчик быстро шепнул Лизушке:

– Молчи и не высовывайся, поняла?

В следующее мгновение Альфа остановился перед ним и негромко зарычал, обнажив крепкие клыки:

– В чем дело?

Счастливчик почтительно склонил голову.

– Я услышал какой-то шум, Альфа. Подумал, что это пустяки, но на всякий случай решил обойти лагерь, и увидел Сталь – она шныряла в темноте неподалеку.

Альфа коротко фыркнул.

– Уже почти рассвело. Всем приготовиться, мы уходим. Живо!

Когда Альфа отошел, Счастливчик почувствовал, что дрожит с головы до когтей. Лапочка легкой тенью последовала за вожаком, но прежде чем уйти, она бросила на Счастливчика какой-то странный взгляд и что-то негромко шепнула на ухо Альфе.

Внутри Счастливчика все сжалось от страха.

«Но я же не мог рассказать им правду о Лизушке, о том, что она тайком встречалась с Ворчуном! Альфа изгнал бы ее – или убил. Ах, мудрая Собака-Лес, сделай так, чтобы моя хитрость не обернулась против меня!»

Глава V

Светало. Собака-Солнце зарылась в серую шкуру облаков, тонкие завитки тумана колыхались над холмами и долинами. Время от времени редкие вспышки солнечного света сверкали на каплях росы, но тут же гасли, оставляя после себя лишь холодную сырость. Стая послушно собиралась на поляне под бдительным взором Лапочки.

Наконец Альфа вышел из своей палатки. Он был решителен, собран и спокоен. Выйдя на середину поляны, вожак коротко кивнул Лапочке, потом повернулся к замершей в ожидании стае.

– Вы все пойдете за мной и Лапочкой по двое. Первая пара – Порох и Счастливчик. Патрульные псы пойдут последними, на случай, если свирепые собаки осмелятся нас преследовать. Всем держать уши остро! Не оставляйте следов и непременно закапывайте свою грязь, если уж не сможете дотерпеть до остановки. Стрела, ты будешь следить за этим, поняла? Омега, твое место сзади, между охотниками и патрульными. Ты, Нытик, тоже пойдешь с

ней рядом, и не вздумай лезть вперед, иначе пеняй на себя. В этом походе я требую от всех вас Строжайшей стайной дисциплины – все меня поняли?

– Да, Альфа! – хором ответили собаки, и Счастливчик без колебаний твякнул вместе со всеми. Теперь ему было смешно вспоминать собственный опыт руководства стаей, когда он выводил толпу беспомощных собачек-наповодочке из разрушенного города и тщетно пытался добиться от них послушания. Сейчас он невольно испытывал уважение к Альфе. Несмотря на то, что полуволок не всегда сохранял спокойствие в сложных ситуациях и порой его власть была чересчур жесткой, сейчас стая нуждалась именно в жесткости, порядке и дисциплине.

Все были насторожены, сам воздух, казалось, гудел и потрескивал от разлитой в нем тревоги. Свирепые псы были совсем рядом, более того, эта стая стала еще злее и опаснее. Выдуманная Счастливчиком история о встрече со Сталью облетела стаю, подобно гнилой лихорадке, обрастая подробностями при каждом пересказе. Некоторые собаки бросали на Счастливчика недовольные взгляды, видимо, они считали, что он нарочно разозлил Сталь.

Счастливчик с досадой передернул плечами.

«Скорее бы убраться отсюда!»

Когда стая потянулась к выходу, бесшумно и нервно перебирая лапами, Счастливчик занял указанное ему место. Все собаки беспрекословно выполнили приказ Альфы, разбились на пары и быстро засеменили через лес, бросая настороженные взгляды на деревья. Когда они вышли из чащи в долину, окруженную кустарниками, Счастливчик осмелился прибавить шаг и догнать Альфу.

– Какой у нас план? – нетромя спросил он. – Куда мы идем?

– К реке, – коротко бросил полуволок. – Если пойдем по течению, то как раз выйдем к...

Он вдруг смолк на полуслове, сощурился и облизнул языком клыки. Счастливчик вежливо подождал, но Альфа больше ничего не сказал.

«У него нет никакого плана! – с внезапным страхом понял Счастливчик. – Он только притворяется уверенным и сильным, но на самом деле не знает, куда нас ведет!»

Но сейчас было не лучшее время говорить о своем открытии вслух, унижая Альфу на глазах у стаи. Пересилив себя, Счастливчик радостно твякнул:

– Ну конечно! Я понял, куда мы идем – туда, куда ведет вся бегущая вода!

– К месту, где у воды нет конца, – прорычал Альфа. – Там она все время плещется, но никуда не уходит.

– Отличное решение, Альфа! – сказал Счастливчик. – Там мы будем далеко от Свирепых собак.

Он заметил, как при этих словах полуволок горделиво приосанился, вскинул голову и расправил плечи.

– Разумеется. Но я обойдусь без твоего одобрения, Уличный пес. Я и так прекрасно знаю, насколько хорош мой план.

Счастливчик раздраженно окал челюсти.

«Твой план? – саркастически подумал он. – Да ведь до разговора со мной у тебя не было никакого плана, заносчивый ты гордец! Я знаю, что ты вожак стаи, но разве быть вожаком значит постоянно задирать нос и рычать на всех вокруг? Может быть, настоящий вожак должен уметь прислушаться к чужому мнению?»

Разумеется, он не стал высказывать свои мысли вслух. И не только из страха перед Альфой. Счастливчик понимал, что сейчас, когда стая и без того сильно напугана, открытая ссора с вожаком приведет лишь к усилению нервозности.

Марта молча шагала за спиной Счастливчика, и когда он хотел вернуться на свое место, то заметил, что Лизушка уже пристроилась к ней и семенит рядом. Они сблизилась, когда Лизушка была маленьким щенком, а Марта преданно ухаживала за ней и ее братьями, и теперь, когда малышка выросла в большую и сильную собаку, они очень забавно смотрелись рядом. Подойдя ближе, Счастливчик услышал, как Марта объясняет Лизушке устройство своих лап:

– Нет, что ты, у всех моих сестер и братьев были точно такие же лапы, с перепонками, – терпеливо говорила огромная черная собака. – Мы же особая порода, мы любим плавать, поэтому и лапы у нас такие. Мои Длиннолапые говорили...

– Эй, Лизушка! – злобно рявкнул Альфа, оборачиваясь к ним. – Марш на свое место!

Лизушка испуганно взвизгнула:

– Но Альфа, ведь я...

– Довольно! За свое непослушание пойдешь с Нытиком и Омегой!

Несчастливая Лизушка, поджав хвост, поплелась в конец процессии. Счастливчик зло покосился на Альфу и побежал следом за ней.

«Не думаю, что Альфа будет возражать против того, чтобы я шел позади всех, – сердито думал он на бегу. – А если попробует – что ж, тогда я скажу ему все, что о нем думаю!»

Нытик, как всегда, с ненавистью посмотрел на Счастливчика, но ничего не сказал. Солнышко бежала позади всех, сжимая в зубах большой комок мха.

«Вот умница, она решила заранее позаботиться о подстилках!» – с невольным восхищением подумал Счастливчик. Теперь он был даже рад, что перебрался сюда: Солнышко была занята делом, поэтому Лизушке пришлось бы остаться один на один со злющим Нытиком. Видимо, противный уродец угадал мысли Счастливчика, потому что громко фыркнул и посеменил вперед.

– Не буду мешать вам с Лизушкой наслаждаться обществом друг друга, – прошипел он на прощание.

«А я буду только рад любоваться твоим хвостом, а не мерзкой мордой!» – зло подумал Счастливчик. Он не стал отвечать маленькому паршивцу, чтобы не устраивать перепалку в строю. Тем более что его интересовала только Лизушка. Счастливчик искоса посмотрел на нее, ему так много хотелось ей сказать, но он держал язык за зубами. Лучше подождать, пока Лизушка сама захочет с ним поговорить. Счастливчик понимал, что она чувствует себя несправедливо униженной и, наверное, нуждается в утешении.

Так оно и вышло. Через какое-то время Лизушка испустила тяжелый вздох и грустно покачала головой:

– Почему все в стае меня ненавидят, Счастливчик?

Он изумленно моргнул. Чего-чего, а этого он никак не ждал! Неужели все, на самом деле, настолько плохо?

– Никто тебя не ненавидит, Лизушка!

Но Счастливчик и сам почувствовал, что его слова прозвучали неискренне и вымученно.

«Я ей вру, и она это знает», – беспомощно подумал он. Мучительно стараясь придумать какие-то другие слова, он щелкнул челюстями на пролетающую мимо муху.

Впереди Порох подгонял более медленных собак – ласково подтолкнул Дейзи, посоветовал Жуку внимательнее вглядываться в кусты. Лапочка тоже чуть отстала, заговорившись с Луной, но Счастливчик видел, что обе собаки зорко глядят по сторонам, не прерывая беседы. Все члены стаи относились друг к другу с подчеркнутой заботой и дружелюбием, и от этого Счастливчику было еще больнее вспоминать, что никто и не подумал не только заступиться за несправедливо обиженную Лизушку, но даже посочувствовать ей. Все вели себя так, будто так и надо.

– Вот, видишь? – еле слышно сказала Лизушка. – Ты сам знаешь, что это правда. А про Альфу и говорить нечего, он меня просто видеть не может.

– Лизушка, ну перестань! Ты прекрасно знаешь, что у Альфы особое отношение к Свирепым собакам, он всю жизнь сторонился их и ему, конечно, нелегко привыкнуть к тому, что ты теперь член стаи. Но послушай, почему ты вдруг заговорила об этом сейчас?

– Из-за Ворчуна, – виновато пискнула Лизушка. – Из-за того, что снова увидела его... То есть, не Ворчуна, конечно, а Клыка! Кажется, он очень счастлив в своей стае. Он такой... такой уверенный, такой... довольный. Понимаешь, он полноправный член стаи, равный среди равных! Он получил свое собачье имя, он прошел церемонию посвящения и... – она замолчала, будто испугавшись того, что хочет сказать. – Счастливчик, знаешь что? Клык пригласил меня в свою стаю.

У Счастливчика оборвалось сердце, он почувствовал, как шерсть на его загривке встает дыбом от бешенства.

«Не смей даже думать об этом! Я столько сил положил, чтобы оставить тебя в стае, ты не имеешь права меня подводить! Пусть Клык подавится своим приглашением, поняла?»

Но, конечно, он не мог сказать этого вслух.

– Почему ты думаешь, что там тебе будет лучше? – спросил он, изо всех сил пытаясь не сорваться.

– Потому, что Клык счастлив, Он знает, кто он такой, где его место и ради чего он живет. Как и все члены его стаи.

– Ты права, они все знают свои места, – оскалился Счастливчик, выделив голосом последнее слово. – Они все – подчиненные Стали, пресмыкаются перед ней! И потом, о каком «посвящении» ты говоришь? Лично я видел

только то, что у твоего брата зверски изуродованы уши. Ты хоть представляешь, как ему было больно? И ради чего все это?

Он гневно посмотрел на Лизушку и неожиданно похолодел, натолкнувшись на ее упрямый взгляд. Если Счастличик надеялся, что его отповедь ее пристыдит, то он жестоко ошибся.

– Ты говоришь так потому, что тебе не нравится Сталь и ее стая. – отрезала Лизушка. – Но это мы убегаем от них, как кролики от волка, а не они от нас! И шенки там получают хорошую подготовку!

– Их готовят стать убийцами, Лизушка! – с дрожью в голосе простонал Счастличик. – Они учатся не только охотиться на дичь, но и убивать себе подобных!

Но Лизушка лишь упрямо покачала головой, отменяя его слова. Помолчав, она вздохнула и задумчиво посмотрела на кроны деревьев.

– Я понимаю, о чем ты говоришь, Счастличик. Честное слово, я знаю, за что ты не любишь моих сородичей... Но вся беда в том, что здесь я никому не нужна. Эта стая никогда не примет меня, никогда не станет для меня родной. Я никому не сделала ничего плохого, но ты предлагаешь мне всю жизнь заслуживать доверие собак, которые просто не хотят меня видеть! Как будто я должна заглаживать какую-то вину перед ними, но с какой стати? Я ни в чем не виновата! А там... там я буду своей. Клык счастлив, понимаешь? Сталь его любит! Она была готова на все, чтобы вернуть его!

«Прикуси свой длинный язык, уличный пес! – молча приказал себе Счастличик. – Лизушка очень расстроена и несчастна. И ты не хуже нее знаешь, что она говорит правду – неприятную правду, которую ты просто не хочешь слышать. Не вздумай ляпнуть что-нибудь такое, что еще сильнее оттолкнет ее от нас!»

– Лизушка, ты уверена, что правильно подобрала слово? Любовь – это сложная штука, каждый понимает ее по-своему. Некоторые собаки под любовью понимают нечто совсем противоположное, особенно такие, как Сталь.

– Неужели? – хмыкнула Лизушка. – Ты точно не усложняешь? – Она повернула голову и в упор посмотрела на Счастличика: – Тогда скажи, что ты называешь любовью?

Счастличик в растерянности захлопал глазами. В его памяти мелькнул какой-то смутный образ, пронизанный звуками и запахами... нежный, уютный запах Мамы-Собаки, ее ласковый голос, рассказывающий сказки о Всесобаках, теплые бока братьев и сестер рядом. Неожиданно для себя он подумал о Белле, и почти сразу же увидел, что она бежит к ним навстречу, словно вызванная его мыслями.

– Скорее, Счастличик! И Лизушку с собой возьми! Охотники отправились на поиски, скоро принесут поесть!

При одном упоминании о еде у Счастличика оглушительно заурчало в животе. Сначала он смутился, но Белла и Лизушка так заразительно рассмеялись, что Счастличик тоже захихикал.

– Идем! – твякнул он. – Мой живот требует еды!

И он с облегчением помчался вперед, где уже собирались другие собаки. Какое счастье, что можно хотя бы на время прекратить этот ужасный разговор с Лизушкой! Хоть бы вообще никогда к нему не возвращаться.

Когда стая, подкрепившись, снова пустилась в путь, Собака-Солнце уже стремительно сбегала к краю неба. Лапы Счастливого горели огнем. Солнышко еле плелась, но упрямо отказывалась бросить мох, который волочился по земле под ее усталой склоненной головкой. Молодняк – Жук, Колючка и Лизушка – спал на ходу, и даже всегда терпеливый и выносливый Микки пошатывался от изнеможения. Прекрасная Лапочка тоже начала прихрамывать: ее изящные длинные лапы, предназначенные для стремительного бега на короткие расстояния, не выдержали тяжести долгого пути.

Но Альфа молча и невозмутимо вел свою стаю вверх по склону вдоль русла высохшего ручья. Он выглядел собранным и решительным, как будто даже не замечал, что творится со стаей.

«Это уже не предводительство! – с раздражением подумал Счастливчик. – Это тупоголовое упрямство!»

Счастливчик видел, что Порох придерживает шатающуюся Дейзи за загривок, а иногда даже тащит ее за собой. Хорошо еще, что они немного перекусили, без этого стая, наверное, не досчиталась бы многих отставших! Впрочем, Счастливчик уже снова проголодался и знал, что более молодые собаки страдают еще сильнее.

Пронзительный ветер разгуливал по высохшему руслу, небо над собачьими головами целый день оставалось серым и угрюмым. Когда Счастливчик в очередной раз задрал голову вверх, ему показалось, будто там стало еще темнее – почти черно...

И тут ослепительная вспышка прожгла небо так, что Счастливчик чуть из шкуры не выпрыгнул от страха. Молния! Оглушительный лай Всесобак разнесся над долиной. Тяжелые капли дождя застучали по шкуре Счастливого.

– Дождь! – протявкали они. – Возможно, снова плохой! Нужно как можно скорее найти укрытие!

Никто не стал спорить. Все собаки бросились в сторону неглубокой пещеры, зиявшей в крутом берегу пересохшего ручья. На самом деле это была даже не пещера, а скалистый выступ, под которым вода промыла небольшое углубление, но сейчас выбирать не приходилось. Как только отставшие Кусака и Прыгушка с трудом втиснули свои хвосты под выступ, дождь превратился в ливень и с грохотом застучал по земле.

Собаки теснее прижались друг к другу, глядя на грохочущую стену воды. Черные хлопья не заставили себя ждать, они кружились среди капель дождя и зловеще шипели, падая на мокрую землю. В пересохшем русле мгновенно появились бурлящие лужи, окаймленные мерзкой желто-зеленой пеной.

«Я был прав, – мрачно подумал Счастливчик. – Мы никак не можем уйти от ядовитого дождя. Порой кажется, что нам от него не убежать...»

Он вздрогнул, услышав громкий пронзительный писк, и посторонился, чтобы не столкнуться с двумя здоровенными крысами. Видимо, они совсем потеряли головы от страха, раз не нашли ничего лучше, чем броситься в пещеру, полную собак!

Крысы затравленно металась вдоль стен, в какой-то момент одна из них остановилась возле задней лапы Счастливого и метнула на него злобный взгляд, полный ужаса и отчаяния. Глаза у крысы были красные и воспаленные, редкая мокрая шерсть липла к их туловищу.

«Ей больно, — с невольным содроганием понял Счастливец. — Она не боится нас — ее гораздо больше пугает дождь!»

Дейзи равнодушно следила за крысиной беготней, даже Лапочка лишь с досадой щелкнула на них зубами, подавив усталое рычание. Порох смотрел на крыс молча, без всякого интереса. Несмотря на голод, никто из собак не делал попытки приблизиться к крысам. Все они, как и Счастливец, понимали, что это плохая дичь. Возможно, очень опасная.

Счастливец почувствовал, что Альфа приблизился к нему. Они молча отвернулись от крыс и некоторое время смотрели на дождь.

— Здесь не безопасно, — негромко процедил полуволк. — Не знаю, что отравило эту землю, но этот яд становится все сильнее. И расплзается все дальше.

Счастливец с тоской покачал головой:

— Похоже, от него нет спасения.

— Даже Молния не может нас защитить, — прорычал Альфа. — Он приносит плохой дождь! Когда ливень кончится, нужно немедленно отправляться дальше! Здесь собакам жить нельзя.

Видимо, кто-то из собак услышал его последние слова, потому что в пещере послышались вздохи и даже жалобное поскуливание Дейзи прижалась к земле и попыталась спрятаться за косматым боком Марты.

— Это похоже на первый удар Большого Рыка! — простонала она.

— Ой, Дейзи, ой, ну зачем ты это сказала? — захныкала Солнышко. — Ой, ну зачем? Не говори так!

— Но она права, — мрачно бросил Микки. — Это похоже на тот день, когда Длиннолапые нас бросили. Сначала земля затряслась, потом появился ужасный запах...

— В тот день я охотилась возле тропы, по которой ездят клетки-гремелки, — протянула Кусака. — И тут вдруг стальная змея, по которым Длиннолапые передают большую силу, сорвалась и упала прямо передо мной! Эта невидимая сила зашипела и подожгла землю! Я могла бы стореть заживо, если бы она упала на меня.

— Да, я помню, — закивала Стрела. — А Нытик тогда едва не провалился в трещину, которая проползла по земле.

— А меня чуть не пришибло упавшим деревом, — вздохнула Луна. — Мы тогда чудом не погибли — и я, и мои щенки, которые тогда еще даже глазки не открыли!

— А мы со Счастливецом сидели взаперти в Западне, когда все это случилось, — подала голос Лапочка. Она рассказывала эту историю с оттенком нескрываемой гордости. — Длиннолапые сбежали, вокруг все рушилось, и надеяться нам было не на что. Многие собаки так и погибли там, а мы все-таки выжили.

Лизушка прижалась к боку Счастливика. Возбужденно стреляя глазами по сторонам, она еле слышно прошептала краешком рта:

— А что такое Большой Рык?

Было заметно, что ей очень неловко признаваться в своем невежестве, но любопытство, как всегда, пересилило гордость.

Счастливи́чик разинул пасть.

«Она что, притворяется? Как можно не знать, что такое Большой Рык?»

Потом он вспомнил, что Лизушка и ее братья появились на свет после катастрофы. Сначала это открытие его поразило, но, поразмыслив немного, он даже приободрился. Когда-нибудь Большой Рык станет далеким прошлым, и собаки больше не будут его бояться! Щенки появляются на свет и выживают в любые времена – Лизушка лучшее тому подтверждение. Большой Рык – это еще не конец света. Пока, по крайней мере.

– Это был самый страшный день, который нам всем довелось пережить. Ужасный день, когда весь мир трясся и рассыпался на части, когда Длиннолапые сбежали, бросив свои дома и своих питомцев. Даже Собака-Земля тогда дрожала от страха. Много собак погибло.

– Ужасно, – содрогнулась Лизушка. – Как хорошо, что я этого не видела!

Счастливи́чик потерся носом о ее нос:

– Я тоже рад, что так случилось, Лизушка.

Он выглянул из пещеры и посмотрел в сторону русла пересохшего ручья. Откуда-то издалека доносился шум бегущей воды, рвущейся в долину. Звуки нарастали, плеск и рев становились все сильнее. Вода быстро прибывала, казалось, она на что-то сердилась и очень спешила. Видно, ей не терпелось поскорее добраться туда, куда послала ее Собака-Река.

«Нам с рекой по пути, – подумал Счастливи́чик. – Как только дождь прекратится, мы отправимся вслед за водой».

Глава VI

Половина стаи еще спала на песчаном полу пещеры, когда Счастливи́чик вскинул голову и напрягся. Его насторожил не шум, а скорее, его отсутствие. Бурный рев потока сменился мерным зловещим капанием.

Альфа и Лапочка стояли перед входом в пещеру, разглядывая что-то внизу, и Счастливи́чик поспешил к ним. Дождь прекратился, оставив после себя лужи и ручейки, пересохшее русло превратилось в сеть мелких потоков, шустро бегущих между камней в сторону реки.

Альфа бросил косой взгляд на Счастливи́чика и сразу же снова отвернулся в сторону затопленной долины. Он заметно нервничал.

– Дождь наверняка смыл все запахи, – процедил он. – Это или поможет нам оторваться от свирепых псов – или позволит им застать нас врасплох. Нужно все время быть настороже! Лапочка, предупреди патрульных, чтобы держали ухо востро. А ты, Счастливи́чик, раз уж пришел, буди собак. Мы уходим.

Отдых, пусть даже краткий, творит чудеса Натертые подушечки лап перестали гореть, легкие заработали в полную силу, ноющие мышцы вновь обрели эластичность, и большая часть стаи была готова двинуться в путь.

Когда собаки начали спуск в долину, то сам воздух вокруг них, казалось, начал потрескивать от напряженного ожидания. Стая длинной вереницей растянулась вдоль сверкающей полосы бегущей воды, внезапно возникшей в еще недавно сухом ущелье. Они услышали шум реки задолго до того, как увидели ее, а когда взобрались вверх по осыпающемуся склону, то она предстала перед ними во всем своем грозном величии – гневная, бурная, вспененная яростью. На середине реки бегущая вода кипела белой пеной вокруг торчащих вверх скал. По краям плескалась желтая грязь.

Счастличик содрогнулся.

«Как же мы пройдем мимо?»

– Всем соблюдать осторожность! – громко объявил Альфа. – И запомните хорошенько – если упадете, молитесь Собаке-Реке. Я не позволю Марте вас спасать, ясно? Лучше потерять одну собаку, чем двух.

Счастличик в страхе уставился на грозную воду.

– Спаси и сохрани нас, Собака-Река, – прошептала Марта. Вид у нее был мрачный и взволнованный однако она не стала оспаривать жестокий приказ Альфы. Видно, страшное течение произвело впечатление даже на эту опытную пловчиху.

Собаки одна за другой спустились вниз и побрели вдоль берега, стараясь держаться как можно дальше от воды. Но могучая сила бегущего рядом потока наводила ужас Счастличик дрожал с головы до хвоста и старался не смотреть на воду. Один неверный шаг – и оступившейся собаке уже никто не поможет.

Близость опасности щекотала нервы, поднимала дыбом шерсть. Несколько раз Счастличик слышал, как Дейзи тоненько поскуливает от страха. Жук и Колючка шли и дрожали на ходу, прижав хвосты к бокам. Все взрослые собаки были на взводе, все вздрагивали и подскакивали от любого громкого звука, будь то хрустнувшая ветка или выкатившийся из-под лапы камешек.

Но вот течение наконец успокоилось, а река, вырвавшись в широкую долину, присмирела и утихла. Собаки инстинктивно рассыпались в стороны, стараясь держаться подальше от воды, отовсюду понеслись вздохи облегчения. Но Счастличик не спешил радоваться. Несмотря на то, что страшный белый водоворот остался позади, новая местность не внушала ему доверия. Здесь было слишком пустынно, слишком бесприютно, слишком опасно.

Счастличик замер, Дейзи, вся дрожа, остановилась рядом с ним. Микки с опаской принюхивался, а Порох негромко и недовольно зарычал.

Пройдя узкое место, река разошлась на множество узких серебристых потоков, самый крупный из которых разделялся вокруг двух островков, поросших кривыми и чахлыми соснами. Счастличик окинул взглядом широкий простор, высматривая возможный путь, и с замиранием сердца увидел, что долина тоже расходится в разные стороны.

С того места, где он стоял, были видны по меньшей мере три узких прохода через невысокие холмы.

«Собака-Река, подскажи, куда нам идти? Вдоль самого большого течения или выбрать один из маленьких ручьев?»

— Куда теперь? — протявкала Кусака, словно подслушав мысли Счастливого. Она сделала два неуверенных шага вперед и вопросительно посмотрела на Альфу.

Глаза всех остальных собак тоже обратились на вожака. Но Альфа стоял, как каменный, переводя взгляд с одного длинного речного хвоста на другой. Шерсть на его загривке едва заметно приподнялась, но беспомощно повисший хвост с подрагивающим кончиком выдавал его нервозность. Альфа не смотрел на свою стаю. Собаки начали переглядываться, негромко ворча и поскуливая, уши у всех начали прижиматься к затылкам.

— Альфа, — негромко повторил Счастливчик, — как ты думаешь, куда нам идти?

Перед ними лежало сразу несколько дорог, но какая из них приведет их к покою и безопасности?

Альфа дернул хвостом, продолжая смотреть прямо перед собой.

— Тихо! Я думаю! — рявкнул он, но на этот раз вся стая услышала в голосе вожака растерянность.

«Он колеблется! — понял Счастливчик. — Он не знает, что делать!»

Внезапно Лапочка уверенно вышла вперед и обернулась к стае. Ее уши стояли торчком, хвост был высоко поднят, а голос прозвучал спокойно и твердо:

— Всем сохранять спокойствие. Нам предстоит принять очень важное решение. Наберитесь терпения и подождите.

Прекрасная собака-бегунья по праву занимала место заместительницы Альфы. Эта мысль, как всегда, наполнила сердце Счастливого гордостью и горьким сожалением. Может быть, когда-то их с Лапочкой и связывало что-то, но это осталось в прошлом. Лапочка сделала свой выбор, решив стать преданной Бетой полуволок. Счастливчик смотрел, как она обходит стаю и твердо, с безмолвным вызовом, заглядывает в глаза каждой собаке. Как сильно она изменилась с тех пор, как Счастливчик узнал ее! Судя по своим недавним словам, Лапочка не забыла их встречи в Западне, но как же далека она была теперь от той робкой, нежной и беспомощной собаки, которую помнил Счастливчик!

Лапочка обвинила Счастливого в предательстве. Она приняла сторону собак, сразу возненавидевших щенков Свирепых. Она держала Счастливого, когда Альфа хотел заклеить его шрамом...

Но при этом Лапочка была умна, отважна и мужественна. Ей хватило выдержки и сообразительности вовремя вмешаться, когда Альфа утратил контроль над ситуацией, и Счастливчик был благодарен Лапочке за это.

«Она все понимает. Она видит, что Альфа теряет хватку, и подставляет ему плечо».

Успокоив стаю, Лапочка подошла к потокам и стала по очереди обнюхивать их, осторожно переступая по грязи своими стройными лапами. Ее узкая красивая морда была высоко поднята, изящные ноздри трепетали, втягивая запахи.

Внезапно Лапочка резко втянула в себя воздух и прыгнула вперед, потом грациозно сбежала вниз по топкому берегу к правому потоку. Длинные лапы

так легко и быстро несли ее вперед, что Счастливчик и глазом моргнуть не успел, как Лапочка скрылась за холмом.

Очень скоро она вернулась и неторопливо побежала обратно, к замершей в ожидании стае. Приблизившись, Лапочка довольно залаяла:

– Туда! Только там в реке плавают рыба, а еще там нет желтой слизи. Раз рыбы выжили, значит, и нам вреда не будет, верно?

– Верно, – басовито пролаял Альфа, к которому тут же вернулась его привычная самоуверенность: – За мной!

Он обвел глазами стаю и повернулся в сторону потока. Собаки молча последовали за ним.

Счастливчик недоверчиво смотрел на своих товарищей. Неужели никто из них не заметил слабости вожака? Почему они все послушно семенят следом за Альфой, как будто ничего не случилось, как будто не Лапочка только что спасла их всех, благодаря своей выдержке и сообразительности?

Кусака пробежала мимо, весело покосившись на Счастливчика. Он бросился за ней, догнал и побежал рядом.

– Что смешного? – недовольно пробурчал Счастливчик.

– Ничего. Просто у тебя ужасно несчастный вид, просто смотреть больно! Выше хвост, теперь все снова хорошо! Альфа – хороший вожак, Счастливчик. Сильный. Мы ему доверяем и будем верить и дальше. Мы все, понятно?

С этими словами Кусака прибавила шаг и умчалась вперед.

А Счастливчик остался стоять, ошеломленный. Ему всегда нравилась Кусака, и он давно понял, что эта веселая и никогда не унывающая резвушка далеко не так проста, как кажется. Но сейчас у Счастливчика было такое ощущение, будто его только что поставили на место.

«Откуда она вообще узнала, что я усомнился в Альфе?» Порой пронизательность членов стаи ставила Счастливчика в тупик.

Вздохнув, он встряхнулся и побежал догонять Кусаку.

«Может, она права, и я напрасно расчесываю болячки своих тревог? Разве Альфа не собака, разве он не может растеряться, как все мы? Наверное, я делаю из блохи свирепого пса!»

Кусака бежала вслед за стаей, скрывавшейся за пологим холмом. Когда Счастливчик поравнялся с ней, впереди раздалось громкое предостерегающее гавканье. Разом забыв о своих сомнениях, Счастливчик со всех лап бросился обегать холм. Все собаки стояли как вкопанные, и Счастливчик громко охнул, чувствуя, как шевелится шерсть у него на загривке.

Дома Длиннолапых!

Впереди высились строения, аккуратно выстроившиеся вдоль тех гладких черных дорог, которые делают для себя Длиннолапые, и которые так больно натирают собачьи лапы.

«Наверное, это какой-то город», – догадался Счастливчик. В самом деле, дома очень уютно расположились на опушке соснового леса, взбегавшего по склонам холмов. Среди красных и серых крыш виднелись аккуратно рассаженные деревья и твердые дороги, утыканные разноцветными табличками

и фонарями, которые так любят Длиннолапые. Только фонари не горели и не меняли цвет, видимо, они уже давно умерли. А еще в этом маленьком городке не было ни одного высокого дома из прозрачного камня, поэтому за крышами были хорошо видны горы. Судя по всему, это был очень маленький городок, гораздо меньше того, где когда-то жил Счастливчик.

Здесь дома были гораздо меньше разрушены Большим Рыком. Когда собаки робко направились в сторону города, Счастливчик почувствовал холодок страха. Все эти гладкие белые стены, аккуратные крыши и небольшие, обнесенные заборчиками, садики выглядели так, словно город до сих пор был обитаем, а Длиннолапые никуда не уходили. Но Дикой собачьей стае встреча с Длиннолапыми была совсем некстати.

– Не нравится мне все это, – еле слышно проворчал Счастливчик.

Не успел он договорить, как мимо его лап промчался какой-то пушистый белый комочек. Это обезумевшая от счастья Солнышко, заливаясь радостным лаем, неслась в сторону домов. Ее белый хвостик бешено крутился в воздухе, длинные ушки болтались на бегу.

– Счастливчик! – рявкнул Альфа. – Немедленно верни обратно эту длинношерстную крысу!

«Ах, глупенькая Солнышко!» Счастливчик сорвался с места и бросился вдогонку за белой малюткой. Он не стал тратить силы на лай, ведь коротконогая Солнышко, несмотря на весь свой задор, все равно не могла далеко убежать.

– Стой, Солнышко! – рявкнул Счастливчик, подбегая и хватая ее за хвостик. – Остановись!

– Ой, но ведь... – Солнышко обернулась и вырвала свой хвост из пасти Счастливчика. – Ой, там же еда! Настоящая еда! Мягкие спальные гнездышки, ой-ой! Ой, Счастливчик, миленький, бежим скорее!

Но Счастливчик зарычал и как следует цапнул ее за бок, на этот раз прихватив шкуру под мягкой шерсткой.

– Я сказал – стой! – он просто не верил своим глазам. После всего, что они пережили, после всех испытаний, при виде крыльца Длиннолапых маленькая Солнышко мгновенно превратилась в комнатную собачонку! – СТОЙ!

Счастливчик схватил ее зубами за шкуру, рывком заставил остановиться и хорошенько встряхнул.

Но Солнышко и не думала сдаваться. Она вертелась и барахталась, пытаясь вырваться из пасти Счастливчика, и при этом визжала как резаная.

– Ой, отпусти! Ой-ой, по-хорошему прошу, отпусти сейчас же! Отпусти, грубиян, ой! Ой-ой, пусти-ииии-ой!

Потеряв терпение, Счастливчик с рычанием опрокинул ее на землю и прижал, едва удержавшись, чтобы не куснуть в шею. Солнышко и тут продолжила слабо вырываться, но хуже всего было то, что Счастливчик отчетливо почувствовал на своей шкуре пристальный и недобрый взгляд Альфы. Полуволок даже подошел ближе, чтобы как следует рассмотреть происходящее.

Счастливчик крепче схватил Солнышко за шерсть и еще раз встряхнул ее.

– Немедленно вернись в стаю! – с тихим бешенством приказал он. – Если, конечно, не хочешь, чтобы Альфа бросил тебя в реку, где полно рыбы. И Марта не станет тебя вытаскивать, ясно?

Солнышко вдруг затихла, видимо, потрясенная этой угрозой. Потом Счастливчик почувствовал, как она задрожала всем тельцем.

– Даже если здесь и остались Длиннолапые, то это чужие, не твои Длиннолапые, – медленно втолковал ей Счастливчик. – Для них ты не Солнышко, а грязная дикая собака Ты сама прекрасно знаешь, что это так. Возвращайся в стаю, – негромко повторил он, – и приготовься извиниться за свою выходку.

Солнышко безвольно обмякла, сраженная его доводами и тяжестью своего проступка Счастливчик рывком поставил ее на лапы и подтолкнул в сторону Альфы. Приблизившись к вожаку, Солнышко затряслась всем телом и сразу стала выглядеть совсем маленькой и жалкой.

Она плюхнулась на землю перед полувожком, потом перевернулась на спину и застыла в позе покорности, подставив вожаку свое беззащитное розовое брюшко.

– Ой, прости меня, Альфа, – виновато проскулила Солнышко. – Ой, я так виновата, так виновата, ой! Я просто не подумала! Не смогла подумать, о-ооой!

Альфа гневно посмотрел на нее. Счастливчик затаил дыхание, не решаясь заступиться за провинившуюся Солнышко. И только храбрая Лизушка подползла к извивающейся на земле малышке и принялась вылизывать ее шелковистую белую шерстку.

Счастливчик растроганно моргнул, но Альфа только брезгливо зарычал, оскалив клыки:

– До сих пор не понимаю, как моя стая могла докатиться до такого позора? Не стая, а свора безмозглых поводочных пустолаек!

Счастливчик открыл пасть, приготовившись возразить, но его прервал дребезжащий шум, донесшийся из ближайшего дома.

– Там что-то есть, – воскликнул Счастливчик, мигом позабыв о злоключениях несчастной Солнышко.

«Собака-Небо, спаси нас и сохрани, не к добру все это!»

– Я не вижу никаких Длиннолапых, – нахмурился Альфа. – Но мы должны исследовать это место. Там может быть пища. Но будьте предельно осторожны, ясно?

Дернув головой, Альфа повел собак в густую тень под каменной стеной, тянувшейся вдоль дороги. Стая послушно потрусила по жесткому шершавому камню. По пути Счастливчик несколько раз нервно косился на дом, откуда донесся грохот, но там все было тихо, Длиннолапые не показывались. Наверное, это была просто крыса или царпка? Но Счастливчик не мог отделаться от мысли, что в этом брошенном городе могли прятаться Длиннолапые. Причем, самые плохие Длиннолапые – вроде тех, которых они с Микки встретили в своем городе. Злые, ожесточенные и очень сердитые.

После долгого путешествия по мягкой траве и ковру сухих листьев твердое покрытие дороги казалось особенно непривычным, но Счастливчик обрадовался ему, как старому знакомому. Даже запах пробуждал воспоминания, и он

несколько раз глубоко вдохнул его, чувствуя внезапный прилив тоски по вольной городской жизни, оставшейся в далеком прошлом.

Собацьи когти непривычно громко цокали по дороге, и Счастливчик с невольной улыбкой слушал, как дикие собаки жалуются друг другу на городские неудобства.

— Что это за безобразие? — протявкала Прыгушка, настороженно обнюхивая дорогу.

— Я только одно могу сказать — это точно не камень, — прорычал Порох. — Говори потише.

Прыгушка сердито фыркнула на черную дорогу. Загривок у нее поднялся, нос сморщился от отвращения.

— Фу, как противно пахнет!

— А по-моему, замечательный запах! — звонко тьякнула Дейзи.

— Тише, я сказал! — рявкнул Порох.

— От этой дороги у меня подушечки на лапах болят, — негромко пожаловалась Колючка.

Счастливчик возмущенно закатил глаза.

— Ничего, скоро привыкнешь. Длиннолапые все время ходят по таким дорогам, и ничего.

— И Поводочные собаки тоже! — с гордостью вставил Бруно. — Так что нечего бояться, дорога как дорога.

— Вот-вот, — хитро прищурилась Дейзи. — Учитесь выносливости у нас, закаленных Поводочных собак!

Шедшая впереди Лапочка громко фыркнула, но Счастливчик так и не понял от смеха или от возмущения.

— Зато в одном можно быть уверенным наверняка, — сказал он. — Где Длиннолапые, там непременно есть еда. Причем, такая, за которой не нужно охотиться и убивать ее тоже не придется. Уж поверьте мне, еда, за которой вам не пришлось гоняться, совсем другая на вкус!

— Ой, правда, — с чувством протявкала Солнышко. — Она сама идет в пасть, и никогда не бывает такого, что у тебя просто нет сил ее съесть.

Похоже, эти рассказы немного подбодрили диких собак. Прыгушка и Кусака заметно повеселели и бодро посеменили вперед, высоко поднимая лапы. Даже Луна с нетерпением насторожила уши.

Но Альфа, как и следовало ожидать, пришел в раздражение. Он сердито рявкнул, подзывая к себе Счастливчика:

— Я что-то забыл, кто возглавляет стаю — я или ты, Уличный пес? — холодно процедил полуволок.

Счастливчика так и подмывало ответить — Лапочка! — но мудрость Собаки-Леса подсказала ему вовремя прикусить язык.

— Прости, Альфа, — кротко протявкали он.

– Следи за языком! – проворчал полуволок. – Это еще что такое?

Свернув за угол, Альфа резко остановился. Вся стая мгновенно смолкла, только Солнышко испустила пронзительный визг ужаса.

Счастливики сглотнули. Перед ними был центр города – огромная открытая каменная поляна, на которой каждая собака будет видна, словно ворона на белом снегу. Собаки нерешительно попятились назад, в узкий переулок, которым они только что шли.

Здесь было особенно заметно, что маленький городок пострадал от Большого Рыка гораздо меньше, чем город, откуда ушли Счастливики и Поводочные собаки. Повсюду сверкали груды битого прозрачного камня, но рухнувших домов не было видно. Прямо перед стайей лежала аккуратная полянка с зеленой травкой и ухоженными деревьями, посередине сверкал прудик с голубой водой. В камышах, окружавших пруд, пряталось здоровенное неопрятное гнездо.

– Здесь живут лебеди, – прошептала Белла. – Будьте осторожны, они клюются!

Счастливики тоже были знакомы с лебедями. Он всегда уважал этих огромных белых птиц и предпочитал держаться от них подальше, но это гнездо было пусто.

– Ничего страшного, гнездо брошенное!

– Верно, – подтвердил Бруно. – Там нет никаких птиц.

Микки опасливо поежился:

– Их тут вообще нет. Даже на деревьях.

«А ведь он прав! – с холодком тревоги понял Счастливики. – Птицы покинули этот город! Ни щебета, ни шорохов, ни песен – только тишина...»

Разгадка не заставила себя ждать. Очень скоро собакам предстояло узнать, что же напугало птиц. Выйдя на открытое место, Счастливики огляделся вокруг – и почувствовал, как тошнота подкатила к горлу.

Там лежали тела. Два на черном твердом покрытии, одно на траве и еще одно наполовину в воде. Брошенные, разлагающиеся...

Солнышко отчаянно завывала:

– Длиннолапые!

Глава VII

Собачки-на-поводочке огласили долину истошным горестным воем. Даже Счастливики испытали укол сокрушительной жалости.

Тела выглядели так, словно смерть настигла их внезапно, без предупреждения. Счастливчик заметил еще несколько трупов – один свешивался с ограды, второй лежал перед дверью дома. У некоторых мертвецов были широко открытые остекленевшие глаза, у других зияли пустые глазницы.

«Вороны, – с дрожью отвращения подумал Счастливчик, – наверное, они нашли их прежде, чем улетели. – Он снова с растущей тревогой осмотрел мертвые тела. – Почему у мертвых Длиннолапых сделалась такая странная шкура? Серая и с виду напоминает мокрую кору».

На губах у мертвецов застыла желтая слюна, их кончики пальцев приобрели синевато-черный оттенок.

Счастливчик сглотнул. Точно такие же Длиннолапые когда-то угощали его своей едой в парках, рассеянно трепали по голове или швыряли ему объедки, сидя за столиками в своих Домах еды. Даже в Западне Длиннолапые кормили его, приносили еду и дали относительно удобное место для сна. Конечно, попадались и те, кто пинал его или орал, но даже они не заслуживали такого страшного конца. Судя по всему, тела лежали здесь уже довольно долго. Некоторые были обглоданы лисами или птицами, порой так сильно, что остались одни скелеты. Над всем городком стоял тяжелый и удушливый запах смерти.

«Их нужно было предать Собаке-Земле! – с подкатившей к горлу тошнотой подумал Счастливчик. – Почему никто этого не сделал?»

– Ой, это наши, ой-ой, наши Длиннолапые? – тоненько провыла Солнышко. – Это они?

– Может быть, – горестно пролаял Микки. – Ведь мы так их и не нашли.

– Нет! – басом простонала Марта, припадая к земле своим огромным черным телом. – Нет, только не это!

– Замолчите! – сердито пролаял Альфа, но его тьявканье утонуло в горестном вое Поводочных. – Молчать, я вам приказываю!

– Наши Длиннолапые! – выла Дейзи, а Бруно зашелся в приступе отрывистого истерического лая: – Наши Длиннолапые умерли!

– МОЛЧАТЬ! – надрывно гавкнул Альфа.

Его никто не слушал.

«Они в истерике, – понял Счастливчик. – Я прекрасно их понимаю, но это нужно немедленно прекратить».

Схватив Микки за шкуру, он бережно встряхнул его, заставив поднять голову от земли.

– Послушай меня! – настойчиво пролаял Счастливчик. – Вы все, выслушайте меня! Это не ваши Длиннолапые! Вы меня поняли? Это не они!

– Откуда ты знаешь? – с бешеной озлобленностью протявкали Микки.

– Оттуда, что вы росли в доме у своих Длиннолапых и знали их, как самих себя! Разве вы бы могли не узнать их запах? Ваши Длиннолапые уехали из города, они спаслись! А эти жили здесь и оказались в западне. Видимо, погибли во время Большого Рыка. Это не ваши Длиннолапые! Что им делать в этом городе?

– Счастливчик, ты ничего не понимаешь...

И тут, посреди всеобщего воя, горя и страха, на Счастливчика снизошло озарение. Видимо, Собака-Лес и здесь не оставила его без своей помощи и шепнула на ухо нужные слова.

– Это же хороший знак, Микки! Все, слушайте меня – это хорошая новость!

Собачки-на-поводочке разом перестали выть и ошарашенно уставились на Счастливчика. Микки смотрел на него так, словно бедный Счастливчик вдруг заболел опаснейшим собачьим бешенством и вот-вот начнет пускать из пасти пену.

– Ой, Счастливчик, что ты такое говоришь, о-о-й! – провыла Солнышко. – Как же такой ужас можно назвать хорошим?

– Да так, что эти Длиннолапые очутились в западне, – терпеливо объяснил Счастливчик. – Посмотрите, как они лежат – очевидно, что они пытались бежать! Эти Длиннолапые не пришли сюда, они хотели отсюда уйти!

Микки молча уставился на него, его бока мелко дрожали.

– Но они... так и не смогли убежать... Не успели...

– Вот, теперь понимаете? – пролаял Счастливчик. – Вот что случилось бы с вашими Длиннолапыми, если бы они остались с вами! Вы все гадали, почему они убежали – теперь вы сами видите, почему! Ты поняла, Дейзи? – Он ласково ткнул малышку носом. – Теперь ты знаешь, что твои Длиннолапые не хотели убежать, но им пришлось это сделать. Если бы они остались, с ними случилось бы то же, что и с этими.

Собачки-на-поводочке потихоньку начали садиться. Они все еще были подавлены, но хотя бы прекратили свой истерический визг. На этот раз даже Альфа не смог не оценить усилий Счастливчика и бросил на него взгляд, полный угржимой благодарности.

– Я об этом не думала, – пробормотала Дейзи.

– Ой, – пропищала Солнышко, перебирая лапками, – значит, наши Длиннолапые – ой-ой! – могут быть живы?

– Живы и в безопасности, – подтвердил Счастливчик. – Потому что они вовремя убрались подальше от Большого Рыка и отравленной земли.

Собачки-на-поводочке снова вскочили, струдились в кучу и начали смущенно переглядываться. Марта, опустив голову, принялась с преувеличенным старанием выкусывать грязь из-под своих когтей. Микки скреб за ухом.

– Ну что ж, значит, это... – пробормотал Бруно, – тогда идем дальше, стало быть...

Счастливчик устало покачал головой. Он не мог не слышать, как Дикие собаки ошеломленно переговариваются друг с другом.

– Какая отвратительная выходка! – шепнула Луна на ухо Пороху.

– Совершенно позорная, – согласился богатырь. – А я-то, признаться, думал, что они стали настоящими Дикими собаками!

– Ну да, как же! – насмешливо оскалился мерзкий Нытик. – Сколько Поводочных ни учи, они все равно останутся комнатными неженками! Стоило им увидеть парочку мертвых Длиннолапых, как они тут же ударились в истерику. Позор, да и только!

– Мама-Собака, – тихо тьякнул Жук, – я не понял, что случилось.

– Ш-шшш, Жук, – прошептала Луна, ласково лизнув его в ухо. – Честно тебе скажу, мы тоже до конца не понимаем этого. Поговорим позже, ладно? А пока держи язык за зубами и постарайся не обидеть наших поводочных товарищей резким словом Ты же у меня умница, правда?

«Но ведь Жук совершенно прав, – сокрушенно подумал Счастливчик. – Мы все надеялись, что наши товарищи уже перестали быть Поводочными!»

– Слушайте меня! – властно рявкнула Лапочка, заставив всех собаки разом замолчать. – Я чувствую, как спускается воздух. Вот-вот разразится гроза. Нужно немедленно отыскать убежище.

Счастливчик вздрогнул, осознав, что Лапочка права. Небо над мертвым городом почернело и опустилось совсем низко, значит, Небесные Псы уже выстроились над тучами для яростной битвы.

– Где же мы спрячемся? – спросила Колючка.

– Оглянись вокруг, малышка, – с улыбкой ответила Лапочка. – Кругом полно домов Длиннолапых, которые им больше не пригодятся. – При этих словах она виновато покосилась на притихших Собачек-на-поводочке.

– А я думаю, что лучше поскорее убраться отсюда, – нервно проскулила Дейзи. – Мне не нравится это место!

– Мы не можем очутиться под дождем без крыши над головой, – рявкнула Луна, посмотрев на своих подросших щенков. – Что скажешь ты, Стрела?

– Луна права, а Лапочка уже все сказала, – сурово рявкнул Альфа. – Отыщите подходящий дом Длиннолапых, быстро!

«Ах, какой ты бываешь мудрый и рассудительный, когда кто-то другой примет за тебя решение!» – насмешливо подумал Счастливчик.

– Но там что-то шумело, – неуверенно пролепетал Жук.

– Скорее всего, это была какая-нибудь крыса, – сказал Счастливчик. – Я точно знаю, что Длиннолапых здесь нет.

Марта горестно вздохнула:

– Боюсь, Счастливчик прав. Длиннолапые, останься они здесь, никогда не бросили бы своих мертвых валяться на земле.

Сбившись в плотную толпу, собаки с опаской потрусили по твердой дороге, осторожно обходя лежавшие на их пути тела.

– Может, этот? – тьякнула Кусака, кивая на длинное приземистое здание.

– Выходов мало, – фыркнул Альфа. Кусака тут же разинула пасть, чтобы предложить следующий вариант, но полуволк не дал ей и слова сказать: – Нет, этот стоит слишком близко к другому дому, если туда заберутся наши враги, то мы окажемся в западне.

– А этот? – спросила Луна, указывая носом на небольшой деревянный домик.

– Хлипкий какой-то. Ищите получше!

«Он в самом деле настолько придирчив? – нахмурился Счастливчик. – Или просто показывает свою власть?»

Кусака, которая после замечаний Альфы потеряла интерес к поискам укрытия, подбежала к Счастливчику и пошла рядом с ним:

– Знаешь, Счастливчик, ты только не обижайся, но я не ожидала, что твои друзья будут так убиваться при виде мертвых Длиннолапых.

– Они просто еще не совсем привыкли к дикой жизни! – сердито огрызнулся Счастливчик. Поймав удивленный взгляд Кусаки, он смутился и виновато опустил голову.

«Зачем я набросился на нее, как на врага? – в отчаянии подумал он. – Кусака все правильно говорит, именно так восприняли поведение моих друзей все дикие!»

– Понимаешь... мы ведь не должны забывать, что они совсем недавно потеряли своих Длиннолапых! Я думаю, что для них Длиннолапые были, все равно что их стая. Попробуй представить, что в один ужасный день ты бы потеряла всю свою стаю и осталась совсем одна!

Кусака надолго замолчала, обдумывая его слова.

– Стыд какой! – пробормотала она и, вздохнув, помахала своим коротким хвостиком. – Между прочим, эти Длиннолапые теперь всего лишь кучи мяса. Мы могли бы наесться досыта!

– Кусака! – укоризненно воскликнул Счастливчик. – Опомнись, что ты такое говоришь? Считай, что я тебя не слышал!

– Нет, но ведь...

– Ты хоть представляешь, что будет с Поводочными, если ты предложишь им съесть Длиннолапых? К тому же они все равно непригодны для еды. Ты чувствуешь, как от них пахнет?

Кусака вопросительно склонила голову набок, подбежала к ближайшему трупу и как следует его обнюхала. В следующее мгновение она отчаянно взвизгнула и со всех лап бросилась обратно к Счастливчику:

– Ох, ты прав! От них смердит, как от отравленной реки!

Счастливчик грустно кивнул.

– Они лежали здесь под плохим дождем. И уже давно, как мне кажется.

– Вот! – громкий лай Альфы заставил их прервать разговор. Полуволок стоял перед разбитым прямоугольником прозрачного камня, вделанным в твердую стену. – Мы спрячемся здесь!

– Отличная мысль, – проворчала Прыгушка. – А то уже накрапывает.

Счастливчик подскочил от страха, когда две тяжелые капли упали ему на спину. Потом хлынул дождь. Собаки бросились через разбитый проем в просторное помещение, заставленное столами и коробками для сидения. На столах были расстелены белые шкуры, кругом стояли прозрачные бутылочки с

густой темно-красной жидкостью и соленым белым порошком, а кое-где валялись разбитые вазочки, из которых высыпались неживые, и поэтому неумирающие цветы. Стрела обнюхала одну из таких ваз.

– Неудивительно, что цветы не вянут! – пробурчала она, хлопая глазами. – Они же не настоящие – пахнут, как твердая дорога, по которой мы шли.

– Что это за место? – прошептал Жук, обводя загроможденное пространство округлившимися от удивления глазами.

Счастливчик обнюхал один из столиков и радостно взвизгнул:

– Это Дом еды!

– Что? – озадаченно переспросил Порох.

– Дом еды. Это такое место, куда Длиннолапые приходят, чтобы поесть вместе, как будто в стае. Здесь они едят по очереди, совсем как мы, а их охотники приносят им еду. Длиннолапые поливают эту еду вот этой красной жижей и посыпают белым соленым порошком.

Альфа недоверчиво заворчал.

– Здесь всегда полным-полно еды, – продолжал Счастливчик. – Длиннолапые вообще хорошие охотники, пища у них не переводится. Иногда, когда они набирали еды больше, чем могли съесть, они делились остатками со мной.

– Делились с тобой? – недоверчиво переспросила Луна. – По своей воле? Тем, что не могли доест?

– Я понимаю, в это трудно поверить, – кивнул Счастливчик, – но так и было. Причем довольно часто.

– В старом городе я тоже видела похожее место, – вставила Лапочка. – Счастливчик говорит вам правду. Среди Длиннолапых попадались добрые особи, которые делились лишней едой.

– Лишней едой? – презрительно прорычал Альфа. – Добрые Длиннолапые?

– Может быть, здесь осталось что-нибудь съестное? – громко предположил Счастливчик, пропустив мимо ушей недобрые слова Альфы. Просунув нос в щель между распашными дверьми, он сразу нашел то, что искал. – Смотрите! Комната с едой!

Центр комнаты был залит водой, капавшей из прорванной трубы, однако вода на вид казалась чистой. Счастливчик наклонился, хорошенько обнюхал лужу и сделал несколько глотков. Ах, что это была за вода! Он уже давно не пробовал такой! Облизнув клыки, Счастливчик пошел вдоль стальных коробок, громоздившихся вдоль стен. Стая робко последовала за ним. Распашные двери напугали собак, но их страх тут же сменился восторгом при виде чистой воды.

Только Лапочка, очутившаяся рядом со Счастливчиком, вдруг издала какой-то сдавленные гортанный вой.

«Наверное, вспомнила, как перепугалась тогда в городе, когда мы нашли мертвого Длиннолапого в Доме еды», – догадался Счастливчик.

«А теперь вы только поглядите на нее! – с привычной смесью грусти и гордости подумал он. – Кто узнает в этой храброй и хладнокровной собаке, которая крепкой лапой правит стаей, когда сам Альфа теряет волю, ту

перепуганную робкую Лапочку? Сейчас она даже не поморщилась, пройдя через улицу, заваленную трупами Длиннолапых!»

Конечно, где-то в глубине души он продолжал тосковать по прежней Лапочке, но умом прекрасно понимал, что в нынешних условиях гораздо лучше иметь рядом мужественную и независимую Бету, чем пугливую неженку, теряющую голову при первой опасности.

«Мир стал слишком опасен, так что нам всем повезло, что Лапочка сумела так быстро измениться!»

Микки потрогал лапой один из высоких стальных ящиков.

– Что там?

– Ящик закрыт, – сказал Счастличик. – Они всегда закрыты.

– Неужели? – лукаво хмыкнул Микки и подцепил стальную дверь когтями. Раздался щелчок, Микки потянул дверь на себя – и со скрежетом распахнул ее.

Счастличик так и застыл с разинутым ртом и выпученными глазами.

«Вот бы мне раньше научиться этому фокусу!»

– Отличная работа, Микки! – пролаял Бруно, и все собаки кинулись смотреть, что скрывалось в недрах ящика.

Часть еды успела испортиться – она затянулась сине-зеленой плесенью или приобрела стойкий зловонный запах – но остальное было вполне съедобным. Бруно зубами стащил с полки большую кастрюлю с крышкой и с грохотом опрокинул ее, высыпав на пол целую грудку мягких вареных зерен. Нашлись на полках и пакеты с сухой едой, а когда Микки открыл еще один ящик, то на него хлынул поток холодной воды, а на самой нижней полке обнаружился целый мешок мясных лепешек – мокрых, но восхитительных на вкус.

Эта еда не была добыта на охоте, к тому же ее было гораздо больше, чем могла съесть стая, поэтому никто не заботился о дисциплине. Поначалу Солнышко пугливо жалась позади всех, а Стрела изумленно тявкнула, когда плоскомордый Нытик утащил мясную лепешку прямо у нее из-под носа, но Лапочка и Альфа никому не делали замечаний. По-видимому, они считали, что на этот раз можно отступить от правил и позволить всем собакам наесться вдоволь. Пища досталась стае даром, без охоты, стальных ящиков было много, еды – еще больше, а собаки так страшно проголодались, что какое-то время в огромном помещении слышалось только жадное чавканье, хруст пережевываемой пищи и утробное урчание.

– Ты был прав, Счастличик, – прошамкала Кусака с полной пастью полуразмороженного мяса. – Полезная вещь эти Дома еды!

Но Счастличик никак не мог отделаться от ощущения, что после долгого перерыва еда Длиннолапых показалась ему гораздо менее вкусной, чем раньше. Интересно, это из-за того, что еда была далеко не свежая, или же он успел слишком привыкнуть к вкусу теплой убоины?

«Оказывается, я меняюсь и сам этого не замечаю», – удивленно подумал он.

Как ни странно, но по отношению к еде Длиннолапых у Счастличика нашелся всего один союзник – Альфа. Полуволок едва прикоснулся к ненастоящей пище из ящиков и, прожевав пару кусков, брезгливо отбросил остатки в сторону.

После этого он сел в отдалении и с нескрываемым презрением смотрел, как его стая жадно пожирает неожиданно доставшиеся лакомства.

– Ой, к-а-а-а-а-к же я соскучилась по рису! – пропищала Солнышко, слизывая с пола последние зернышки. – Ведь я его целую вечность не ела, ой!

– И больше уже никогда не поешь, – прорычал Альфа. – Завтра, как только Собака-Солнце вскочит на небо, охотники отправятся в лес и принесут нам настоящей еды.

Солнышко горестно вздохнула, но промолчала.

Когда собаки наелись до отвала, они устроились на ночлег прямо на полу под мерный шум дождя, барабанившего снаружи.

Описав традиционный круг перед сном, Счастливчик задрал ухо и немного послушал, как за стеной хлещет ливень, радуясь тому, что здание Длиннолапых надежно защищает их от льющегося с небес яда. Альфа и Лапочка легли в самой глубине комнаты, на самом большом удалении от прозрачного камня, охотники и патрульные устроились под разными столами. Солнышко лежала одна, ближе всех к дождю, брызгавшему сквозь разбитый прозрачный камень. Счастливчик слышал, как бедная малышка тихонько поскуливала и причитала перед сном – видимо, тяжелое и унижительное положение Омеги все-таки измучило даже эту всегда жизнерадостную собаку.

Счастливчик вздохнул, испытывая искреннюю жалость к бедной Солнышко. Он дал себе слово приглядывать за ней и наконец тоже улегся возле охотников. Холодный ветер тут же лизнул его шкуру, послав мурашки по всему телу.

«Эй, Небесные Псы, ну и холодина! Бедная маленькая Солнышко, ведь ей досталось место на самом сквозняке... Как же тут уснуть-то?»

Внезапно он почувствовал под боком что-то теплое. Повернув голову, Счастливчик увидел Лизушку, волочившую в зубах белую шкуру, которую она стащила со стола. Лизушка заботливо укрыла Счастливчика шкурой, лизнула в нос и тут же убежала на свое место, к патрульным.

Растроганный и благодарный, Счастливчик проводил ее взглядом.

«Как вообще можно считать ее злой и опасной? – в который раз подумал он. – Ведь Лизушка едва ли не самая добрая собака во всей стае!»

Открыв заспанные глаза, Счастливчик уставился в мутный рассвет и первым делом понял, что ливень прекратился. Теперь за разбитым прозрачным камнем уже не лило, а только тихо моросило. Но Счастливчик чувствовал едкий запах отравы, а когда осмелился высунуть нос наружу, то увидел ядовитые испарения, с шипением поднимающиеся над лужами. Он содрогнулся.

Остальные собаки тоже вставали, позевывая и потягиваясь. Солнышко, дрожа всем своим крохотным тельцем, бесшумно просеменила мимо Счастливчика, чтобы послушать распоряжения Лапочки.

– Эй, ты хоть немного поспала? – окликнул ее Счастливчик.

Маленькая собака, не останавливаясь, смущенно посмотрела на него.

– Ой, я... Ну да... Немножко, – пропищала она. – Спасибо, что спросил!

«Бедная, бедная Солнышко! – в который раз за последнее время подумал Счастливичик. – Она так старается держаться молодцом!»

– Охотники и патрульные! – рявкнул из своего угла Альфа. – Один отряд немедленно отправится на разведку. Вам поручается обойти городок и посмотреть, что тут и как. Отряд возглавит Лапочка, с ней пойдут Дейзи и Марта.

– Правда? – воскликнула Дейзи, не веря своему счастью. Она бешено закрутила хвостом, лопааясь от гордости.

Альфа устало закатил глаза.

– Кому как не вам, бывшим поводочным, знать порядки в поселениях Длиннолапых! Обойдите все уголки и разнюхайте все, что нам может пригодиться. Я хочу знать, можем ли мы еще на какое-то время остаться здесь или же нам нужно немедленно уносить отсюда лапы. Все понятно?

Дейзи свесила язык и радостно заскулила. А Счастливичик, напротив, напрягся. Как Альфа посмел не включить его в этот разведывательный отряд? Ведь он сам постоянно называет его Городским псом, так кому же как не ему, знать все уголки и закоулки в городе?

«Он сделал это нарочно, чтобы унижить меня!»

Счастливичик посмотрел на Дейзи.

– Хочешь, я покажу тебе, как открывать дверь в Дом еды, Дейзи? – громко спросил он. – Или объясню, как выбирать съедобную еду из мусорных баков?

Альфа медленно склонил голову и насмешливо сощурил свои желтые волчьи глаза.

– Я правильно понял, что ты недоволен моим выбором участников экспедиции? – протянул он. – Если да, то наберись храбрости и скажи это вслух.

– Почему ты не выбрал меня, Альфа? – выпалил Счастливичик. – Я, как-никак, обладаю кое-какими полезными навыками городской жизни!

Альфа со скучающим видом перевел глаза на свой коготь, внимательно осмотрел его.

– Я полагаю, Марта и Дейзи прекрасно справятся с этим заданием.

Счастливичик открыл пасть, приготовившись яростно заспорить, но тут в беседу неожиданно вмешался Порох:

– А правда, почему бы не послать Счастливичика, Альфа? Понятно, что Поводочные собаки тоже знают толк в том, как тут все устроено, но они, в отличие от Счастливичика, никогда не пробовали выживать в городе в одиночку. Пожалуй, у него глаз более наметанный, на него можно положиться.

– Он прав, Альфа, – робко проскулила Дейзи, отводя назад уши. – Счастливичик знает куда больше, чем все мы!

– Верно! – поддакнула Кусака.

– Я в этом абсолютно уверена, – тихо сказала Белла, и Счастливичик с благодарностью посмотрел на сестру, согретый ее поддержкой.

— А тоже согласна, — спокойно вставила Лапочка. — Я бы отправила Счастливого на разведку.

— Пожалуйста, Альфа, позволь ему пойти с нами! — пробасила Марта.

На мгновение волчьих глаза Альфы полыхнули холодным желтым пламенем. Это было настолько страшно, что Счастливчик с трудом заставил себя не поджать хвост. Но ведь теперь Альфа никак не мог ему отказать! Если он сделает это, то покажет всем собакам, что ставит свою личную неприязнь выше интересов стаи.

Альфа наморщил нос, на его морде появилось коварное и хищное выражение:

— Разве я не сделал тебя охотником, городской пес? Иди охоться! Ты, Порох, Кусака, Бруно и Микки немедленно отправитесь в лес и принесете нам нормальной собачьей еды. После такого ливня разыскать дичь будет делом нелегким, поэтому у нас сегодня каждый охотник на счету. Моя стая больше не прикаснется к мерзкому корму Длиннолапых! Вчера вы достаточно опозорились, пожирая эту дрянь.

— Но мы могли бы узнать гораздо больше, если... — начал было Порох.

— Я вожак стаи! — гневно перебил его Альфа.

— Ты вожак только... — в бешенстве выпалил Счастливчик и едва успел прикусить свой длинный язык, чтобы не наговорить лишнего. Тем более, что он и сам не до конца понимал, в чем собрался обвинить Альфу. В том, что тот исполняет роль вожака только тогда, когда это просто? Или в том, что тот использует идеи Лапочки и выдает их за собственные?

Вся стая в напряженном молчании смотрела на Счастливого.

— Ты вожак стаи, — наконец процедил Счастливчик.

— Вот именно, — сквозь зубы прошипел Альфа. — Распределение патрулей — моя обязанность, и мое слово — закон!

Счастливчик покорно опустил голову. Ладно, могло быть и хуже. По крайней мере, Альфа послал его на охоту, а не за свежими подстилками! Но упрямство вожака бесило Счастливого. Тем более что последнее решение Альфы было коварным, несколько не мудрым. Оно диктовалось мелочной мстительностью, а не заботой о стае. И вообще, почему Альфа так одержим мыслью о бегстве? Почему бы вообще не остаться здесь, в этом городке, если тут безопасно и сытно? Разве сейчас для усталой и напуганной стаи не важнее всего получить передышку, пищу и надежное убежище? Насколько мог судить Счастливчик, все это можно найти в брошенном городке Длиннолапых, и именно здесь могли бы пригодиться его знания и навыки выживания в городе. Но Альфа распорядился иначе, потому что не захотел показать, что хоть сколько-нибудь ценит способности ненавистного ему городского пса!

Счастливчик был рад поскорее убраться подальше от Альфы и Дома еды. Как же приятно было размять лапы в быстром беге, вновь вдохнуть полной грудью запахи дичи и почувствовать шкурой ледяной свежий ветер! Как только охотники вышли из города, Порох и Кусака с облегчением перевели дух.

— Слава Небесным Псам! — пропыхтел Порох. — Наконец-то под лапами у меня трава, а не мерзкий твердый камень, от которого вся кожа зудит, как обожженная!

— И не говори, — поддакнула Кусака. — Я себе все когти сточила об эти проклятые дороги!

Счастливец с удивлением взглянул на них. Нет, ему тоже было приятно снова пробежаться по прохладной пружинящей земле, но неужели эти крепкие и выносливые Дикие собаки оказались настолько чувствительны к городским улицам?

«Что ж, все собаки разные, — вновь напомнил себе Счастливец, подавив невольный вздох. — После Большого Рыка нам всем приходится преодолевать себя и привыкать к чему-то новому».

Войдя в лесной сумрак, охотники немедленно притихли и бесшумно двинулись мимо кустов и поросших мхом стволов деревьев. В лесу было темно, прошедший дождь редким туманом дрожал на оставшихся листьях. Что и говорить, охота предстояла нелегкая, ведь в облетевшем лесу дичь издали почует приближение охотников.

Микки и Порох, два лучших следопыта стаи, остановились в неглубоком овражке и как следует приютились, задрав носы к небу. Остальные собаки застыли и насторожили уши. Где-то вдалеке чирикнула птица, и Порох тут же вздрогнул, сощурился глазами.

— Кажется, я что-то учуял, — негромко прорычал он. — Только пока не пойму, что это такое.

— Раз другого ничего нет, придется пойти по следу, — проворчал Бруно.

— Верно говоришь, — кивнул могучий Порох. — Только будьте настороже, вдруг это окажется барсук, койот или — не приведи Собака-Солнце — сам Косматый!

Счастливец содрогнулся. Воспоминание о последней встрече с Косматым до сих пор преследовало его в кошмарах. Он холодел от страха при мысли о крохотных злобных глазках на оскаленной круглоухой морде и тяжелой черной туше страшного зверя, занесшего в воздух тяжелые лапы с длинными когтями. Ни одна собака, какой бы храброй она ни была, не могла удержаться от панического бегства при виде этого чудовища.

— Только не это! — сухо процедила Кусака. — Честно говоря, я сегодня не в настроении драться.

— Неужели? — протявкали Бруно. — А я подумал, что Альфа будет рад, если мы притащим в лагерь тушу Косматого.

— Пфф, — фыркнул Порох, — скажи, что пошутил!

— Я тоже надеюсь, что это была шутка, — процедил Счастливец. — Потому что скажу тебе честно, Бруно, — как только я увижу впереди Косматого, я подожму хвост и брошусь наутек быстрее своего визга. И тебе советую поступить так же.

— Я с тобой, Счастливец! — поддакнула Кусака, устремляясь вперед по лесной тропинке.

— И я, — нервно прошептал Микки.

— Да успокойтесь вы, с чего вы вообще взяли, что там непременно Косматый! — заворчал на них Порох. Внезапно он прижал уши и с шумом втянул в себя воздух: — Великие Небесные Псы, да ведь...

Он резко замер на тропе. Собаки мгновенно примолкли.

— Это не Косматый, — прорычал Порох, вздыбливая загривок. — Это собаки!

В следующее мгновение лесная тишина взорвалась многоголосым злобным лаем.

— Они прямо перед нами! — взвизгнул Счастливчик.

Но еще хуже было то, что эти собаки бежали прямо на охотников!

Глава VIII

Порох замер как вкопанный, парализованный ужасной мыслью о том, что по ошибке завел свою стаю в беду. Счастливчик понял, что ему придется взять руководство на себя.

— Все быстро встали в круг! — пролаял он. — Плотное боевое построение!

К счастью, стая успела извлечь уроки из позорного поражения, понесенного в недавней стычке со свирепыми псами. Больше собаки не собирались позволить страху взять верх над их мужеством и боевым мастерством. Микки, Кусака и Бруно мгновенно выстроились цепью, держась как можно ближе друг к другу. Ни один из них не выказывал ни малейших признаков паники. Порох тоже быстро оправился от потрясения и стыда. Как следует отряхнувшись, он подошел к Счастливчику и встал рядом. Его могучие мышцы вздулись буграми под гладкой шкурой, на морде проступило выражение свирепой решимости. Порох был готов к встрече с любой опасностью.

Собаки молча ждали, прислушиваясь к приближающемуся хрусту веток и шороху сухой листвы под собачьими лапами.

«Сколько их? — напряженно думал Счастливчик. — Девять? Десять? Еще больше?»

Пока было ясно только одно — чужих собак было больше, чем патрульных Пороха. Счастливчик оскалил зубы и напружинил мышцы. Если это Свирепые псы, то им не уйти без потерь.

Наконец первый пес выскочил из-за ветвей. Счастливчик с облегчением понял, что перед ним был не Свирепый пес Это был коренастый длинношерстый незнакомец с бурой шерстью, испещренной светлыми пятнами. Глаза у пса были выпучены, так что виднелись белки, при виде незнакомых собак он резко затормозил, проехавшись лапами по сухой листве. Опомившись, пес резко обернулся и залился истошным лаем, предупреждая свою стаю.

«Выходит, они тоже не знали, что мы здесь! — сообразил Счастливчик. — И тоже выскочили на нас случайно».

Тут на тропинку из-за кустов выпрыгнули товарищи первого пса, и Счастливчик выпучил глаза. Ну и стая! Настоящая дикая свора — разношерстная, напуганная и неуправляемая. Собаки выли, рычали, тьякали наперебой и толкались, то и дело наскакивая друг на друга и оглашая овраг паническим лаем. Один паршивый бурый пес поскользнулся на мокрой листве и в панике шарахнулся в сторону, едва не сбив с ног тощую собаку, которая тут же зашлась в визгливом лае. Разумеется, эти псы тоже могли

представлять опасность, но все-таки их было не сравнить со смертоносной стаей Стали!

Патрульные Пороха подняли загривки и дружно зарычали.

«Приятно убедиться, что на свете есть стаи похуже, чем мои Собачки-наповодочке!» – хмыкнул про себя Счастливчик. Неожиданно какой-то запах привлек его внимание, и он весь подобрался, втягивая в себя воздух.

Незнакомая стая в нерешительности топталась на тропинке, продолжая растерянно твевкать, разглядывая незнакомых патрульных. Если не считать истощенного лая, чужаки не проявляли никакой враждебности.

– Хромой! – вдруг радостно взвизгнула Кусака. – Это ты?

Счастливчик ошеломленно разинул пасть. Из-за кустов появился черный с рыжими подпалинами пес, заметно припадающий на одну лапу. Так вот чей запах еще издали показался Счастливчику знакомым! Вот так встреча!

«Он все-таки сумел выжить один, даже со сломанной ногой! – с радостью подумал Счастливчик. – И даже нашел себе новую стаю!»

Но в следующий миг радость Счастливчика сменилась холодком ужаса. Лапа Хромого больше не была сломана – ее вообще не было! Она была отрезана – или откушена! – и на ее месте остался только уродливый обрубок, покрытый кривыми багровыми шрамами. Однако ни крови, ни открытой раны не было видно. Счастливчик в страхе переглянулся с Порохом и Бруно.

Но Хромой, похоже, не испытывал ни малейшего смущения. Как ни в чем не бывало, он ловко похромал на трех лапах к Кусаке и принялся от души вылизывать повизгивающую от радости собаку.

– Что ты здесь делаешь, Кусака? И вы все? – сбивчиво спрашивал он, но опытный слух Счастливчика уловил в его счастливом голосе отголоски тревоги. – Я думал, вы нашли себе новый лагерь и зажили там, как раньше!

– Так оно и было, да только... – начала Кусака, но Хромой перебил ее.

– Ладно, это уже неважно. Времени нет. Слушайте, вы должны как можно быстрее убраться из этого леса! – трехлапый пес нервно покосился через плечо. – Бегом, слышите? Живо!

Счастливчик хотел спросить, почему и от кого им нужно убегать, но тут из-за кустов послышался такой шум и треск, что все собаки невольно замерли, уставившись перед собой.

Через несколько мгновений на поляну вышел еще один пес. Это был настоящий великан, ростом с Пороха. Его короткая шерсть пестрела безобразными проплешинами голой кожи – багровой, вспухшей, как будто обожженной. Морда пса была квадратной, с тяжелыми брылями и складками. Но сильнее всего пугали его глаза – широко распахнутые, выпученные, того же ненастоящего пронзительного цвета, как желтые шкуры у опасных патрульных Длиннолапых.

При появлении этого великана Хромой и его товарищи мгновенно смолкли, распластались на земле и втянули головы в плечи.

– Ужас! – пролаял паршивый бурый пес.

Порох быстро покосился на своих товарищей, затем выступил вперед и вежливо поклонился псу, который, по всей видимости, был Альфой этой странной стаи.

– Добрый день. Мы патрульные стаи, мы идем через ваш лес на поиски новой территории. Мы не собираемся задерживаться надолго и очень скоро уйдем.

Злобные желтые глаза пса вспыхнули, но он не произнес ни слова.

– Альфа, ты позволишь нам поохотиться здесь несколько переходов Собаки-Солнца? – спросил Порох.

Счастличик настороженно ловил каждое его слово. Неужели этот жуткий Альфа откажет им в такой смиренной просьбе? Порох был не только могучим и сильным, но и очень спокойным и рассудительным псом, который умел заставить выслушать себя. Счастличик неожиданно подумал, что именно Порох мог бы стать идеальным Альфой стаи. Если с полуволком что-нибудь случится, то самыми вероятными претендентами на лидерство будут Лапочка и Порох.

Патрульные не сводили глаз с желтоглазого пса. Он по-прежнему молчал, шевеля тяжелыми челюстями. Потом огромный пес вдруг начал дрожать. Его клокастая шерсть встала дыбом, глаза закатились, и пес разразился хриплым лающим хохотом, от которого все его огромное тело начало сотрясаться, будто в припадке.

Счастличик оцепенел. Кусака вопросительно наклонила одно ухо, Микки в недоумении открыл пасть, а Порох сощурил глаза – всего за мгновение перед тем, как желтоглазый Альфа размахнулся, и наотмашь ударил его лапой по морде.

Заливаясь бешеным лаем, Счастличик и остальные патрульные бросились к Пороху, но стая Альфы, включая Хромого, тоже вскочила на ноги и оскалила зубы.

А желтоглазый Альфа высоко поднял голову и разинул пасть, из которой тут же закапала слюна.

– Я – Ужас! – пролаял он. – Я Правая Лапа Собаки-Страха, повелителя всех Небесных Псов! Поклонитесь мне! Повинуйтесь мне! Подчинитесь мне!

Онемев от изумления, Счастличик покосился на Пороха, который медленно покачал своей тяжелой головой.

– Что ты несешь? – с невыразимым презрением прорычал он. – Ты спятил? Нет никакой Собаки-Страха и не было никогда!

– Нет, есть! – визгливо залаял Ужас, и проплешины на его клокастой шкуре налились гневным багрянцем. – Есть, и он главнее всех! Все должны ему поклоняться! – Брызги слюны полетели во все стороны из его перекошенной пасти, желтые глаза закатились. – Поклонитесь! На землю!

Собаки желтоглазого, трясаясь от страха, повалились на землю и заелозили на животах, не сводя глаз со своего Альфы.

Ужас взрыл когтями землю, взметнув в воздух кучу сухой листвы.

– Откуда вы прокрались на мою территорию? Чужакам здесь не место! Повелитель Собак ни с кем не делится своей дичью! – Он резко повернулся, снова взмахнул лапой, и Счастличик уже приготовился отпрыгнуть в сторону, но на этот раз когти желтоглазого обрушились на спину одной из его подчиненных.

Маленькая короткошерстая бурая собачка истошно взывала от боли и, дрожа всем телом, отползла в сторону. Его товарищи жалобно заскулили. Шерсть у Счастливого встала дыбом от страха. Что происходит? Разве Альфа может без причины нападать на членов своей стаи? Это противоречит собачьему духу и закону стаи!

Порох снова медленно покачал головой, продолжая внимательно разглядывать желтоглазого.

– Ты сумасшедший. Собака-Земля давно заждалась и тебя, и твоих выдуманных повелителей. Говорю тебе в последний раз – мы странники. Моя стая будет охотиться в твоём лесу по праву путников и по законам Собаки-Леса. Если у тебя есть хоть капля мозгов, то ты оставишь нас в покое и прикажешь своей стае сделать то же самое.

– Ты... Ты... – затрясся от бешенства Ужас, закатывая глаза. Он резко обернулся к собаке, которую только что ударил: – Живо, задай ему!

Угроза была настолько смехотворной, что Порох не удержался и насмешливо переглянулся со Счастливым, который только головой покачал.

«Он что, в самом деле безумный? Эта плюгавая малышка Пороху и до плеча не достаёт!»

Но бедная собачонка беспрекословно повиновалась приказу своего Альфы. Высоко подпрыгнув, она с визгом бросилась на Пороха, размахивая когтями.

Могучий пес удивленно попятился, потом замахнулся лапой и с досадой отшвырнул собачонку в кучу сухих листьев, но та мгновенно вскочила и снова ринулась в бой, оскалив крохотные кривые зубы.

Счастливчик напрягся, но остался стоять на месте. Он понимал, что предлагать Пороху помощь в такой ситуации было бы настоящим оскорблением. Поведение крохотной собачки было настолько нелепым, что граничило с безумием.

Порох снова отшвырнул нападавшую, потом шагнул вперед и поставил ей на живот свою огромную лапу, не давая подняться. Малышка выла и твкала, как ненормальная, пытаясь укусить своего врага. Стоило Пороху убрать лапу, как она снова кинулась на него.

Порох отклонился в сторону и недоверчиво покосился на желтоглазого Ужаса. Желтоглазый безумец стоял, разинув пасть, и негромко урчал, словно зрелище этой смехотворной схватки доставляло ему несказанное удовольствие. Счастливчик поежился и переглянулся со своими товарищами.

– Вперед! – вдруг взвизгнул Ужас. – Во имя Собаки-Страха! В бой!

Счастливчик и его товарищи торопливо выстроились в цепь, но разве их оборонительный круг мог служить хоть сколько-нибудь серьезным препятствием для стаи безумного Ужаса? Противников было слишком много!

Желтоглазый Ужас бесновался позади своей стаи. Воя от восторга, он кусал за пятки своих собак, царапал их спины и свирепым лаем подгонял в бой. Счастливчик с рычанием схватил зубами первого бросившегося на него пса, который визжал и царапался, как безумный. Рядом с ним Кусака перебрехивалась с Хромым, уговаривая его отойти:

– Хромой! Да опомнись же ты, ненормальный! Это же я, Кусака!

Но Хромой размахнулся и ударил ее лапой в бок. На вид он был гораздо менее безумен, чем остальные, но в глазах трехлапного пса тоже плескалось ожесточенное отчаяние, заставлявшее его беспрекословно выполнять приказы Ужаса. Сражаясь с насевшей на него собакой, Счастличик краем глаза следил за поединком Кусаки и Хромого. Безумные собаки одолевали. Ужас, вне всякого сомнения, был сумасшедшим, но стая повиновалась ему без рассуждений. Выходит, даже безумие может обладать страшной заражающей силой!

«Он использует свое сумасшествие, чтобы повелевать стаей, но разве так можно? Ведь это противоречит собачьему духу!»

Порох наконец оторвал от себя визжащую собачонку и наступил на нее двумя лапами, но та все равно продолжала вырываться, щелкая зубами и вереща во всю силу своих легких. Еще одна паршивая черная собака, подпрыгнув, повисла на ухе Пороха и застыла, стиснув челюсти. Ее глаза закатились под самый лоб, готовые выскочить из орбит.

— Отступаем! — пролаял Порох. — Охотники, назад! Это бесполезно.

Замахнувшись в последний раз, Порох оторвал от себя сумасшедшую бурую собачонку, тянущую пасть к шерсти на его горле, потом повернулся и бросился в лес Счастличик и остальные помчались за ним. Все понимали, что Порох прав и ничего другого им не остается. Они не могли одолеть сумасшедшую стаю, которую натравил на них безумный желтоглазый Альфа.

Счастличик бежал со всех лап. В горле у него саднило, язык пересох, грудь распирало до боли, но нужно было бежать еще быстрее, чтобы оторваться от бешеной стаи. Оставалось надеяться, что ненормальные собаки успокоятся, когда убедятся, что враги позорно удрали с их территории.

Только выбежав из леса на луг, Счастличик осмелился покоситься назад. Сначала он не увидел ничего, кроме травы и деревьев, но через мгновение из-за веток вновь выскочила безумная стая и, спотыкаясь от изнеможения, продолжила погоню.

— Они что, совсем больные? — не веря своим глазам, простонал Счастличик.

Порох стоял, вытаращив глаза.

— Кажется, да, — только и смог выдавить он. — По крайней мере, их Альфа точно сумасшедший!

Собаки Ужаса еле переставляли лапы. Они шатались и спотыкались на каждом шагу, их лай превратился в сиплый шепот, но собаки все равно ковыляли вперед, подгоняемые страхом и решимостью.

— Бегом в Дом еды! — пролаял Порох и помчался в сторону черной полосы твердой земли, обозначающей начало поселения Длиннолапых.

Счастличик побежал следом Он сомневался, что стены домов Длиннолапых смогут остановить обезумевших собак, но ничего другого им просто не оставалось. Топот погони гулким эхом отдавался от каменных стен.

— Они боятся Ужаса! — хрипло пролаял на бегу Счастличик. — Они делают все, что он им приказывает, а сейчас он приказал им догнать нас Они не отстанут, Порох! Мы не можем привести их прямо в наш лагерь!

Порох замедлил бег, склонил голову и с тревогой покосился назад:

— А какой у нас выбор?

– Они будут сражаться насмерть, – пропыхтел Счастливичик. – Они обезумели от страха перед своим Альфой! Наверное, наша стая сможет их одолеть, но нам придется убить их всех... и даже Хромого!

– Это не наша вина, – резко гавкнул Порох. – Если придется, перебьем всех!

– Но разве это правильно? Разве можно поступать так даже с безумными собаками? И потом, ведь в этой схватке мы неизбежно потеряем кого-то из наших!

– Что ты предлагаешь, Счастливичик? – коротко пролаял Порох. – Говори быстрее, пока мы не добежали до лагеря!

Счастливичик открыл пасть, но ничего не сказал. В самом деле, что он предлагает? Собаки не отставали, спрятаться от них было негде... Внезапно молчавший все это время Бруно прибавил шаг, обогнал их и громко протявкали:

– Я кое-что придумал! За мной!

Свернув за угол, он нырнул в узкий переулок и припустил вдоль полуразрушенной садовой изгороди Добежав до середины, Бруно остановился, распластался на земле и пополз в пролом.

– Раньше, когда я жил у Длиннолапых, то очень любил гоняться за их толстым царпкой, – пропыхтел Бруно, когда остальные патрульные пробрались в сад следом за ним. Поднявшись на лапы, они уставились на заросшую травой лужайку и покинутый дом, высившийся впереди. – Ох, как же я носился за ним вокруг дома моих Длиннолапых! Мне кажется, этому жирному увальню тоже нравилась эта погоня. Так вот, играя в эту игру, я придумал один хитрый трюк.

С этими словами Бруно сорвался с места и побежал вокруг дома, так что мелкие камешки брызнули у него из-под лап.

Четверо патрульных озадаченно переглянулись и побежали за ним. Бруно заставил их несколько раз обежать вокруг дома, но когда пошел на четвертый круг, Счастливичик стал подозревать, что старый пес сошел с ума, как Ужас и его прихвостни. Но тут Бруно вдруг резко остановился на посыпанной гравием дорожке возле кучи бревен и какой-то странной деревянной конструкции, прислоненной к стене дома.

– Они уже близко, я их слышу! – в панике взвизгнула Кусака.

– Все нормально. Успеем, – вывалив язык от усердия, Бруно поскреб задними лапами, не сводя глаз с деревянной штуковины. Миг спустя он вскочил на хлипкую кучу бревен, а оттуда одним махом перескочил на верхушку деревянной постройки. Ему удалось зацепиться лапами только за самый край перекладины так что пришлось еще немного поерзать, чтобы устроиться понадежнее. Убедившись, что падение ему не грозит, Бруно обернулся на притихших товарищей: – Давайте! По очереди!

Они молча повиновались, времени на расспросы уже не оставалось. Когда Счастливичик, пыхтя от облегчения, приземлился на хлипкую дощечку, он с ужасом увидел, что Бруно уже смотрит еще выше – прямо на крышу дома Длиннолапых! Крыша была покатая, но не очень крутая, а на одном ее конце торчала какая-то непонятная кирпичная башенка.

– Только не это! – простонал Порох. – Не надо, Бруно!

– Вверх! – пролаял Бруно и, не оборачиваясь на испуганных товарищей, прыгнул.

Выбора у оставшихся не было, пришлось прыгать. Сначала на крышу перебралась Кусака, за ней Микки, следом настала очередь Счастливи́чика. Порох пошел последним, но этому огромному псу не хватило сил удержать свое тяжелое тело на покато́й поверхности. Скуля от ужаса, он покотился вниз.

– Порох! – тьякнул Микки, бросаясь к нему. Едва не свалившись с крыши, он ухватил Пороха зубами за шиворот и встал как вкопанный, чувствуя, что любой, даже самый маленький, шагок закончится падением с высоты.

Счастливи́чик сполз по скользкой крыше на самый край и присел, подпирая Микки с одного бока. Вместе они втащили отчаянно брыкающегося Пороха наверх, и все трое в изнеможении привалились к маленькой кирпичной башенке.

Они тяжело дышали, выкатив глаза, пока Бруно наконец не протявкали сверху:

– Так, теперь нам остается только ждать. Тихо!

Счастливи́чик и не собирался ничего говорить.

Больше всего на свете ему хотелось навсегда остаться возле каменной башенки и никогда больше не видеть опасного склона крыши.

Счастливи́чика мутило от одного взгляда туда, где за карнизом зияла пустота, кончавшаяся, как он знал каждой шерстинкой на шкуре, страшным ударом о твердую землю. Он сам не знал, как нашел в себе силы посмотреть вниз, но внезапно увидел такое, от чего забыл обо всех недавних терзаниях. За обвалившейся оградой метался Ужас. С яростным рычанием он грыз и цапал своих обезумевших собак, подгоняя их побыстрее пролезать в пролом.

– Поймайте этих негодяев! – выл Ужас. – Убейте их, выпустите им кишки, во имя Собаки-Страха!

Роя носами землю, безумные собаки бросились к пустому дому и принялись носиться вокруг, сталкиваясь и налетая друг на друга.

– Сюда!

– Нет, сюда!

– Они ушли! Туда!

– Эй, не лезь под лапы, а то... У-ууу-ох!

Они дважды обежали вокруг дома, пока не догадались, что дело нечисто. Тогда половина стаи в смятении бросилась назад, обнюхивая следы. Через какое-то время в них врезались собаки, продолжавшие с воем носиться по кругу, и вновь возникла свалка, потасовка и всеобщее смятение.

– Они сбежали! – провыла коротколапая шавка. – Исчезли!

– Не дури! – оборвал ее Ужас. – Собаки не могут исчезнуть! Найдите их!

Черный пес с короткой жесткой шерстью распластался на животе и, скуля, подполз к Ужасу.

– Но это правда, Ужас, они куда-то пропали!

– Наверное, Небесные Псы забрали этих скверных собак! – провыла другая собачонка.

– Небесные Псы никогда бы не посмели мне перечить! – в бешенстве зарычал Ужас, сверкая своими безумными желтыми глазами. – Собака-Ужас главнее Небесных Псов, она им задаст! Найдите эту мерзкую стаю и убейте всех!

Ужас совсем обезумел. Глаза его выкатились из орбит, из пасти полезла пена, шерсть встала дыбом. Внезапно он издал какой-то страшный судорожный вздох – и застыл, как мертвый. Потом крупная дрожь прошла через все его туловище, словно несчастный забился в когтях невидимого Большого Рыка. Съежившись на крыше, Счастливчик и другие охотники в ужасе смотрели на него. Вот голова Альфы обессиленно упала на грудь, из пасти полилась слюна.

Но стая желтоглазого будто ничуть не испугалась. Собаки молча обступили своего вожака и взяли его в плотное кольцо, готовые защищать от всех опасностей. Альфа забился в корчах. Несколько мгновений его огромное тело сотрясалось, как в лихорадке, а потом Альфа с шумом повалился на землю, подвернув лапы. Дрожа и дергаясь, он лежал на боку, закатив глаза и обливаясь слюной. Но ни одна собака из его стаи не посмела даже взглянуть на своего вожака. Они все стояли к нему спиной, устремив взоры куда-то вдаль.

– Что происходит? – прошептала Кусака на ухо Счастливчику.

Он растерянно помотал головой. Никогда в жизни ему не приходилось видеть ничего похожего! Может быть, Ужас умирает? Но почему тогда его стая ведет себя так, будто в этом нет ничего удивительного? Почему никто из них не бросается на помощь своему Альфе?

Наконец судороги Альфы стали стихать и вскоре он обессиленно затих в луже слюны и пены. Бока его тяжело вздымались, язык вывалился из пасти. Отдохнув, Альфа слизнул пену с губ, перекатился на живот и встал. Он выглядел совершенно измученным и слабым, как новорожденный щенок.

Стая бросилась к нему и, повизгивая, принялась вылизывать своего обессиленного вожака.

– Ужас! Ты вернулся, о великий!

– Ты снова с нами!

– Ты никогда нас не бросаешь, ты такой добрый, такой заботливый! Спасибо тебе, Ужас!

– Что сказала Собака-Страх? Что она передала тебе?

Ужас слабо пошатнулся. Теперь он был совсем не похож на того пса, который только что рвал и кусал своих собак, гоня их на бой. Только глаза его ничуть не изменились, оставаясь такими же желтыми, выпученными и безумными, как и раньше.

– Собака-Страх сказала... что мы должны вернуться в наш лагерь, – хлюпая слюной, прошамкал желтоглазый.

– Сейчас? – провыла маленькая бурая собачонка.

– Сейчас. Немедленно. – Ужас поднял слабую лапу, чтобы привычно смазать собачонку по морде, но промахнулся. – Она сказала... что мы должны убивать всех незнакомых собак. Всех чужаков. Всех до единой. На месте. Без разговоров. А теперь – в лагерь!

Собаки поджали хвосты и бросились к изгороди, устроив кучу-малу возле пролома. Ужас, шатаясь, побрел за ними. Счастливчик заметил, как Хромой ненадолго замешкался и бросил косой взгляд через плечо, прежде чем заковылять следом за своей новой стаей.

– Да уж, – прошептал Бруно, когда безумная стая наконец скрылась из виду. – Ну и дела!

Микки поежился:

– Здорово ты придумал этот трюк с крышей, Бруно! Иначе быть бы нам всем падалью.

– Вот именно, – прорычал Порох, подергивая хвостом. – Ты умница, Бруно!

– И мы даже готовы тебе простить, что этому гениальному трюку тебя научила царапка, – лукаво проурчала Кусака, дружески пихая Бруно носом. – Правда, Счастливчик? Не будем его дразнить?

– Он спас наши шкуры, – задумчиво пролаял Счастливчик. Его не оставляло неприятное ощущение, что их чудесное спасение было всего лишь краткой передышкой. Не слишком ли много опасностей преследуют их в последнее время? Сначала Свирепые псы, теперь безумные... Что за пес этот Ужас? Что с ним только что произошло? Неужели на свете, в самом деле, на свете существует Собака-Страх, которой подчиняются Небесные Псы? И неужели эта собака отдает приказы Ужасу?

От этой мысли у него мурашки поползли по шкуре.

– Давайте поскорее вернемся в лагерь, – громко сказал Счастливчик, чтобы отогнать тревожное чувство. Но возвращение в стаю грозило охотникам новыми испытаниями. Что скажет Альфа, когда они явятся в Дом еды без дичи, да еще с рассказом о столкновении с безумной стаей?

– Верно, – кивнул Бруно. – Альфа должен как можно скорее узнать об этом Ужасе и его ненормальной стае.

Он с опаской подошел к краю крыши, напружинил задние лапы и перепрыгнул на деревянную постройку.

– А ты уверен, что он в самом деле бешеный, а не притворяется? – спросил Микки, спрыгивая следом.

– Будто ты его не видел! – хмыкнул Порох. – Как по мне, так он настоящий безумец, опаснее целой клетки со злыми царапками!

– Интересно, как же он так спятил? – не унималась Кусака. – И что с ним было? Вы видели, как он кривлялся и дергался? По-моему, это все было не по-настоящему! Он притворялся, хвостом клянусь! Или вы верите, что он, в самом деле, разговаривал со своей Собакой-Страхом? Во-первых, такой собаки нет, а во-вторых, даже если бы она была, то ни за что не стала бы разговаривать с этим слюнявым психом!

– Нет такой собаки, – проворчал Счастливчик, искренне жалея, что не может заставить себя поверить в собственные слова.

Он посмотрел через луг в сторону леса. Конечно, приятно убедиться, что на свете есть и другие собаки, пережившие Большой Рык, но неужели среди выживших не могло найтись стаи поприятнее? И вообще, что это за собаки? Они обезумели от Большого Рыка или же заразились сумасшествием от своего желтоглазого вожака?

Одно Счастличик знал наверняка – Ужас полностью оправдывал свое имя.

Глава IX

– И что все это значит? – грозно прорычал Альфа, медленно поднимаясь на лапы. – Где добыча?

Патрульные, опустив хвосты, один за другим вошли в разрушенный Дом еды. Колючка и Жук радостно бросились к отцу, Луна забила хвостом по земле, насторожив уши, но остальные собаки притихли, с опаской поглядывая на разгневанного Альфу. Закатное солнце отбрасывало длинные тени на пол и стены.

«Неужели мы так долго ходили?» – поразился Счастличик.

Порох молча прошествовал к вожаку, по пути ласково лизнув Колючку в ухо. Он почтительно остановился перед Альфой и склонил голову:

– Прости, Альфа. Случилось непредвиденное.

– Слушаю! – рявкнул полуволок.

Порох склонил голову, но Счастличик с уважением заметил, что могучий пес не стал падать на пол, как на его месте сделали бы почти все члены стаи.

– Мы столкнулись с незнакомой стаей. Враждебной стаей.

– Это были не Свирепые псы? – тень тревоги пробежала в глазах Альфы.

– Нет. Это другие собаки, но тоже опасные.

Стая завывала и зарычала, потрясенная новым страшным известием.

– Их целая стая? – ахнула Прыгушка, поднимая торчком уши.

– Да, – негромко подтвердил Порох. Он поднял голову и по очереди обвел взглядом всех собак: – Во главе этой стаи стоит совершенно безумный пес.

Альфа недоверчиво сморщил нос, однако не произнес ни слова, продолжая внимательно смотреть на Пороха.

– Безумный? В каком смысле? Бешеный?

– Сумасшедший, – объяснил Порох. – Да, он чем-то похож на собак, больных водяным бешенством. – При этих словах сразу несколько собак из стаи судорожно затаивали и завывали. – Но только это не тот случай. У него тоже пена валит из пасти, и припадки случаются, но в целом он вполне собой

управляет. Даже слишком хорошо управляет. Он нагнал такого страха на свою стаю, что его собаки, скорее, дадут себя убить, чем ослушаются приказа.

Счастличик не удержался и коротко взглянул на Альфу. Огромный полуволок медленно кивал словам Пороха.

«Может быть, стоило поддержать Пороха и добавить пару слов от себя? – нервно подумал Счастличик. – Нет, я бы, наверное, все испортил. Пусть Порох сам расскажет обо всем, ему Альфа поверит скорее, чем мне».

Полуволок презрительно оскалил пасть:

– Я допускаю, что вожак незнакомой стаи способен нагнать страх на своих псов, но при чем здесь ты? Я правильно понял, что ты позволил какому-то бешеному псу прогнать тебя из леса?

Порох опустил свою тяжелую голову и облизнул клыки. Он долго молчал, прежде чем снова заговорить, и Счастличику показалось, что могучий пес с огромным трудом заставил себя сдержаться.

– В этот раз вышло так, Альфа. Я не мог рисковать всем своим патрулем. наших противников было намного больше, кроме того, они находятся в полной власти своего Альфы по имени Ужас и готовы на все ради него. Он приказал нас убить – и они были готовы это сделать.

– Ужас? – переспросил полуволок, наморщив нос. – Это его имя?

– Да, – ответил Порох.

Альфа презрительно фыркнул:

– Понятно. Итак, вас прогнал бешеный пес по имени Ужас. Допустим, он не оставил вам выбора, но ты очень сильно меня разочаровал, Порох. Я и подумать не мог, что мой лучший охотник вернется в лагерь с пустыми лапами!

– Я очень сожалею об этом, Альфа, – спокойно ответил Порох.

– И правильно делаешь, – рявкнул полуволок. – Так дальше продолжаться не может! Нам придется напасть на этого безумца и преподать ему урок подобающих манер, но сегодня, – его голос превратился в гулкий утробный вой, – наша стая будет голодать! По твоей вине, Порох!

– Я знаю, Альфа, – с болью в голосе проскулил могучий пес. Было видно, что он готов сквозь землю провалиться от стыда. В затравленном взгляде, который Порох бросил на Луну и своих щенков, стыд смешивался с раскаянием. Бедный пес искренне считал, будто обрек свою семью на голод!

«Но ведь это несправедливо! – возмущенно подумал Счастличик. – Порох ни в чем не виноват! Это Ужас не дал нам поохотиться и едва не отдал нас на растерзание своей больной стае!»

Он совсем было собрался заступиться за Пороха, но, как всегда, опоздал. Альфа встал во весь рост, окинул взглядом примолкшую стаю и резко, сердито залаял:

– Но не только наш главный охотник сегодня подвел свою стаю. Не только! – Счастличик похолодел от страха, увидев, что гневный взгляд полуволокка обращен на Лапочку. – Моя Бета сегодня тоже оказалась не на высоте. Она явилась из разведки и заявила, что в городе больше не осталось еды! Моя Бета не сумела найти пропитание для стаи. Это очень плохо! Никто из вас

не имеет права забывать о своих обязанностях! Стая существует не для удобства самых сильных, не для безопасности самых слабых. Стая — это труд и сотрудничество. Стая может потребовать жертв — от каждого из вас, слышите? И не смейте забывать об этом!

Счастличик снова почувствовал, как зашевелилась шерсть у него на загривке, но он опять заставил себя проглотить раздражение. Сейчас не время затевать ссору с вожаком.

«Но ведь он ведет себя не так, как подобает вожаку! — с гневом подумал он про себя. — Он унижает достойных собак несправедливыми упреками! Это травля, а не руководство!»

— Может быть, — негромко подала голос Луна, — нам лучше поскорее убраться отсюда. Зачем нам оставаться в этом нехорошем месте?

— Я согласна с Луной, — немедленно выпалила Стрела, нервно покусывая лапу.

— Но здесь хоть тепло, и от ветра есть где спрятаться, — робко заметила Дейзи. — Не говоря уже о том, что здесь нам не грозит плохой дождь.

— Какой прок в убежище, если в нем нечего есть? — резонно возразила Луна.

— Но мы же не можем отправиться в путь с пустыми животами! — возмутился Бруно.

Счастличик едва сдержал улыбку, услышав, как у старого пса громко заурчало в желудке.

— А как ты предлагаешь их наполнить? — отгрызнулась Прыгушка.

Альфа раздосадованно рявкнул на них, призывая к тишине.

— Замолчите все! Разумеется, мы не тронемся с места до восхода Собаки-Солнца, — прорычал он. — Идите спать, все! Раз есть нечего, надо хотя бы силы поберечь.

Альфа гневно посмотрел на стаю, но никто не осмелился ему возразить. Приунывшие собаки медленно поплелись на свои спальные места, негромко переговариваясь по пути.

— Ничего себе новости — в лесу есть еще одна стая! Значит, выживших не так уж мало.

— А что в этом хорошего? Нормальных собак мы пока не встретили, кругом или Свирепые псы, или вообще бешеные!

— И не говори... Кругом одно зло да опасности.

— Я не знаю, что все это значит, — прошептала Луна, склоняясь к своему верному Пороху. — Но нутром чую, что ничего хорошего нас не ждет...

Ночь выдалась длинная и тревожная. В самую темную пору Счастличик вскочил, потянулся и описал несколько кругов вокруг себя, чтобы хоть немного приглушить сосущую пустоту, возникшую где-то внутри и не дающую покоя. Он облизнул клыки, с тоской представив себе горсточку холодных и прогорклых белых зерен, которые так любят Длиннолапы.

Где-то неподалеку жалобно поскуливала Солнышко, кто-то из собак нервно скреб когтями по полу. Видимо, этой ночью никто не мог спокойно спать с пустым животом. Унылый дождь тихо стучал по металлической крыше Дома еды.

«Дейзи была права. Не так-то просто покинуть место, где у нас есть хотя бы надежная крыша над головой. Но что нам остается делать, если Ужас не пускает нас в лес?»

Счастличик со вздохом закрыл глаза. Воспоминание о безумном Ужасе было настолько ужасно, что он невольно задрожал.

«И все-таки я бы дорого отдал за то, чтобы узнать, притворялся этот ненормальный или бился в настоящих судорогах? И если все было по-настоящему, то что он видел в своем беспмятстве? Вдруг Собака-Страх существует, и она разговаривает с Ужасом?»

Счастличик открыл глаза и наткнулся на горящий взгляд Пороха. Видимо, тот тоже думал об Ужасе и о нелегком выборе, лежавшем перед стаей.

«Неужели я так больше и не усну? Но как же я завтра смогу идти?» – с нарастающей паникой подумал Счастличик.

Но его страхи оказались напрасными. Когда он снова открыл глаза, то увидел, что Дом еды утопает в золотом сиянии поднимающейся Собаки-Солнца. Вскочив, Счастличик пихнул сопящую рядом с ним Кусаку и легонько ткнул носом Лизушку.

– Мы уходим? – спросил он у Альфы.

Полуволк, собранный и решительный, стоял у приоткрытой двери Дома еды и осторожно втягивал носом сырой воздух.

Он ответил не сразу, не торопясь поворачиваться к Счастличику. Потом медленно, словно нехотя, поднял взгляд и с нескрываемым омерзением покачал головой.

– Нет, – тихо прорычал полуволк. – Сначала мы разыщем хоть какую-то еду.

– Но Лапочка сказала...

– Лапочка не городская собака, верно? – перебил его Альфа. – Кажется, у нас в стае есть один Городской пес, и мы все знаем, как его зовут! По крайней мере, он очень долго хвастал перед нами своими навыками выживания в городе.

– Но даже я не могу добыть еду из ниоткуда! – взорвался Счастличик.

– Вот как? – насмешливо скривился Альфа. – Давай подумаем, что мы имеем. Здесь совсем недавно жила целая стая Длиннолапых. Ты ведь, кажется, все про них знаешь? О да, ведь ты столько хвастал нам о том, как ты умел ладить с ними, как они давали тебе еду! Мы целыми днями слушали истории о том, как храбрый Городской пес по имени Счастличик один-одинешенек выживал в городе, исключительно благодаря своему уму и находчивости. Зачем ему стая, если он такой умный и ловкий, верно? Что ж, Счастличик, теперь у тебя есть шанс на деле проявить свои удивительные способности!

Счастличик затрясся от гнева и оскалил зубы:

– Но Длиннолапые ушли, Альфа! Теперь я дикий пес и живу в стае. Я охотник, как и ты.

— Какой же ты охотник, если не можешь накормить свою стаю? — глумливо осклабился Альфа. — Докажи мне, чего ты стоишь! Разыщи еду в этом проклятом Всесобаками городе — или я разжалую тебя в патрульные.

С этими словами Альфа отвернулся от Счастливого, взмахнул хвостом и оглушительно рявкнул:

— Прыгушка! Я приказываю охотникам отправиться в город за едой, тебя назначаю главной. Сама подбери себе охотников, и разыщите нам хоть какую-нибудь дичь, чтобы мы могли унести отсюда лапы.

Даже не взглянув на Счастливого, Альфа пошел прочь, цокая когтями по гладкому каменному полу. Вся стая была уже на лапах, собаки сонно щурились от солнца, льющегося внутрь сквозь разбитые прозрачные камни.

Прыгушка весело подбежала к Счастливому. Судя по всему, она не слышала его перепалку с Альфой и ничего не знала об угрозе, нависшей над городским псом.

— Давай возьмем с собой Колючку и Жука? — бодро протявкала Прыгушка. — Пусть нарабатывают опыт, верно?

Щенки радостно подскочили и со всех лап бросились к Прыгушке и Счастливому. За их спинами Счастливчик разглядел унылую морду Лизушки. Уши у нее были опущены, огромные глаза полны тоски.

— А что ты скажешь насчет Лизушки? — шепотом спросил он у Прыгушки. — Она неплохая охотница, даю слово.

— И верно! — встрепенулась Прыгушка. — Лизушка! Иди к нам!

Когда счастливая Лизушка вприпрыжку побежала к охотникам, Счастливчик заметил, как Альфа злобно зыркнул ей вслед и негромко зарычал. Однако полуволк не произнес ни слова.

«А что он может сказать? — зло подумал Счастливчик. — Лизушка имеет не меньше прав идти на охоту, чем Жук и Колючка! Не говоря уже о том, что вожак не может ни с того ни с сего отказать молодой собаке в возможности проявить и улучшить свои охотничьи навыки!»

— Веди, Счастливчик, — предложила Прыгушка, когда они вышли из Дома еды на теплое солнце. — На территории Длиннолапых ты, как заяц в лесу!

Она сказала это совершенно спокойно и уверенно, без тени презрения и насмешки, которыми совсем недавно полуволк досыта накормил Счастливого. Бывший городской пес с благодарностью кивнул и побежал по твердой дороге.

— Хорошо, Прыгушка. Но, честно говоря, я не уверен, что мы найдем здесь хоть что-нибудь.

— Я тоже не уверена, — грустно кивнула Прыгушка. — Но посмотреть-то стоит, верно? Если ничего не найдем, то хоть молодняк немного разомнется.

«Умница!» — растроганно подумал Счастливчик.

Теперь он понял, что Прыгушка не случайно взяла в свой патруль молодых собак. Дело было не столько в необходимом опыте, сколько в том, что пробежка по городу должна была хоть немного отвлечь вечно голодный молодняк от мучительных мыслей о еде. Жук, Колючка и Лизушка важно ступали по дороге, задрав носы в небо и чутко поводя ушами, но Счастливчик видел, что все трое с трудом скрывают распирающую их радость.

Колючка то и дело дразнила Лизушку передней лапой, а когда развеселившаяся собака повернулась к ней, коварный Жук одним прыжком вскочил ей на спину. Все трое с веселым визгом покатались по растрескавшейся дороге, потягивая и пофыркивая от удовольствия. Счастливику было приятно, что Прыгушка не стала ругать расшалившихся щенков, а только снисходительно вздохнула, покачав головой.

– Я рад, что они дружат, – понизив голос, признался ей Счастливику. – Пронимаешь, я боялся, что Лизушка будет завидовать Жуку и Колючке, которые раньше нее получили настоящие собачьи имена. Но она, добрая душа, любит их по-прежнему, а Жук и Колючка совсем не задаются и не задирают носы.

– Да, я тоже это заметила, – кивнула Прыгушка. – Сам знаешь, взросление – тяжелый период для щенков, даже если они ровесники из одного помета. Им тоже приходится учиться уступать и помогать друг другу, совсем как собакам в стае.

Я помню, что когда мы с Хромым.. – Прыгушка вдруг осеклась и грустно повесила голову.

Счастливику ласково потерся носом о ее плечо.

– Хромой жив-здоров, – сказал он. – Он прибился к новой стае и сумел выжить, это самое главное.

Прыгушка покачала своими длинными висящими ушами.

– Ах, я все равно волнуюсь за него! Мы с ним не очень ладили, это правда, но он мой брат, и я не хочу, чтобы с ним что-то случилось. Я боюсь, что эти безумные собаки обидят его. Или он сам заразится от них бешенством!

– Да нет, с виду он вполне нормальный, – заверил ее Счастливику. – Мне кажется, что Ужас там единственный больной, все остальные просто до смерти его боятся. А Хромой пытался нас спасти, он просил нас уносить лапы из леса, но мы не успели. Так что можешь за него не беспокоиться, в этой стае он чувствует себя в безопасности, иначе давно бы ушел..

Счастливику вдруг замолчал, с усилием сглотнул и отвернулся от Прыгушки, уставившись на кувыркавшихся в пыли молодых собак.

«Я вру ей и сам знаю, что вру.. Я совсем не уверен в том, что Хромой чувствует себя в безопасности! Ему просто некуда больше идти. Страшно представить, что ему пришлось перенести, если жизнь в стае безумного Ужаса стала для него спасением!»

Повисла тишина, слышно было только пыхтение и урчание возившихся собак. Наконец, Прыгушка шумно вздохнула:

– Как его лапа?

– Ох, – содрогнулся Счастливику. Оказывается, он забыл рассказать ей самое главное! Счастливику поежился, вспомнив уродливый обрубок, обтянутый бугристой от шрамов кожей. – Понимаешь, его нога.. Она..

– Что? – со страхом выпалила Прыгушка. – Что с его лапой? Стало хуже?

– Не то, чтобы хуже, просто.. – Счастливику нервно облизнул клыки.

– Да что с ним? Говори же, не мямли!

– Его лапа... Ее больше нет. Совсем нет. Ее отгрызли.

– Ч-что? – поперхнулась Прыгушка. – Зачем? Кто? А как Хромой? Он может ходить?

– С виду он вполне здоров и отлично прыгает на трех лапах, – торопливо доложил Счастливчик. – Честное слово, мне кажется, ему стало даже лучше без больной лапы. Ты же помнишь, как она все время его подводила.

– Но я не понимаю, как он может ходить! Как он охотится?

– Насчет охоты не знаю, но я своими глазами видел, что бегают он очень резво, – ответил Счастливчик. – Жаль, ты не видела, как он гнался за нами!

– Правда? – Прыгушка с робкой надеждой заглянула ему в глаза. – Я рада, если это так. Хотя, конечно, совсем не рада, что мой брат гнался за вами! – торопливо добавила она и, отвернувшись, повысила голос. – Эй, Колючка, Жук, Лизушка! Прекратите возню! Нас послали охотиться, а не в пыли кувиркаться!

Счастливчик был рад, что сумел хоть немного порадовать добрую Прыгушку. Сейчас они должны были думать только об охоте, потому что интересы стаи для хорошей собаки стоят выше всего на свете – даже дружеских и родственных чувств. Выбросив из головы Хромого с его откушенной лапой, Счастливчик сощурился и стал думать.

«Как я раньше искал еду в городе? Нужно вспомнить все мои хитрости!»

Он почти перестал обращать внимание на трупы Длиннолапых, валявшиеся на дороге и в садах за оградами. Запах смерти тоже больше не раздражал его ноздри, он стал привычной частью воздуха, не более того. Правильно говорят – собака ко всему привыкает. Если тебе выпало жить в окружении смерти, то рано или поздно ты и к этому притерпишься.

«Здесь не осталось Длиннолапых, у которых можно было бы выпросить еду... Но ведь еда не умерла, она осталась! Длиннолапые всегда делают запасы, значит, мы должны их найти».

Внезапно налетевший ветерок зашелестел в проулках между домами, принес с собой тихий, но весьма отчетливый звук. Счастливчик насторожил уши. Чудится ему, или в самом деле откуда-то доносится тихий шорох маленьких лапок и даже едва различимое попискивание?

– Сюда! За дом! – он задрал голову и втянул в себя запахи дома. – Кажется, я что-то услышал.

– Давай проверим, – кивнула Прыгушка, дергая ухом.

Счастливчик сделал несколько осторожных шажков в сторону дома, пытаясь отцедить запахи живых существ от всеподавляющего дыхания смерти.

– Крысы! – прошептал он, поворачиваясь к Прыгушке.

– Ага, верно! – глаза охотничьей собаки просияли. – Отличный нюх, Счастливчик!

Он быстро покосился через плечо. Молодняк быстро приближался к дому, все трое разом позабыли свои забавы в предвкушении скорой добычи.

– Смотрите, тут под дверью есть ход, – прошептал Жук, кивая носом. – С дверкой!

– Но он слишком мал даже для тебя, – вздохнула Прыгушка. – Видимо, здесь когда-то жила царापка, и Длиннолапые сделали проход для нее. Нужно найти другой лаз.

– Погодите-ка! – Лизушка робко вышла вперед, нажала лапой на дверь, пробуя ее на прочность. – Мне кажется, я могла бы ее сломать.

Прыгушка с сомнением повела бровями:

– Ты уверена? Знаешь, двери обычно очень прочные, их лапой не прошибешь.

– Наверное... ты права, – пристыженно съежилась Лизушка. – Прости, если я сказала глупость. Честное слово, я бы ничего не стала делать без разрешения!

– Нет, постой, – прошептал Счастливчик, чувствуя, как у него сердце разрывается от жалости к оробевшей Лизушке. Кто бы мог подумать, что могучая Свирепая собака может быть такой кроткой! – Прыгушка, пусть она попробует. В конце концов, мы ничего не теряем, все равно никакой другой еды мы пока не нашли.

– Ладно, – нехотя согласилась Прыгушка.

Было заметно, что она сомневается в успехе и очень не хочет попусту тратить время, но соглашается, чтобы не спорить. Жук и Колючка переглянулись, при этом Жук едва заметно осклабился.

Счастливчик подтолкнул Лизушку к двери:

– Давай! Только помни, что если дверь все-таки сломается, то будь очень осторожна. Крысы – твари премерзкие, они могут быть крайне опасны. Будь начеку и не дай им броситься на тебя, поняла?

Молодая собака нервно облизнулась и стлотнула. Потом она напрягла свои мускулистые плечи, собираясь с силами, и всем телом обрушилась на дверь.

Удар был настолько мощным, что Лизушка едва устояла на лапах. Дверь задрожала, но не поддавалась. Лизушка тихо зарычала.

– Наверное, не получится, – прошептала она, прищуриваясь. – Дерево очень крепкое, даже не трещит.

– Ничего, попробуй еще разок, – подбодрил ее Счастливчик.

Лизушка снова облизнулась и прыгнула, изо всех сил ударившись о преграду. На этот раз Счастливчик услышал отчетливый сухой треск. Дверь задрожала.

– Она треснула! – возбужденно воскликнул он. – Давай еще раз, Лизушка!

В горле у Лизушки грозно заклокотало, она оскалилась и присела на задние лапы. Бросившись к двери, она на этот раз в прыжке опустила голову и изо всей силы ударила лбом в деревянную панель. Раздался оглушительный треск досок, потом дверь с грохотом опрокинулась внутрь, и Лизушка кубарем покатила следом за ней.

Жук и Колючка дружно завизжали и запрыгали на крыльце, а Счастливчик и Прыгушка, выпучив глаза, смотрели на зияющий перед ними черный провал.

– Я знала, что она сможет! – вопила Колючка. – Съел, Жук?

– Молодец, Лизушка! – с нескрываемым восхищением пролаяла Прыгушка. – Просто чудо! Ну, вперед.

Счастливец первый протиснулся в проем, стараясь не обращать внимания на острые щепки, так и норовившие впиться в его шерсть. Остальные охотники полезли за ним, отламывая торчавшие куски древесины. Лизушка уже вскочила на лапы и теперь гонялась за крысами, шелкая пастью.

«Великая Собака-Лес, сколько же здесь крыс!» – ахнул про себя Счастливец. Они были повсюду – носились по столам, взбирались вверх по пыльным клочьям бывших занавесок, верещащей массой копошились над гнилыми кусками брошенной еды. На миг наступила тишина, и все крысы разом повернулись в сторону двери. Счастливец увидел обращенный на него злобный взгляд крохотных черных глазок. Оказывается, крыса была у него прямо под лапами, на расстоянии лапы от морды, шерсть на ее гибком пружинистом теле стояла дыбом, желтые зубы блестели в полумраке.

Вдруг крыса издала пронзительный писк, повернулась и припустила наутек. После этого крысиное море всколыхнулось и хлынуло в разные стороны. Визжащие зверьки в панике карабкались друг на друга, тыкались в стены, бежали в глубину дома. Их было так много, что даже слепой щенок, наверное, не смог бы уйти из этого дома без добычи.

Пока Счастливец пробирался к Лизушке, она успела ударом лапы сломать хребты парочке крыс. Подступы к спасительным норам, в которых можно было бы укрыться от охотников, были плотно забиты кишачей массой крыс, поэтому затравленной дичи оставалось только одно – бросаться на охотников и пытаться с боем пробиться к выходу. Счастливец сжал челюсти. Он знал, как опасны могут быть крысы, загнанные в угол.

Слева от него раздался испуганный визг Прыгушки. Обернувшись, Счастливец увидел, что одна из крыс висит на горле Прыгушки, впившись в ее шкуру своими длинными желтыми зубами. Он бросился на помощь, но тут что-то острое вонзилось ему в лапу, да так больно, что у Счастливика в глазах потемнело. Он стряхнул с себя крысу и перегрыз ей хребет прежде, чем она успела снова броситься в атаку. И тут же рядом истошно завизжала Лизушка и раздался злой рев Жука: «Пошла прочь от нее!» Однако, обернувшись, Счастливец увидел, что Жук спасал не Лизушку, а сестру. Он зубами оторвал крысу от плеча Колючки и встряхнул с такой силой, что сломал ей хребет.

Рыча от ярости, Счастливец сбросил с себя еще одну тварь. Лизушка наконец-то отодрала крысу от своей задней лапы и хотела было ринуться в гущу визжащих зверьков, но ее остановил истошный визг, донесшийся из темного угла комнаты. Это Прыгушка выла и рычала, запрокинув голову.

«Там слишком много крыс! – понял Счастливец. – Неужели мы совершили ошибку, сунувшись сюда?»

– Лизушка! – прорычал он, разбрасывая лапами верещащих тварей. – Быстрее! Помоги Прыгушке!

Обезумевшие от страха и бешенства крысы скопом набросились на Прыгушку, их было так много, что бедная охотница почти полностью скрылась под морем извивающихся серых шкур. И все они визжали, верещали, кусались и царапались. Одна тварь повисла у Прыгушки на морде и впилась зубами в ее щеку, так что ее крохотные глазки покраснели от злобного удовольствия. Лизушка одним прыжком очутилась рядом, но вместе с ней ринулась целая стая крыс.

Счастливец стряхнул с себя трех крыс и бросился бегом через комнату, поскользываясь на крови.

– Жук! Колючка!

Молодые собаки подняли головы. Оба были в крови, глаза обоих горели радостным восторгом битвы. Увидев, что происходит, Жук и Колючка с бешеным лаем ринулись на помощь Прыгушке и вместе с Лизушкой принялись расшвыривать крыс во все стороны. Счастливец с наслаждением перегрыз хребет твари, висевшей у Прыгушки на морде, и поперхнулся от вони, обжегшей горло.

С помощью молодых собак Прыгушке наконец удалось освободиться от терзавшего ее крысиного полчища. Разъяренная до предела, она с диким лаем ринулась в самую гущу визжащей массы и принялась расшвыривать крыс во все стороны. К тому времени, когда последняя тварь шмыгнула в освободившуюся щель под стеной, на грязном, забрызганном кровью полу остались лежать десятки неподвижных серых тел.

Жук отряхнулся и лизнул свою прокушенную лапу.

– Ничего себе потеха! – протявкали он.

Прыгушка отчаянно затрясла головой, как будто стряхивала невидимую крысу. Морда и уши у нее были в крови от крысиных укусов, она тяжело дышала и время от времени вздрагивала.

– Я рада, что тебе понравилось, – процедила храбрая охотница.

Счастливец тоже совсем выдохся, но стоило ему взглянуть на груды мертвых крыс, как на сердце у него сразу повеселело.

– И все-таки мы здорово поохотились! – пролаял он. – С такой добычей не стыдно вернуться в лагерь.

Лизушка сияла от гордости, ее глаза блестели.

– Как ты, Прыгушка? – участливо спросила она.

– Ничего, спасибо, – проворчала охотница. – Спасибо тебе, Лизушка. И вам, Жук и Колючка тоже. Если бы не вы, эти твари разодрали бы меня на клочки. До чего же мерзкие отродья, прости меня Собака-Земля!

– Мерзкие, зато вкусные, – захихикала Колючка.

Прыгушка поперхнулась смехом:

– Это точно! По крайней мере, сегодня Альфа может быть нами доволен. Давайте-ка возьмем, сколько сможем, и отнесем нашу добычу в лагерь.

Они поделили свои трофеи чтобы каждый охотник взял ношу по силам, и выбрались через проломленную дверь наружу. Небо уже полностью прояснилось, Собака-Солнце ярко сияла с высоты. Но сегодня красота холодного дня не радовала Счастливика.

«Странно видеть, как солнце освещает землю, на которой лежат мертвые Длиннолапы, а над ними стоит густой запах смерти!» – подумал он.

И все-таки Собака-Солнце весело скакала по небу, собаки возвращались в лагерь нагруженные добычей, а значит, день обещал быть не таким уж

плохим. Постепенно Счастливчик тоже повеселел. Жук, Колючка и Лизушка шагали с полными пастями крыс и тихонько повизгивали от радости. Прыгушка все еще слегка прихрамывала, но на свету ее раны оказались не такими уж глубокими, и глаза охотницы сияли от гордости.

У Счастливчика ломило челюсти от тяжелой ноши, но он тоже был горд и доволен. Лизушка сегодня особенно отличилась и сумела произвести впечатление на Прыгушку, он сам тоже не ударил мордой в грязь и привел стаю в дом, полный дичи.

И все-таки усталость постепенно брала свое Собака-Солнце припекала шерсть на спине, тяжелые крысы оттягивали челюсти, и Счастливчику очень хотелось остановиться, бросить ношу на землю и перевести дух.

«Охота получилась славная, спору нет, но надолго ли хватит стае этих крыс? Нет, это опять временная передышка, — уныло думал он, устало переставляя лапы. — Рано или поздно нам все равно придется вернуться в лес Ужаса... или навсегда покинуть этот город и отправиться неведомо куда на поиски лучшей доли».

При одной мысли о новом бессмысленном путешествии у Счастливчика подкашивались лапы.

Наверное, большая часть стаи думала так же. Неужели их скитания никогда не кончатся? Когда же они найдут территорию, которую смогут по праву назвать своей? Измученные страдавшие собаки отчаянно нуждались в куске земли, где они могли бы охотиться, растить щенков и в торжественном спокойствии посылать Великую песнь Собаке-Луне.

Когда они проходили через центр брошенного города, Счастливчик понял, что больше не может терпеть. Посередине площади сверкало небольшое ненастоящее озеро, сделанное лапами Длиннолапых.

«Мне срочно нужно освежиться!» Счастливчик переглянулся с Прыгушкой, и они одновременно бросили свою ношу на землю и побежали к воде.

— Мне кажется, ее можно пить, несмотря на дожди, — хрипло протявкала Прыгушка. — Видишь, как тут много воды? Никакой дождь не мог отравить ее всю!

— Я тоже так думаю, — кивнул Счастливчик, входя в озеро. Прохладная вода приятно остудила его натертые лапы. Встряхнувшись, он решительно опустил морду и начал лакать.

«О, Собака-Лес, это просто чудесно! То, что надо!»

Прыгушка без колебаний последовала его примеру.

— Ох, вот так гораздо лучше! — проурчала она, судорожно вздыхая от удовольствия. — Ну что, идем дальше?

Счастливчик хотел кивнуть, но вдруг нахмурился. Какой-то запах коснулся его ноздрей — странно знакомый запах. Собака! И не простая, а из стаи.

Но кто это? В животе у Счастливчика похолодело от тревожного любопытства.

— Беги вперед, догоняй молодняк, — попросил он Прыгушку. — Я ненадолго задержусь тут, хочу кое-что разведать.

– Ладно, только не задерживайся, – прошипела Прыгушка, бросив взгляд в сторону уже показавшегося впереди Дома еды. Она молча подхватила с земли своих крыс и побежала вслед за молодыми собаками.

Счастливичик лапой стреб своих крыс в кучку.

«Ничего страшного, полежат немножко, их тут некому есть, – решил он, нервно косясь по сторонам. – Кто же из наших совсем недавно побывал тут? Вряд ли Альфа разрешил бы кому-то бродить по городу в одиночку, значит, этот кто-то сбежал из лагеря тайком... И запах-то какой знакомый! Может быть, Кусака решила вернуться в лес и поговорить с Хромым?»

Нет, это была не Кусака. Едва уловимый оттенок запаха, вызывавший смутные мысли о покое, мягких подушках и сытной дармовой еде Длиннолапых, безошибочно указывал на кого-то из собачек-на-поводочке. Даже после долгих скитаний и бесчисленных лун, проведенных под открытым небом, эти собаки не смогли избавиться от этого разоблачительного запаха Дрожа от предвкушения, Счастливичик уткнулся носом в землю и пошел по следу.

Он шел, пока не врезался носом в деревянную преграду. Счастливичик с шипением отскочил, облизал клыки. Он стоял перед сильно разрушенным забором Высокая желтая трава пробивалась между сломанными досками, из-за которых струился сильный и густой запах смерти. Счастливичик отпрянул Почему в этом месте дух смерти такой сильный? И почему у нему примешивается сырой и свежий запах земли и... собаки? Призвав на помощь всю свою храбрость, Счастливичик когтями расширил дыру в заборе и пролез в заросший сад Длиннолапых.

Здесь он выпрямился, готовый к любой опасности, – и увидел прямо перед собой большие коричневые глаза, печально глядевшие на него со знакомой черно-белой морды.

– Микки! – выпалил Счастливичик. – Что ты здесь делаешь?

Микки виновато опустил голову, но его взгляд остался тверд и спокоен. Он кивнул в сторону мертвого Длиннолапого, лежавшего в куче влажной травы. Счастливичик тяжело сглотнул.

– Он же совсем маленький! – провыл Микки. – Такой же, как щенок моих Длиннолапых!

– Микки, Микки... – Счастливичик вовремя спохватился и напомнил себе, что нужно проявить терпение и спокойствие. Пусть он не мог разделить скорбь Микки, но он понимал, что чувствует его друг. Маленький Длиннолапый, лежащий в бурьяне, выглядел невыносимо жалким. – Микки, ты уже ничем не можешь ему помочь. И это не твой Длиннолапый. Это просто... чужой, незнакомый Длиннолапый щенок.

– Я знаю, – спокойно и упрямо ответил Микки. – Я все понимаю, Счастливичик, но он очень похож на моего Длиннолапого. Тот же рост, те же волосы и все остальное. Я почуял его запах, пришел сюда... и понял, что не могу оставить его так. Это неправильно!

Теперь Счастливичик увидел, что белые лапы Микки были до самых плеч перепачканы землей и травой. Чуть поодаль чернела неглубокая яма, вырытая в черной земле. Счастливичик невольно приоткрыл пасть.

«Собака-Лес, как же он справился один с такой работой! Без ухода Длиннолапых земля в саду вся заросла травой и корнями, бедняге Микки пришлось изрядно потрудиться!»

– Ты решил предать его Собаке-Земле, – тихо сказал Счастливчик.

– Я надеюсь, что кто-нибудь сделает то же самое для моего Длиннолапого, – еще тише ответил Микки.

– Я понимаю, – вздохнул Счастливчик. – Но твой Длиннолапый жив, ты должен верить в это! А теперь... Ты понимаешь, что если Альфа узнает...

Внезапно со стороны забора донесся громкий шорох, и Счастливчик стремительно обернулся, оскалив клыки. Через мгновение он расслабился, увидев три знакомые фигуры, выбегающие в сад.

– Лизушка, Жук, Колючка! – сурово пролаял Счастливчик. – Что вы здесь делаете?

Жук переглянулся с Колючкой, Лизушка робко вышла вперед:

– Прыгушка нас догнала и сказала, что ты почуял запах какой-то собаки и решил проверить, кто это.

– Мы хотели убедиться, что с тобой все в порядке, – пробасил Жук.

Счастливчик растроганно посмотрел на всех троих:

– А как же ваша добыча?

– Мы ее спрятали, чтобы потом забрать, – сказала Колючка и лукаво прибавила: – По твоему примеру, Счастливчик.

– Мы решили, что важнее позаботиться о тебе, – твердо заявил Жук. – Прыгушка нам разрешила, сказала, что никто наших крыс не утащит.

– Как видите, меня тоже никто не утащил, – фыркнул Счастливчик. – Но все равно, спасибо за заботу. Вы настоящие стайные собаки!

Жук и Колючка заметно приосанились и расправили плечи.

– Мы слышали, о чем ты говорил с Микки, – вставил Жук, покосившись на молчавшего Микки. – И мы считаем, что он прав!

– Да! – твякнула Колючка. – Раз он считает, что должен предать маленького Длиннолапого Собаке-Земле, значит, так и нужно сделать! И Собака-Земля тоже будет довольна.

Колючка пихнула брата плечом, и трое молодых собак подбежали к Микки и стали помогать ему рыть. Комья земли так и полетели во все стороны, и очень скоро мелкая борозда, которую проскреб Микки, превратилась в углубляющуюся на глазах яму.

Растроганный и потрясенный Счастливчик смотрел на работающих собак. Микки, смущенный до слез, бросился помогать им.

«Конечно, это не самое лучшее применение сил, – думал про себя Счастливчик, – но я все равно горжусь ими! Вот это – настоящее сотрудничество! Так могут поступить только благородные собаки, истинные члены своей стаи. Они не разделяют чувства Микки и вряд ли понимают его, но они уважают его чувства и готовы прийти на помощь!»

А как же он, Счастливчик? Разве он не благородный пес и не член стаи? Отбросив все свои сомнения, Счастливчик встряхнулся и бросился к своим товарищам.

Пять собак – это совсем не то, что одна Работа закипела, и очень скоро яма была углублена и расширена ровно на столько, чтобы вместить в себя щуплое тело маленького Длиннолапого.

Жук выбросил наверх последнюю горсть земли и выскочил из ямы.

– Ну вот, – удовлетворенно вздохнула Колючка. – Теперь пусть Микки похоронит своего Длиннолапого, и можно возвращаться в лагерь.

– Это не мой Длиннолапый, – сказал Микки, не поднимая глаз. – Он просто очень на него похож. Поэтому я...

Лизушка ласково лизнула его в нос:

– Мы понимаем, Микки.

И снова сердце Счастливчика жарко затрепетало от нежности к молодой Свирепой собаке, но на этот раз он был рад, что Альфа не слышал ее слов. Кто-кто, а полуволк никогда бы не понял чувства Микки и не позволил бы оказать ему помощь.

Микки осторожно обошел вокруг Длиннолапого, потом бережно взял его зубами за шкуру на плече. Следуя его примеру, Жук взялся за другое плечо, и они вдвоем аккуратно оттащили мертвого к яме и толкнули вниз. Пыхтя от усталости, они отошли в сторону, а Лизушка, Колючка и Счастливчик дружно заработали задними лапами и сбрасывали землю в яму до тех пор, пока маленькое тело полностью не скрылось из глаз.

Теперь о том, что когда-то здесь был Длиннолапый напоминал только маленький холмик свежей земли среди заросшего травой пустыря, некогда бывшего садом.

Несколько долгих мучительно-неловких мгновений собаки молча стояли над холмиком, глядя в землю. Запах смерти быстро растворился в густом аромате свежей влажной земли.

Колючка склонила голову набок и раздула ноздри:

– Собака-Земля забрала его. Чувствуете запах?

– Да, – согласился Жук. – Значит, она довольна нами. Длиннолапому будет там хорошо, Микки.

– Теперь Собака-Земля снова вернет его в мир, – тихо добавил Счастливчик.

У него вдруг перехватило дыхание от той спокойной мудрости, с которой молодые собаки говорили о смерти. Микки, часто моргая, присел и коснулся носом влажной земли.

– Позаботься о маленьком Длиннолапом, Собака-Земля, – проскулил он и, задрав голову, испустил в небо одинокий пронзительный вой.

Молодые собаки почтительно ждали, когда Микки закончит оплакивание и отойдет от могилы. Счастливчик бросил последний взгляд на земляной холмик и следом за всеми заторопился к забору.

Он понимал, что Жук, Лизушка и Колючка пришли на помощь Микки именно тогда, когда тот в ней нуждался. Но правильно ли это? Пожалуй, они сделали хорошее дело для мертвого Длиннолапого, но хорошо ли это для стаи? Счастливчик тяжело вздохнул.

«Иногда мне кажется, что в новой жизни нет никаких привычных ответов, одни вопросы!»

Он не смог сдержать вздоха облегчения, когда увидел, что его крысы так и лежат нетронутые возле озера.

— Слава Собаке-Лесу, никто их не взял! Надеюсь, ваша дичь тоже цела, — сказал он молодняку.

— Да куда она денется! — отмахнулась Лизушка, наклоняя голову, чтобы напиться. Жук и Колючка последовали ее примеру. Лизушка подняла мокрую морду и весело оскалила пасть: — В мертвом городе некому воровать дичь, Счастливчик!

«Пожалуй, на этот раз ты права, — подумал он, — но всегда ли так будет? Стая Ужаса совсем близко, да и свирепые псы тоже должны быть где-то неподалеку».

Он подобрал своих крыс и побежал в сторону Дома еды. Собака-Солнце как раз добралась до самой макушки неба, высушив лужи, оставленные вчерашним дождем. Теперь только корка засохшей желтой грязи напоминала о миновавшей опасности. Вот только смрад, поднимавшийся от остатков ядовитого дождя, был намного тяжелее запаха мертвых тел, поэтому Счастливчик старался обойти эти следы подальше. Ему до сих пор было трудно поверить в то, что страшная смерть пришла именно в этот тихий, уютный городок, где до сих пор стояли целые дома и где на каменных плитах не появилось ни единой трещинки.

Счастливчик немного постоял возле мертвой клетки-гремелки, из которой медленно сочилась зловонная радужная кровь. Там, где эта кровь касалась высохших луж, начиналось зловещее шипение, вскипала пена, а запах стоял такой, что хотелось кашлять.

Бросив добычу на землю, Счастливчик с силой потряс головой, чтобы избавиться от ядовитого тумана, дрожавшего перед глазами. Микки, Колючка и Жук ушли вперед, а Лизушка отстала, поэтому Счастливчик решил ее подождать.

— Лизушка, — окликнул он, — можно с тобой поговорить?

Она тут же опустила на землю своих крыс и села на хвост.

— В чем дело, Счастливчик? Я сделала что-то плохое?

— Нет, я просто... — он смущенно прижал уши и опустил хвост. — Микки нас не слышит, поэтому я хотел сказать... Я понимаю, ты добрая собака и сделала хорошее дело, но... мне кажется, что ты напрасно поощряешь Микки.

Лизушка удивленно склонила голову набок:

— Поощряю?

— Ты поддерживаешь его привязанность к Длиннолапым! Я знаю, он очень любил своего маленького Длиннолапого, но ведь это должно закончиться! Хватит! Он больше не должен его любить, ведь столько времени прошло... Микки просто никак не может забыть своих Длиннолапых, он не хочет их отпустить, а продолжает хранить и беречь в сердце, словно живых... То есть возможно, они еще живы, но ведь он должен наконец понять, что они ушли навсегда!

— А почему тебя так волнует то, что чувствует Микки в своем сердце? — тихо и серьезно спросила Лизушка. Она перевернулась, опустила на землю передние лапы и исподлобья взглянула на Счастливику. — Ведь ты прекрасно знаешь, что он не пытается искать своего Длиннолапного. Он ни разу не покидал стаю с тех пор, как вы нашли меня и моих братьев. Так почему тогда не оставить его в покое? Его чувства — это его чувства, он сам должен с ними разбираться.

Счастливчик почувствовал приступ досады, но не мог понять, на кого он злится — на Микки или на Лизушку. Когда Микки оставил в городе перчатку своего Длиннолапного, Счастливчик подумал, что его друг наконец порвал все связи с прежней жизнью. Но теперь оказывалось, что это не так.

— Но его преданность разорвана пополам, неужели ты не понимаешь? Он до сих пор не может окончательно принять дикую жизнь! Это плохо и для него, и для стаи.

— А я думаю, что Микки очень смелый, — тихо сказала Лизушка.

— Что? — опешил Счастливчик.

— Он поступает так, как считает правильным. Он остается верным и своим Длиннолапным, и нашей стае. Как ты не поймешь, Счастливчик! Он такой, какой есть. Он перестанет быть Микки, если забудет своих Длиннолапных.

Счастливчик медленно постукивал хвостом по земле, соображая, что бы на это возразить.

— Это совсем не значит, что мы для него ничего не значим. И не значит, что он хочет уйти из стаи. — Лизушка опустила голову на вытянутые лапы, ее глаза затуманились. — Нет, Микки преданный товарищ, но он не хочет забывать тех, кого любил и с кем был счастлив. Он не хочет вырвать из сердца свою прошлую жизнь, только и всего. Что в этом плохого?

— Но я... — Счастливчик взглянул на Лизушку, но она избегала его взгляда. И тут страшная мысль пронзила его, как удар в грудь: — Лизушка, ты сейчас говорила о Микки или о ком-то другом?

Лизушка напряглась всем телом и отвернулась. Потом ее уши уныло поникли:

— Я хотела сказать тебе кое-что, Счастливчик... Прошлой ночью мне приснился еще один сон...

Счастливчик нервно облизнулся.

— Про Клыка?

— Да. Только этот сон был необычный. Он был настолько живым, словно все происходило наяву. Как раньше, перед тем как мы с Клыком встретились за нашим лагерем. Этой ночью мне приснилось, будто мы с Клыком стоим в том месте, где река разделялась на несколько потоков. Клык сказал мне, что ему тоже снятся сны. Он хочет, чтобы я пришла в это место и чтобы вернулась в Свирепую стаю вместе с ним. Понимаешь, Счастливчик, я знаю, что если приду — то он будет ждать меня там. Это не простой сон!

«Нет, только не это! — взмолился про себя Счастливчик. — Лизушка, ты же не можешь бросить нас.»

— Но я сказала ему, что не приду, — жалобно проскулила Лизушка. — Я сказала, что хочу остаться в своей стае.

Сердце Счастливого жарко забилося от гордости, стало таким большим, что ему сделалось тесно в груди.

– Ты поступила правильно, Лизушка!

– Надеюсь, – она слабо вильнула хвостом. – Но Клык очень рассердился, Он сказал, что я предала свою стаю и что, если я не приду к нему по своей воле, то Сталь все равно меня разыщет и заставит горько раскаться.

Счастливчик подавил дрожь. Он вспомнил собственный сон о могучих псах, сражавшихся друг с другом в вихре ледяных осколков, летевших с неба.

«Собачьей Грозы не бывает! – твердо напомнил он себе. – И сны Лизушки такой же вымысел. Мало ли что приснится на пустой желудок... Ах, если бы только я мог поверить в свои благоразумные слова!»

– Ты – моя стая, Счастливчик, поэтому я никуда не уйду. Но Клык моя семья. Я не могу отказаться ни от тебя, ни от него, потому что... потому что я такая, какая есть, – грустно протянула Лизушка.

– Знаешь, Лизушка, об этом нам нужно поговорить как следует, – сказал ей Счастливчик. – Но не сейчас и не наспех. А теперь давай-ка поскорее вернемся в лагерь.

«Я был прав, – подумал он, чувствуя, как его сердце сжимается от непонятной тоски. – Она говорила о Микки, а думала о себе...»

Как и рассчитывала Прыгушка, этим вечером Альфа пребывал в более благодушном настроении, чем вчера. Когда Лизушка и Счастливчик, волоча своих крыс, переступили порог Дома еды, полуволк даже соизволил встать и ворчливо поприветствовать последних охотников. Счастливчик подошел к куче с добычей, возвышавшейся посреди комнаты, и не смог сдержать изумленного тавканья.

«Вот это да! Да я уже давно не видел столько еды сразу!»

– Удачная охота, – милостиво кивнул Альфа. – Вот только напрасно вы в конце разделились и вернулись отдельными группами. В следующий раз держитесь вместе!

«Не мог удержаться от критики?» – фыркнул про себя Счастливчик, хотя на этот раз упрек Альфы был вполне справедливым.

Добычи было так много, что трапеза прошла спокойно и без конфликтов. Дождаясь своей очереди, собаки болтали друг с другом, и Счастливчик заметил, что большая Марта что-то негромко шепчет на ухо Микки. Он не слышал, о чем они говорят, но слова доброй черной собаки как будто приободрили охотничьего пса; его взгляд просветлел, а хвост робко застучал по полу.

Когда подошла очередь Счастливого, он с трудом заставил себя вытащить из кучи крысу. Чтобы проглотить первый кусок, нужно было преодолеть отвращение к грязной и сальной крысиной шерсти, к запаху гниющих отбросов, пропитавшему всю тушку с головы до голого хвоста... Но голод, как известно, хорошо лечит от брезгливости. Счастливчик зажмурился и впился зубами в мясо. Что ж, совсем не так плохо, как казалось...

– Ты, наверное, очень проголодалась, Омега, – раздался над его головой добрый голос Луны. – Не волнуйся, еды сегодня много, тебе много останется.

– Я знаю! – радостно протявкала Солнышко, терпеливо дожидавшаяся в сторонке. – Ничего, я подожду!

– Как всегда, – прошипел Нытик, но и в его голосе сегодня не было обычной глумливой насмешки.

– Где ты был сегодня вечером, Микки? – спросила Белла.

– Ходил лапы поразмять, – громко ответил Жук, не давая Микки пасть открыться. – Правда, Микки? Мы встретили его на обратном пути.

– Правда, – прошептал Микки, с благодарностью взглянув на молодого пса.

– Х-мм, – проворчал Альфа, – ну и стая! Собаки шляются поодиночке, возвращаются с охоты кто когда, приказов не слушают. Нет, это логово Длиннолапых определенно очень плохо действует на дисциплину! Не думайте, что я буду долго мириться с такой расхлябанностью.

– Альфа прав, – подала голос Лапочка. – Нам всем нужно быть осторожнее. Свирепые псы до сих пор бродят где-то неподалеку, а теперь нам угрожает еще и стая безумного Ужаса. Мы не можем позволить себе расслабиться и вести себя, как беспечные Собачки-на-поводочке!

Она подняла голову и в упор посмотрела на Марту и Дейзи.

– Конечно, Лапочка, – кротко пробасила Марта.

– Омега закончила есть? Хорошо, – Лапочка кивнула и встала. – А теперь – время Великой песни.

Альфа потянулся, прочертив когтями борозды на грязном полу.

– Для начала выйдем отсюда Великую песнь нельзя петь в этой.. в этой клетке! – Он с отвращением огляделся по сторонам.

«Это убежище, а не клетка, – огрызнулся про себя Счастличик. – Скажи спасибо Небесным Псам за то, что они послали нам место, где можно укрыться от плохого дождя!» Однако он смолчал и вместе со всеми вышел на улицу.

Первые звезды льдисто сверкали на ясном небе, дома Длиннолапых отбрасывали черные тени на залитые лунным серебром улицы. Альфа вышел на дорогу, где свет Собаки-Луны особенно ярко горел и сверкал на гладком камне, остановился и подождал, пока вся стая молча соберется вокруг него. Откуда-то издалека доносилось глухое тявканье Молнии и Небесных Псов, но голоса их были так тихи, что можно было не бояться. Дождь был еще далеко.

Вот из глотки Альфы вырвался тихий одинокой звук. Когда остальные собаки начали одна за другой присоединяться к нему, полуволк запрокинул свою тяжелую голову и испустил гортанный вопль к Собаке-Луне. Счастличик дождался, когда завоюет стоявшая рядом с ним Кусака, и присоединил свой голос к хору. По мере того как песня росла, пульсировала, взлетала и опадала в тишине мертвого города, мысли Счастличика начали путаться, гаснуть. Чем сильнее нарастала магия Великой песни, тем легче становилось тело Счастличика. Серебряный свет Собаки-Луны разгорался все ярче и ярче, пока Счастличик не почувствовал, что сами звезды сошли со своих мест и закружились вокруг стаи.

«Мое место здесь... Как и у всех остальных... Мы все здесь по праву... Собака-Луна, Небесные Псы и мы – мы все участники одной жизни...»

Счастливец закрыл глаза, но звезды не исчезли, они остались с ним. И когда он снова увидел фигуры собак, мчавшихся через черную пустоту, он совсем не удивился. Счастливец уже привык к чувствам, которые вызывала в нем Великая песнь, он приветствовал их и охотно отпускал свой разум на свободу – пусть летит к звездам вместе с песней. О, как это было прекрасно – стряхнуть с себя тревоги и страхи долгого дня, впустить в жилы таинственную красоту и проникновенность песни.

Не открывая глаз, Счастливец увидел на тыльной стороне век силуэт огромной собаки на фоне звездного неба. Благородная и могучая, она была так черна, что казалось, будто ее шерсть поглотила все звезды, тускло мерцавшие где-то из глубины ее огромного тела. Собака бежала через черную ночь, ее огромные лапы легко отталкивались от воздуха, она неслась во весь дух к чему-то... к чему-то прекрасному, сверкавшему и сиявшему ярче звезд. Приглядевшись, Счастливец понял, что перед черной собакой лежит бескрайняя черная вода, пронизанная звездным серебром... Но разве на свете бывает такое большое озеро? Разве может быть вода без берегов? Эта черная звездная вода была так прекрасна, что Счастливец запрокинул голову и завыл, вложив в свою песнь всю переполнявшую его радость. Он услышал, как вся стая подхватила его вой, понесла и усилила его.

«Марта! – смутно пронеслось в голове Счастливика. Призрачная собака разбежалась и прыгнула в воду, подняв вокруг себя целый каскад звездных брызг. – Нет, это не Марта, это сама Собака-Река! Или... или это они обе?»

Он еще крепче зажмурил глаза, и звезды завертелись, расплылись белым дрожащим туманом. Вой стихал, гас, умолкал, а Счастливику хотелось, чтобы он длился бесконечно, как это прекрасное звездное озеро...

Он моргнул. Ночь перестала вращаться. Собаки, сидевшие вокруг него, одна за другой смолкали, и вскоре в тишине ночи остался звучать только голос Альфы. Но вот и полуволк опустил голову, и наступила тишина, пронизанная тихим светом высокой Собаки-Луны.

«Неужели это происходит со всеми? – в смятении подумал Счастливец. – Но если это случается со всеми нами, то как мы можем остановиться? Кто может найти в себе силы прервать Великую песнь?»

Рокочущий голос Альфы прервал его размышления:

– Я хочу сделать объявление перед всей стаей.

Все собаки встрепенулись, вытянулись, подобрались. Марта вздрогнула и встряхнулась.

«Видела ли она то же, что и я?» – гадал Счастливец. Он заметил, что черная великанша тоже с трудом заставила себя оборвать песнь.

– В этом проклятом месте нет достойной еды, – сипло пролаял Альфа. – Сегодня мы наелись досыта, но вы все прекрасно понимаете, что одно крысиное гнездо не прокормит целую стаю. Нам придется отправиться на охоту в лес, и Ужасу придется с этим смириться.

Собаки одобрительно заворчали.

– Я видел Ужаса и даже имел с ним дело, как и другие члены моего патруля, – сказал Порох, по очереди окинув взглядом Бруно, Счастливлчика, Кусаку и Микки. – Он очень опасен, но мы не позволим ему нас запугать.

– Я согласна, – кивнула Лапочка. – Конечно, он будет сопротивляться, но он не имеет никакого права не пускать нас в лес Мы не позволим ему нагло нарушать закон Собаки-Леса!

Стая снова одобрительно загудела.

Кусака поскребла когтем за ухом:

– Ну что ж, значит, давайте драться! Честно признаться, мне не по душе, когда меня отгоняют от дичи!

– Значит, решено, – подытожил Альфа, вставая во весь рост. – Завтра утром вся стая отправится в лес Пусть Ужас сам решает, что ему делать – драться с нами или уступить. Показав свою силу, мы научим этого безумца уважать настоящих Всесобак и их законы!

Собаки начали вставать со своих мест. Все потягивались, разминали лапы и негромко переговаривались друг с другом, и только Счастливлчик продолжал молчать. Он то и дело нервно косился на своих друзей, гадая, ощущают ли они то же гнетущее предчувствие беды, которое посетило его. Чувство близкой опасности придавливало его к земле, превращало лапы в камень.

«Когда Альфа говорит, все выглядит вполне разумным и правильным. Но я боюсь, что на деле все окажется совсем не так, как он думает!»

Глава X

Неглубокий снег хрустел под лапами. Счастливлчик бежал по сверкающей белой земле, и сосны сами собой расступались перед ним, открывая бесконечную белоснежную дорогу. Счастливлчик бежал так быстро, что его лапы не чувствовали холода.

Внезапно он остановился, втянул в себя морозный воздух. Где же дичь?

Какая дичь? Он даже не мог вспомнить, за кем гонится. За кроликом? За крысой? Счастливлчик покачал головой. Нет, он ничего не помнил. Но почему?

«Потому что это сон...»

Ну конечно, он спит и видит сон! Вот почему его лапы совсем не чувствуют холода! Это все не по-настоящему...

Лес вновь сомкнулся вокруг Счастливлчика, скрыл тропу. Началась густая чаша, так что приходилось пригибаться и проползать под деревьями, но ветки не царапали Счастливлчика, и колючки не цеплялись за его шерсть. Казалось, будто в этом лесу все было сделано из мягкого снега... Откуда-то издали доносился злой, надрывный лай.

«Да-да, я должен добраться до этих собак. Правда, я совершенно не помню, зачем мне это нужно, но я должен во что бы то ни стало до них добраться!»

Он снова пустился бегом, и ветки таяли перед ним, как туман. Вскоре – гораздо раньше, чем ожидал Счастливчик, – деревья расступились, открыв небольшую полянку, засыпанную белым снегом. Посреди поляны кипела смертельная битва. Собаки рвали друг друга зубами, молотили лапами, рычали. Счастливчик узнал их – это были Сталь и Ужас.

«Здесь была Собачья Гроза... но все собаки, кроме этих двух, пропали. Или погибли?»

Безумный пес сотрясался всем телом от каждого удара и укуса, но продолжал оставаться на лапах и отчаянно сражался за свою жизнь. И все-таки Счастливчик знал, что ему не выстоять против Стали.

На поляну упала густая тень. Счастливчик задрал голову и увидел, что по темно-серому небу несутся снеговые облака, закручиваясь в тугой зловещий вихрь. Снова повалил снег – белые и темно-серые хлопья бешено кружились в воздухе, перед тем как упасть на землю. Счастливчик надеялся, что снегопад охладит пыл дерущихся, но собаки не замечали ничего вокруг. Битва продолжалась, но теперь сражающиеся поменялись местами – Ужас теснил Сталь. Он побеждал! Ужас собирался убить Альфу Свирепых псов!

Снежинка упала на бок Счастливчика, но вместо холодной щекотки он вдруг почувствовал острый болезненный укол. Он взвыл, беззвучно открывая пасть.

«Это сон! Я не могу чувствовать боль во сне!»

Но боль никуда не делась, все новые и новые снежинки начали сыпаться на бока Счастливчика, жала его шкуру.

«Что-то не так! Беда!»

Он подскочил и залаял, не в силах терпеть жгучие укусы снежинок. И тут Счастливчик все понял. Это был не снег, а разбитый прозрачный камень! Под лапами у него тоже хрустел не снег, а мелкие прозрачные осколки. Они падали на него и вокруг него – блестящие, опасные, рвущие шкуру до мяса.

Счастливчик в панике бросился наутек, но он не знал, куда бежать. Захлебываясь лаем, он метался вокруг поляны, раздирая лапы об острые осколки. Метель из мелких прозрачных камней резала в клочья его шкуру, рвала шерсть, кровь хлестала на белый снег, который оказался совсем не снегом. А Сталь и Ужас продолжали сражаться, не обращая внимания на смертоносный буран. Дыхание в груди Счастливчика стеснилось, он больше не мог сделать ни вдоха. Бежать было некуда, как и ждать от кого-то помощи. Острые прозрачные камни продолжали сыпаться с серых небес, кровь текла из многочисленных ран, силы гасли. Он умирал.

«Разве можно умереть во сне?»

И все-таки он умирал. Жизнь покидала Счастливчика...

Счастливчик резко проснулся, вскинул голову и завыл от ужаса. Никакого снега не было и в помине. И прозрачных камней тоже не было. Обледеневшие ветви и заснеженные стволы сосен стремительно таяли, превращаясь в голые стены Дома еды.

«Я не умер. И не умирал, слава Небесным Псам. Я жив!»

Он чувствовал боком чье-то тепло. Лизушка сладко спала, ее бока мерно поднимались и опадали. Счастливчик несколько раз зажмурился и потряс головой, но видения не оставляли его. Он продолжал видеть падающие осколки, он слышал рычание и вопли дерущихся собак, и колючий запах мороза все еще щипал его ноздри. Но хуже всего было то, что он никак не мог избавиться от острой боли в том месте, где приснившийся осколок пронзил его шкуру.

Счастливчик встряхнулся, как следует вылизал бока. Там не было ни царапинки, и крови тоже не было, но жгучая боль не проходила. Счастливчик в отчаянии заскулил, покусывая себя за шерсть.

Лизушка мгновенно проснулась и насторожила уши:

– Счастливчик! Что с тобой?

– Ничего. Просто... – он содрогнулся и снова завыл, обнюхивая свой бок.

– Тебя кто-то укусил? – Лизушка вскочила и огляделась по сторонам, грозно оскалив зубы. – Где они? Кто это был? Я им сейчас задам!

Счастливчик все еще был как в тумане после сна, голова у него кружилась, его слегка мутило от мелькающих перед глазами образов.

– Нет-нет, это... это другое... то есть я сам не знаю..

– Как они посмели тебя тронуть! – зарычала Лизушка, поднимая загривок. – Куда они убежали?

– Да нет же! – огромным усилием воли Счастливчик заставил себя перестать рыться носом в шерсти и поднял голову. – погоди, ты меня не поняла... Никто на меня не нападал. Мне просто приснился плохой сон.

– Ты уверен? – губы Лизушки разъехали в стороны, обнажая смертоносные клыки.

– Да, честное слово, – Счастливчик был искренне тронут ее преданностью, но отчего-то ему сделалось не по себе. Лизушка хотела его защитить, она без размышлений ринулась ему на помощь... но не слишком ли быстро она готова перейти в атаку?

«Наверное, это плохо! – с тревогой подумал Счастливчик. – Ей следует научиться сдержанности».

К счастью, никто не видел этой мгновенной реакции, этой молниеносной готовности на агрессию. Стая только-только начала просыпаться: собаки сонно потягивались и зевали в тусклом свете встающей Собаки-Солнца. Ах, пусть Лизушка поскорее опустит загривок и успокоится!

– Правда, Лизушка, – прошептал он, – я в порядке. Это был всего лишь сон.

– Ну ладно, как скажешь, – она наклонила голову и вопросительно твякнула: – Знаешь, ты не сердись, но вид у тебя... перепуганный.

«Потому что я испугался! – огрызнулся про себя Счастливчик. – Хотя это ужасно глупо. Я уже не щенок, чтобы бояться ночных кошмаров!»

– Скоро выступаем, – прервал его размышления сиплый голос Альфы. – Но сначала поохотимся. Я уверен, вы все проголодались.

– Еще бы! – проскулил Бруно. Дейзи, не удержавшись, лизнула его в ухо, а Стрела весело зафыркала.

– Я поведу патруль, – вызвался Порох. Он широко зевнул и поскреб задней лапой за ухом. – Бруно, ты у нас самый голодный, поэтому пойдешь со мной. Еще я бы взял с собой Микки, Кусаку и Счастливчика. Ты не возражаешь, Альфа?

Полуволк одобритительно рыкнул.

– Идите. Только постарайтесь избежать ненужной стычки с бешеным псом. Настоящая битва впереди.

– Конечно. Признаться, у меня неплохое предчувствие, – прорычал Порох. – Сегодня мы вернемся в лагерь не с пустыми пастями!

– Сегодня Ужас ни за что не застанет нас врасплох, – добавила Кусака. – Мы уже все знаем и про него и про его ненормальную стаю!

Счастливчик вскочил и нетерпеливо бросился к выходу. Он изогнул хвост крючком, чтобы не вилять им, как нетерпеливый щенок. Покосившись на Альфу, Счастливчик тихо спросил Пороха:

– Может, возьмем с собой Лизушку? Она хорошая охотница.

Порох открыл было пасть, но Альфа не дал ему ответить. Цокая когтями по твердому полу, он подошел к Лизушке и в упор уставился на нее своими желтыми волчьими глазами.

– Я вижу, тебе не терпится поохотиться? – прорычал он, презрительно кривя морду. – Вот только я никак не пойму, почему городской пес решил, будто ты достойна стать охотницей. Ты пока всего лишь щенок, не прошедший церемонию Наречения, а значит, занимаешь низшее место в стае.

Такие, как ты, не достойны чести принимать участие в благородной охоте!

«Нет, только не это! – взмолился про себя Счастливчик, увидев, как шерсть на загривке Лизушки начинает медленно приподниматься. – Она же только недавно успокоилась!»

Вся стая притихла, глядя на Альфу и молодую Свирепую собаку. Только малютка Солнышко жалобно заскулила, прижавшись к лапе Марты, да Прыгушка растерянно охнула.

Альфа неторопливо облизнул клыки и, ослабившись, медленно обошел Лизушку кругом, нарочно задев ее хвостом по носу. Она настороженно следила за ним, не сводя глаз с желтых глаз полуволка, Альфа описал еще один круг и на этот раз с силой пихнул Лизушку плечом в бок.

От неожиданности Лизушка пошатнулась и упала, взметнув лапы. Однако она мгновенно вскочила и бросилась на Альфу, оскалив зубы.

«Нет!» – в ужасе ахнул Счастливчик.

Но когда зубы молодой собаки оказались возле самого горла Альфы, могучий Порох прыгнул вперед и отбросил ее в сторону. Лизушка щелкнула пастью и зарычала, однако тут же развернулась и снова ринулась в атаку. Но на этот раз Порох уже стоял между ней и Альфой, твердо упираясь в пол широко

расставленными лапами. Его глаза грозно блестели. Лизушка остановилась и гневно уставилась на него, оскалив зубы.

– Ты хочешь вызвать Альфу на поединок? – низким басом пророкотал Порох. – В таком случае ты должна сделать это по правилам, как подобает в стае. Объяви о своем вызове перед всей стаей и будь готова принять все последствия этого решения.

Лизушка тяжело дышала, но вид у нее был неуверенный.

– Если же ты не готова зайти так далеко, – спокойно и твердо продолжал Порох, – то тебе следует успокоиться. Немедленно.

Лизушка опустила голову и облизнула клыки. Потом она взглянула на Альфу, перевела глаза на Пороха и, покачав головой, покосилась на Счастливого. Он затаил дыхание.

«Лизушка, умоляю тебя, не глупи!»

Она снова уронила голову и с усилием сделала шаг назад.

– Я не хочу вызывать Альфу на поединок, – еле слышно выдавила молодая собака.

Счастливчик шкурой почувствовал вздох облегчения, вырвавшийся у стаи. Солнышко снова тихонько взвизгнула и шлепнулась на хвостик. Лизушка попятилась прочь от Альфы и Пороха, подползла к Счастливчику и уронила голову на лапы.

– Прости меня, – прошептала она.

Счастливчик облизнул клыки, в упор глядя на нее. Его страх сменился гневом, он был так зол, что не мог выдать ни слова. Глупая собака! Теперь Альфа имеет полное право наказать ее, а он, Счастливчик, даже не чувствовал желания ее защитить. Он весь напрягся, когда Альфа шагнул вперед, но не произнес ни слова. Нет, на этот раз он не мог вмешиваться.

– Ты! – свирепо рыкнул полуволок, останавливаясь так близко от Лизушки, что почти касался зубами ее дрожащего носа. – Я давно за тобой наблюдаю и не вижу ничего, кроме наглости, дерзости и непослушания! Тебе давно нужно преподать хороший...

– Подожди!

Вся стая резко обернулась, услышав басовитое твяканье Пороха. Могучий пес шагнул вперед и остановился перед вожаком. Он стоял с высоко поднятой головой, твердо упершись лапами в пол. Нервная дрожь пробежала по телу Счастливого.

– Альфа, – громко и спокойно заговорил Порох, – пусть вся стая видит, слышит и чувствует, что я, охотник Порох, оспариваю твою власть и место вожака.

Вся стая услышала изумленный вздох, вырвавшийся из груди полуволок, но никто не посмел даже шелохнуться. В зловещей тишине, воцарившейся в пустом зале, Альфа выпрямился во весь рост и с такой силой напряг все мышцы, что его лапы задрожали. Гнев, изумление и ярость настолько переполняли его, что Счастливчик шкурой чувствовал их тяжелый запах.

Стрела, открыв пасть, смотрела на Пороха, На безобразной морде Нытика появилось выражение насмешливого удивления и злобного любопытства. Жук и

Колючка инстинктивно прижалась к бокам Луны, которая смотрела на своего друга без тени страха и с полным доверием. Бруно и Микки ошеломленно переглянулись, но на этот раз даже Солнышко удержалась от ойканья и визга. Она в страхе съезжилась на полу и так сильно вздрагивала всем телом, что ее белые шелковистые ушки упали на глаза.

У Счастливого перехватило дыхание:

«Зачем Порох это делает?»

Порох как будто услышал этот немой вопрос, обращенный к нему со всех сторон. Он медленно обвел глазами стаю.

— Я уважаю Альфу, — раздумчиво заговорил он. — Он был отличным вожаком и сплотил нас в настоящую стаю, он помогал нам держаться вместе и в добрые времена, и в лихие дни. Но я уверен, что Большой Рык все изменил. Наш мир перевернулся с лап на голову, и мне не кажется, что Альфа может приспособиться к переменам. Он стал нерешительным, раз за разом он оказывается не в силах определиться. Стая не может находиться под властью вожака, который не знает, куда ее вести. А еще, — тут Порох посмотрел на Микки и Бруно, — мне не нравится его отношение к собачкам-на-поводочке. Да, у новых членов нашей стаи есть свои недостатки, но у кого их нет? Но Альфа только презирает их, вместо того, чтобы увидеть, оценить и использовать полезные навыки этих собак. Кроме того, он даже не пытается скрыть свою нелюбовь к Лизушке. Я убежден, что настоящий вожак обязан справедливо и одинаково относиться ко всем членам стаи, у него не должно быть ни любимчиков, ни изгоев. А что происходит у нас? Только что вы все видели, что в стае возник настоящий конфликт между вожаком и щенком. Это никуда не годится. — Порох поднял голову и посмотрел в глаза Луне: — Я глубоко уважаю и ценю все, что Альфа сделал для нашей стаи, но считаю, что сейчас нам нужен новый вожак — более сильный и более мудрый. Вот почему я бросаю вызов Альфе.

Когда Порох договорил, шерсть на шкуре полуволка стояла дыбом. Низкое грозное рычание рвалось из его груди.

Стая продолжала молчать. Счастливчик чувствовал, как воздух дрожит и потрескивает от скопившегося напряжения. Жук, сидевший сбоку от матери, был так напуган, что снова стал похож на беспомощного щенка, зато Колючка, стоявшая с другой стороны от Луны, выглядела бодрой и уверенной. Марта быстро лизнула в голову трясущуюся от страха Солнышко, потом потерлась носом о бок оробевшей Дейзи.

И тут вперед грациозно выступила Лапочка. Остановившись рядом с Альфой, она в замешательстве облизнула свою длинную морду, но когда заговорила, то ее голос прозвучал спокойно и твердо:

— Выслушайте меня, члены стаи! Охотник Порох только что бросил вызов вожаку Альфе, оспорив его право возглавлять стаю, — она посмотрела на Луну и заметно смутилась, из чего Счастливчик заключил, что прекрасной Бете еще никогда не приходилось делать такие заявления. Лапочка заметно запинаясь, вспоминая нужные слова. — Такой вызов не может быть отклонен... и его нельзя взять назад. Порох и Альфа сойдутся в поединке... дабы Альфа смог силой отстоять свое право на власть.

— Отстоять и сохранить, — недовольно поправил ее Альфа.

Лапочка промолчала, только утвердительно кивнула своей изящной головой.

— Луна, выйди вперед.

Жук и Колючка встревоженно уставились на мать, но Луна с готовностью вскочила и подошла к Пороху.

Когда Лапочка снова заговорила, то Счастливчик с трепетом узнал в ее тихом и ласковом голосе собаку, с которой он когда-то познакомился в Западне. Сейчас в Лапочке не было ничего от той хладнокровной и жестокой Беты, которую Счастливчик узнал в стае.

— Луна! — сказала Лапочка. — Поскольку ты подруга Пороха, у тебя есть право оспорить мою власть Беты. Ты хочешь это сделать?

Луна повернула голову и нежно лизнула Пороха в мускулистое плечо. Они переглянулись, и пораженный Счастливчик во все глаза уставился на эту пару.

«Луна все знала! — понял он. — Она знала, что Порох собирается бросить вызов Альфе. Они обсудили это друг с другом».

Тревога колючим холодком заползла ему под шкуру:

«Я не хочу, чтобы Луна вызывала Лапочку! Я боюсь за них обеих... и не могу даже думать о том, что они будут драться насмерть!»

К его огромному облегчению Луна отрицательно покачала головой.

— Нет, Лапочка, — тихо ответила она. — Если Порох выиграет поединок, я признаю твою власть Беты.

— Тебе не придется ничего признавать, — прорычал Альфа. — Порох никогда не победит меня!

Луна даже не взглянула в его сторону, ее взгляд был прикован к Лапочке.

— Я не хочу ни оспаривать твое место в стае, ни занимать его.

Лапочка торжественно кивнула. И она, и Луна выглядели совершенно спокойными, зато Счастливчик едва стоял от волнения. При одной мысли о том, что Порох может занять место полуволка, у него начинало радостно колотиться сердце. О, как изменится жизнь всей стаи, когда ее возглавит храбрый и благородный Порох! Счастливчик вздрогнул, пораженный неожиданной мыслью.

«Если Порох победит Альфу, то полуволку придется снова взять свое настоящее собачье имя! А я даже не знаю, как его зовут...»

Но радостная надежда в его душе была гораздо слабее страха.

«Что если Порох проиграет? Что если...»

— Слушайте меня, члены стаи! — властный голос Лапочки громко прозвучал в мертвой тишине. — Луна отказалась оспаривать мою власть, поэтому я остаюсь вашей Бетой. Порох и Альфа сойдутся в поединке за власть над стаей. По закону Небесных Псов такая битва может закончиться только полным поражением или смертью одного из участников.

Сердце Счастливчика глухо и тяжело билось о ребра. Именно этого он и боялся!

Но Лапочка еще не закончила:

– Битва состоится сегодня вечером, на глазах у Собаки-Луны. До этого времени Альфа остается нашим вожаком, а его слово – законом для всех и каждую.

Лапочка медленно обвела глазами всех собак, молча предлагая всем несогласным вслух оспорить ее слова. Но никто не посмел ничего возразить.

– Это справедливо, – согласился Порох и, поклонившись Лапочке, отошел на свое место. Дикае собаки одобрительно заворчали, а Собачки-на-поводочке вопросительно уставились на Счастливлчика.

– Я ничего не понимаю! – проскулила Дейзи.

– Счастливлчик, – шепотом спросила Белла, – что нам теперь делать?

Он не сразу нашелся, что ответить. Но когда Счастливлчик открыл пасть, чтобы что-то сказать, над ухом у него раздался низкий рык Альфы. Пораженный, Счастливлчик обернулся и уставился в желтые волчьи глаза вожака.

– Ты хотел знать, что тебе делать, городской пес? – прорычал Альфа. – Я скажу тебе! Сейчас ты возьмешь свою свирепую подружку и отправишься в лес. Вы будете охотиться, и молитесь Всесобакам, чтобы они послали вам достаточно добычи, иначе вы ответите передо мной. И будете еще очень долго отвечать, ибо я останусь Альфой и вожаком этой стаи навсегда.

Глава XI

Охотники, ко мне! – прогремел сильный и властный голос Пороха. – Альфа приказал нам взять с собой Лизушку. – Охотник коротко взглянул на Свирепую собаку, но глаза его остались непроницаемы. Счастливлчик молча вышел из Дома еды следом за охотниками, Лизушка ни на шаг не отставала от него. Очутившись на твердой дороге, собаки припустили бегом.

Счастливлчик бежал вместе со всеми, в голове у него стоял туман, мысли путались. Он до сих пор не мог поверить в то, что Порох открыто бросил вызов Альфе, и стоило ему представить поверженного полуволка, съежившегося в когтях могучего Пороха, как сердце Счастливлчика начинало петь от восторга. Но тут же ему становилось стыдно.

«Да, Альфа часто унижал и обижал собак – он вообще любит унижать! – но чем я отличаюсь от него, если втайне предвкушаю его унижение и радуюсь ему?»

– Прости меня, Счастливлчик, – пропыхтела на бегу Лизушка. – Мне так стыдно.

– Ничего, – проворчал он. – Не отставай!

– Это все из-за меня!

– Нет, не из-за тебя.

«По крайней мере, не только», – мысленно поправил себя Счастливчик, а вслух сказал:

– Я уверен, что Порох очень хорошо обдумал свой вызов.

– Но если бы я не сорвалась, – проскулила Лизушка, – если бы я не разозлила Альфу, он бы его не вызвал! По крайней мере, сейчас. А теперь...

– Я же сказал, хватит! – рявкнул Счастливчик, теряя терпение. Да, Лизушка права – это из-за нее то, что должно было произойти, произошло именно сегодня. Конечно, с какой-то стороны это и к лучшему...

«Но Лизушка все равно не должна была тявкать на Альфу! Это не ее дело – бросать вызов вожаку! Сегодня она показала всей стае, что ее не напрасно считают агрессивной и опасной».

В опустевших домах Длиннолапых не было и следа жизни, Счастливчик уже перестал обращать внимание на мертвые тела, валявшиеся посреди улицы, хотя Бруно и Микки каждый раз при виде их вздрагивали. Когда город остался позади, а лес придвинулся ближе, Порох замедлил шаг, и остальные сделали то же самое.

«Он очень мудрый, – с одобрением подумал Счастливчик. – Он не боится Ужаса и проявляет осторожность. Под его руководством все охотники ведут себя осмотрительно и сосредоточенно, все спокойны и готовы к встрече с опасностью...»

Счастливчик понял, что спокойная уверенность Пороха благотворно подействовала и на него, по крайней мере, он перестал злиться на Лизушку.

– Во имя Собаки-Земли, ты можешь мне объяснить, что на тебя нашло? – со вздохом спросил Счастливчик, замедляя шаг, чтобы поравняться с Лизушкой. – Ты что, вчера появилась в стае? Не знаешь, что Альфа нарочно пытался вывести тебя из себя? И зачем, скажи на милость, ты повела себя именно так, как он хотел?

Лизушка пристыженно опустила голову.

– Теперь я это тоже понимаю, Счастливчик. Честное слово, мне очень стыдно. Сама не пойму, как это случилось. Я должна была сдержаться, но... просто не смогла и все!

– Лизушка, ты должна научиться контролировать себя, – устало сказал Счастливчик. – Пойми, ты сама отвечаешь за свои поступки – ты, а не твоя порода, не твоя кровь и не твоя семья! Прошу тебя, больше никогда не доказывай, что Альфа прав насчет тебя.

– Я постараюсь, – проскулила Лизушка.

– Ты сама решила остаться в этой стае, – продолжал Счастливчик. – Это значит, что ты навсегда порвала со своей свирепой семейкой. С нами ты будешь не только сыта и защищена – это тебе может дать и твоя родная стая, – но только с нами ты станешь альфой своей собственной жизни. Ты сможешь сама управлять собой, своими инстинктами.

– Но разве собаки не должны следовать своим инстинктам? – спросила Лизушка, насторожив ухо.

– Все хорошо в меру, Лизушка, – покачал головой Счастливчик. – Нельзя допускать, чтобы инстинкты управляли тобой! Это непросто, но ты должна

научиться держать себя в когтях. Ты должна сохранять хладнокровие, даже когда тебя намеренно хотят разозлить.

— Ага, — Лизушка поглядела в сторону луга Охотники уже приближались к лесу.

— Ох, мы с тобой сильно отстали! — всполошился Счастливчик. — Бежим, нужно их догнать!

Он подтолкнул Лизушку носом, и они со всех лап понеслись по высокой траве, щекотавшей им носы.

«Мне кажется, она прислушалась к моим словам, но кто знает, что у нее в голове?» Счастливчик снова вспомнил, как Лизушка тайком убежала на встречу со своим братом, как она беззаботно играла с ним в траве. Тогда она выглядела такой счастливой, такой радостной. А еще этот недавний разговор о Микки с его преданностью прошлому и настоящему... Не поторопился ли он поверить, будто Лизушка навсегда порвала со своей кровной стаей?

Собаки, насторожив уши, вошли под деревья и стали углубляться в сумрак леса. Птицы перепархивали с ветки на ветку, в траве шуршали насекомые и прочая мелочь, но на этот раз собаки настороженно прислушивались не только к возне дичи, но старались издали услышать страшное: грозное рычание или топот бегущих лап. Пока все было спокойно, но все понимали, что расслабляться нельзя ни на мгновение.

Кусака прибавила шаг и поравнялась с Порохом.

— Я хочу, чтобы ты знал — сегодня вечером я буду за тебя, — негромко протянула она. — Я хочу, чтобы ты стал нашим Альфой.

— Я тоже, — пролаял Микки.

Порох только задумчиво крякнул, а Бруно недовольно покачал головой:

— Я тоже желаю победы Пороху, но нельзя забывать, что мы стая. Кто бы ни победил в этом поединке, мы должны будем признать его своим Альфой и повиноваться.

— Верно, Бруно, — кивнул Порох. — Хорошо сказано. Но все равно, спасибо вам всем.

Он снова замолчал, а Счастливчик подумал, что дорого бы отдал за возможность заглянуть в мысли могучего Пороха. О чем он размышляет? Готовится к сегодняшнему поединку или полностью сосредоточился на охоте и возможном столкновении с Ужасом?

«Нет, он определенно должен волноваться, хотя бы немного! — решил Счастливчик. — Как бы это не отвлекло его в нужный момент. Нехорошо, что он вызвал Альфу перед самым походом в этот проклятый лес!»

— Может, разойдемся в стороны? — предложил Микки.

— Хорошо, — согласился Порох, подняв уши. — Рассыпьте цепью — только бок к боку, а не нос к хвосту! Держитесь на расстоянии нескольких шагов и ни в коем случае не теряйте друг друга из виду. Полагаю, излишне напоминать, что носы должны быть по ветру, а ушки на макушке?

Счастливчик был рад, что Порох полностью сосредоточен на охоте, но приказ «быть начеку» было гораздо легче отдать, чем исполнить. Земля под деревьями до сих пор была влажной после недавних ливней. Многие запахи

смешались, наслоились друг на друга, но хуже всего было то, что некоторые и вовсе исчезли, прибитые дождем. Спасибо, что Собака-Солнце теперь стояла выше, чем за день до этого, ее лучи пробивались сквозь листву и согревали землю, высвобождая все новые и новые запахи.

Уткнувшись носом в землю, Счастливчик так увлекся выискиванием следов, что врезался в бок Лизушки. Та подскочила от неожиданности, но не издала ни звука.

— Там наверху кто-то есть! — прошептала она, настороженно всматриваясь в ветки. — Послушай...

Счастливчик напряг слух и слегка склонил голову, но не услышал ничего, кроме птичьего щебета и хлопанья крыльев. Он в отчаянии заскулил.

— Да вот же! — воскликнула Лизушка, кивая носом. — Там!

Прямо над ними сидела огромная черная птица. Она чистила клювом свое блестящее черное оперение и время от времени с любопытством поглядывала на стоявших внизу собак.

«Наглая какая! — проворчал про себя Счастливчик. — Знает не хуже нас, что мы ее не достанем!»

— Нам ее не поймать, Лизушка, — вздохнул он. — Если только она не слетит на землю, но даже ей хватит ума этого не делать.

— Но она же совсем одна! Прямо рядом с нами!

— О, великая Собака-Лес, с тобой никакого терпения не хватит! — взорвался Счастливчик. — Идем! Надеюсь, ты не собираешься лезть за ней на дерево? Или, может, ты попробуешь взлететь?

— Я слышала, что царапки умеют лазать по деревьям, — проворчала Лизушка.

— Правильно, я своими глазами видел, как царапки охотятся на деревьях, но мы-то с тобой не царапки! Идем.

Он потрусил вперед и вскоре услышал, как Лизушка нехотя побрела следом, с большим трудом заставляя себя переставлять лапы.

— Значит, в твоём городе тоже жили царапки? — спросила она. — Ты мне раньше не рассказывал о своей прошлой жизни и о городе тоже ничего не говорил. Какой он был? Похож на тот, в котором мы остановились?

— Немного. Там тоже было полно твердых каменных дорог и домов Длиннолапых. Только мой город был гораздо больше. Ты даже не представляешь, насколько. И еще в нем были дома из прозрачного камня, представляешь? От крыши до земли — сплошь прозрачный камень, который горел на солнце, как пожар!

— Дома из прозрачного камня? — ахнула Лизушка. — Но ведь в таких домах нельзя спрятаться, дичь сразу увидит охотников!

— Так-то оно так, да ведь Длиннолапые тоже не дураки! Они все предусмотрели. Они охотились в своих прозрачных домах, потому что их добыче там негде было спрятаться!

— Ерунда какая-то, — пробормотала Лизушка.

– Это трудно объяснить, – вздохнул Счастливчик. – И потом, Длиннолапым вообще не обязательно охотиться! В моем городе было полно Домов еды, заходи да ешь, сколько хочешь. А Длиннолапых там было так много, что ты себе даже представить не можешь! – Он облизнулся. – Добрых, щедрых Длиннолапых, которые всегда угощали меня своей добычей.

– Вот это мне нравится! – оскалилась Лизушка.

– Ну, вообще-то не все они были добрыми, – поспешил поправиться Счастливчик, осторожно пробираясь через груды сухих листьев. – Некоторые ни за что не хотели делиться, а были и такие, которым ничего не стоило пнуть собаку ногой! А еще в этом городе было полно лис – тьфу, мерзость! – и царапок, которые всегда готовы расцарапать тебе нос только за то, что ты посмотрел в их сторону. Но, в целом, это было славное место...

– Ты скучаешь по своему городу, – проурчала Лизушка, тыкая его носом.

– Наверное, немного, – признался Счастливчик и встряхнулся. – Но это было в другой жизни, Лизушка. Теперь я Дикий пес из Дикой стаи!

Лизушка рассеянно щелкнула зубами на муху, жужжавшую у нее над ухом.

– А ты бы вернулся обратно? Если бы мог?

Счастливчик надолго замолчал.

– Нет, – ответил он наконец. – Что-то мне подсказывает – что-то глубоко внутри, – что я больше не городской пес.

Лизушка проглотила назойливую муху и облизнула клыки.

– Да? Что ж, раз ты так чувствуешь, значит, так оно и есть!

– Нет, это не просто чувство, – со вздохом признался Счастливчик, подавляя слабый укол сожаления. – Честно говоря, важнее всего то, что моего города больше нет. Мне некуда возвращаться, даже если бы я захотел.

– Но ты же не хочешь, – безмятежно протянула Лизушка. – И я ужасно рада, что не хочешь! Я хочу, чтобы ты всегда был со мной, в стае!

«Тебе легко говорить, – вздохнул про себя Счастливчик. – Ты же не знала никакой другой жизни!»

Неожиданно справа от них послышалось негромкое рычание Пороха, и Счастливчик мгновенно замер, настороженный. Пригнувшись, он стал бесшумно пробираться по траве к главному охотнику, Лизушка так же тихо последовала за ним, а остальные патрульные подкрадывались с другой стороны. Ветерок тихо шелестел в ветвях деревьев, перебирал палую листву на земле, поэтому собаки старались не издавать ни звука.

– Что такое? – шепотом спросил Счастливчик у Пороха.

– Пока не знаю, – так же тихо ответил могучий пес.

Счастливчик прислушался, изо всех сил раздув ноздри. Да, какие-то звуки слабо доносились из-за ветвей, словно кто-то двигался прямо перед ними, но ни собаками, ни крупной дичью даже не пахло.

– Пахнет как будто... клетками-гремелками, – проскулил Счастливчик, поднимая шерсть. – Только очень слабо.

Порох насторожил уши и повернул голову.

– Может быть, в лес пришли Длиннолапые?

Счастливчик задрожал. «Длиннолапые? Здесь?»

Ох, только не это!» Все Длиннолапые, которых они встречали после Большого Рыка, были нисколько не похожи на дружелюбных и щедрых Длиннолапых из его прошлой жизни. Нет, от этих нужно было держаться подальше!

– Давайте заляжем здесь, – прошептала Кусака. – Лучше не высовывать носа, пока не пойдем, что там.

– И не вздумайте подбегать к Длиннолапым! – проворчал Порох, строго глядя на Микки и Бруно.

– Да разве мы не понимаем! – горячо закивал Бруно, всем своим видом давая понять, что опасения Пороха не только напрасны, но даже оскорбительны.

– Я просто хотел предупредить, – кивнул охотник. – А теперь – цыц!

Дрожа всем телом, Счастливчик лег на землю. Колючки впились ему в живот, сухая трава щекотала ноздри. Над ухом он слышал взволнованное дыхание Лизушки, однако молодая собака не проронила ни звука.

«Давай, Лизушка, покажи всем, какой терпеливой и сдержанной ты можешь быть!»

Вскоре послышался треск веток, громко зашелестели листья – и вот они, Длиннолапые! Счастливчик едва смог подавить испуганный вой, увидев на Длиннолапых все те же зловещие ярко-желтые шкуры. Страшные, блестящие шкуры и черные морды без глаз и ртов – никогда в жизни он не видел ничего отвратительнее! Длиннолапые держали в лапах свои гадкие металлические палки, которыми то и дело тыкали в Собаку-Землю.

«Что вы тут делаете? Вы пришли за нами?»

Он задрожал, услышав рядом с собой испуганный вопль. Лизушка! Бедная, она же никогда раньше не видела Длиннолапых – тем более таких жутких желтошкурых чудовищ! Счастливчик осторожно придвинулся к молодой собаке и прижался боком к ее дрожащему боку.

– Они совсем не добрые! – прошептала Лизушка ему на ухо. – Ты чувствуешь, как сильно от них пахнет агрессией? Они не такие, о которых ты мне рассказывал! Они... они как свирепые собаки, ищущие драки!

– Ш-шшш, – цыкнул на нее Счастливчик. – Да, ты все правильно говоришь, это другие Длиннолапые. Им нельзя доверять. Но сейчас нужно сидеть тихо-тихо и не выдать себя, поняла? Пусть они пройдут мимо.

Он видел фигуры патрульных, укрывшихся в высокой траве. Яркая черно-белая шерсть Микки сильнее всего бросалась в глаза, но пес лежал совершенно неподвижно, тени кольшущихся веток плясали по его морде. Ничего, осталось совсем немного потерпеть... Длиннолапые пройдут и ничего не заметят.

«Они пришли сюда не за нами, – твердил себе Счастливчик, пытаясь унять нервную дрожь в животе. – Они вообще не знают о нашем существовании! Они здесь по своим делам...»

Он похолодел от ужаса, увидев, что Длиннолапые вдруг остановились в нескольких кроличьих прыжках от притаившегося патруля. Что им тут

понадобилось? Он слышал, как Длиннолапые коротко переговариваются друг с другом, но с трудом разбирал даже отдельные слова – Длиннолапые разговаривали каким-то потрескивающим шепотком, склонившись над своими палками. Вот один из них указал в сторону оврага, но другой покачал головой и ткнул желтой лапой прямо...

Прямо туда, где прятались собаки!

Счастливчик вжался в землю, мечтая просочиться сквозь траву и корни прямо в надежные лапы Собаки-Земли. Черная морда Длиннолапого была повернута к нему и Лизушке, но поскольку на морде не было глаз, то Счастливчик не мог понять, видит их враг или нет. Никогда в жизни он не чувствовал себя таким растерянным и беспомощным.

«Смилуйся, Собака-Земля! Пожалуйста, сделай так, чтобы Длиннолапые нас не увидели!»

Поток резкого шипящего тьяканья заставил его в страхе вскинуть голову. Желтошкурый Длиннолапый сердито лаял своим ненастоящим потрескивающим голосом и тыкал рукой прямо туда, где притаились собаки!

– Бежим! – взвыл Счастливчик, вскакивая на ноги.

Остальные мгновенно вскочили и помчались наутек. Счастливчик бежал, не разбирая дороги, ломился через кусты и колючие заросли, обегал вокруг деревьев и не слышал ничего, кроме зашумевшего пыхтения мчавшихся рядом собак. Вот Бруно закричал, перепрыгивая через поваленное дерево, а Микки громко взвыл, наступив на колючку, но никто не остановился, все неслись из последних сил.

Порох какое-то время бежал рядом со Счастливчиком, но потом хрипло пролаял:

– Я побегу сзади. Назначаю тебя старшим, Счастливчик!

– Что? – хрипло выдохнул Счастливчик. – Что ты задумал?

– Пока точно не знаю. Но если Длиннолапые хотят поохотиться на мой патруль, им придется сначала справиться со мной!

Времени на возражения уже не оставалось. Счастливчик коротко кивнул и вырвался вперед, но почти сразу же влетел передними лапами в лужу и поскользнулся. Одна передняя лапа глубоко завязла в раскисшей грязи, Счастливчик едва не упал, но все-таки сумел удержать равновесие. Вскоре сзади послышалось тьяканье и вой – это бежавшие следом за ним патрульные угодили в ту же грязную ловушку. Не оглядываясь, Счастливчик вырвал лапы из лужи, взбежал по склону и обернулся, чтобы подбодрить отставших:

– Давай, Кусака, осталось совсем немного! Вперед, Бруно!

– Почему мы убегает? Нужно сразиться с ними!

Лизушка вдруг резко остановилась посреди лужи, подняв целый водопад грязных брызг, и яростно залаяла, обнажив белые клыки.

– Опомнись! – рявкнул Счастливчик, сглотнув ком в горле. – Они слишком большие и их много! Иди сюда, быстро! Беги, Длиннолапым тоже придется пробираться через эту лужу, так что они непременно отстанут.

Микки первым добрался до склона, вскарабкался наверх и обернулся, чтобы втащить за шиворот выбившегося из сил Бруно. Кусака бодро взлетела наверх

и отряхнула комья грязи с шерсти, но Лизушка осталась стоять посреди глубокой грязи, бешено облаивая подбежавших Длиннолапых.

– Лизушка, сюда! – зарычал Счастливчик.

Он с облегчением перевел дух, увидев, как Порох подбежал к Лизушке и, не тратя времени на разговоры, пребольно цапнул ее зубами за заднюю лапу, чтобы заставить бежать. Молодая собака нехотя повернулась и, продолжая грозно рычать, запрыгала через грязь. Но радоваться было рано, потому что Длиннолапые воспользовались заминкой и сократили расстояние, отделявшее их от отставших патрульных. Они бесстрашно прыгнули в грязь и пошлепали следом за собаками, волоча за собой свои палки.

«Но это совсем другие палки!» – с ужасом понял Счастливчик. Эти палки были ему слишком хорошо известны – длинные шести с петлей на конце! Он вспомнил страшный день, который сейчас казался бесконечно далеким, хотя с тех пор прошло всего несколько полных превращений Собаки-Луны – день, когда Длиннолапые поймали его и заперли в клетку в Западне. Его поймали такой же палкой, накинули петлю на шею и затащили так, что он захрипел и перестал вырваться, боясь задохнуться.

Как только такая петля окажется на собачьей шее, спасения уже не будет.

– Лизушка, беги! – срываю голос, залаял Счастливчик.

Но она продолжала топтаться у подножия склона, свирепо рыча на взбегавшего вверх Пороха.

– Они нас боятся! – яростно лаяла Лизушка. – Почему мы убегает? Длиннолапые не решаются выйти против нас без палок, они трусились! Мы можем прогнать их!

– Нет! – Счастливчик вихрем сбегал вниз, схватил упрямую дурочку за шкуру и поволок по склону. – Бежим!

Порох обернулся, сбегал на несколько шагов вниз и стал толкать Лизушку сзади. Вместе они втащили ее на вершину склона и только здесь отпустили, так что разъяренная молодая собака от неожиданности шлепнулась на траву.

– Нужно бежать другой дорогой, – прорычал Порох, глядя вниз на Длиннолапых. – Сейчас мы прямо на пути в Дом еды, но ни в коем случае нельзя привести туда Длиннолапых!

– Верно, – пролаял Счастливчик и гневно покосился на Лизушку: – Теперь ты победишь впереди меня и только попробуй выкинуть еще что-нибудь!

Порох развернулся и снова бросился в чащу леса. Бруно, Микки и Кусака побежали за ним, взбивая лапами палую листву. Счастливчик сердито подтолкнул Лизушку, чтобы быстрее бежала. Впереди он видел сильные задние лапы Пороха, мелькавшие за деревьями.

«Ничего, мы убежим! – твердил на бегу Счастливчик. – Не впервой!»

Когда они с Лизушкой выскочили из-за деревьев на небольшую полянку, Порох уже успел добежать до ее середины. Внезапно сверху что-то промелькнуло, и Счастливчик, инстинктивно зажмурившись, отскочил в сторону, но Порох еще бежал в тот момент, когда что-то огромное упало на него с высоких ветвей дерева.

Счастливчик взвыл и остановился как вкопанный. Могучий Порох перекувырнулся через голову и забился на земле, размахивая лапами. Теперь

Счастливец видел, что Порох очутился внутри огромной сети, сплетенной из веревок. Чем сильнее он бился и катался, тем сильнее запутывался. Но Порох еще не мог этого осознать. Не чувствуя боли, он катался по земле, ударялся о корни, пытался высунуть лапы из тугой запутанной сетки.

– Порох, Порох!

Счастливец со всех ног бросился к нему.

Теперь он видел только глаза охотника – белые, закатившиеся под лоб от ужаса. Порох отчаянно завыл, из пасти у него показалась пена:

– Счастливец! Счастливец, помоги мне!

Глава XII

Порох снова покатился по земле, взрывая когтями землю. В тщетной попытке освободиться он грыз зубами веревки, которые только ту же затягивались вокруг его морды. В какой-то момент у него завернулись губы, так что полностью обнажились десны и зубы. Счастливец зарычал от отчаяния, видя, что положение безнадежно.

– Прекрати шевелиться, Порох! – пролаял он. – Ты себя задушишь!

Все патрульные обступили Пороха. Они выли от страха и пытались лизнуть своего пойманного товарища через веревки, а Порох постепенно успокоился и затих, только его бока, покрытые потеками пены, тяжело вздымались под сеткой. Его лапы все еще судорожно подергивались, словно жили собственной жизнью, но Порох все-таки сумел справиться с паникой.

– Что мне делать? – провыл он, с трудом шевеля пастью.

– Не знаю, – Счастливец облизнул клыки, поскреб когтями по земле. Он разрывался от отчаяния и жалости к Пороху. – Не знаю! Я никогда в жизни не видел таких ловушек! Я даже не представляю, что задумали эти мерзкие Длиннолапы!

Он услышал громкое тьяканье врагов – теперь они были уже совсем рядом. Счастливец напряг слух, отчаянно надеясь, что случится чудо, и Длиннолапы пробегут в другую сторону, но приближающийся хруст веток безжалостно сообщал, что чуда не будет и что желтошкурые вот-вот появятся на поляне. Лизушка с силой боднула его головой.

– Мы должны вытащить его! – проскулила она.

– Хватит, Лизушка! – рявкнул на нее Счастливец. Он вскочил и преградил ей путь: – Не приближайся! Здесь могут быть другие ловушки. Мы не знаем, что тут происходит и как это работает.

– Но мы не можем просто стоять и ждать, ведь Длиннолапы уже близко!

Счастливец посмотрел за спину Лизушки, прислушался к хрусту веток и сухих листьев, к топоту тяжелых лап. Кусака, Бруно и Микки с надеждой

смотрели на него. Счастливчик видел, что они ждут от него если не чуда, то какого-нибудь хитрого фокуса, на которые способен Городской пес.

«Но я ничего не могу придумать! Я не знаю, что делать!»

— Патрульные! — сдавленно пролаял Порох, и все собаки мгновенно повернулись к нему. — Я приказываю вам уходить! Вы не сможете меня спасти, времени уже нет. Бегите и предупредите остальных.

— Нет! — яростно взвыл Счастливчик. — Мы тебя не бросим!

— Выслушайте меня, — прохрипел Порох, с трудом облизнув свои искореженные челюсти. — Если бы Длиннолапые хотели меня убить, я уже был бы мертв. Они бы прикончили меня из грохочущей палки или придумали бы такую ловушку, которая убивает. Но они всего лишь ловят собак. Мы с вами не знаем, зачем им это нужно, но главное, что моей жизни ничего не угрожает — по крайней мере, пока Бегите отсюда, предупредите Альфу, — тут Порох в упор посмотрел в глаза Счастливчика и понизил голос. — И расскажите обо всем Луне и моим щенкам. Пожалуйста.

Бессильный гнев опалил нутро Счастливчика.

«Я не могу бросить товарища по стае! Это противоречит собачьему закону и всему, во что я верю!»

Но в то же время он знал, что Порох прав. Они ничем не могли помочь могучему псу.

— Хорошо, — с трудом выдавил Счастливчик. — Хорошо, Порох, мы уйдем. Но мы вернемся за тобой!

— Вот и славно. А теперь — бегите!

Лизушка рванулась было к Пороху, но Счастливчик бесцеремонно схватил ее за загривок и оттащил назад.

— Он прав, Лизушка. Так надо.

Кусака, Микки и Бруно нехотя попятились. Микки в последний раз громко таякнул в сторону Пороха, а потом все патрульные дружно бросились в сторону леса.

Шмыгнув за дерево, Счастливчик остановился и осторожно выглянул из-за веток. Длиннолапые выскочили на поляну и остановились, увидев пойманного Пороха. Он снова забился, рыча и грызя веревки.

«Благородный Порох! — со слезами на глазах подумал Счастливчик. — Он отвлекает Длиннолапых».

Теперь Длиннолапые затаивались по-другому — они издавали пыхтящие раскатистые звуки, которые Счастливчик помнил по жизни в городе. Это означало, что им весело. Они так смеялись. Раньше такие звуки означали, что перед Счастливчиком добрые Длиннолапые, рядом с которыми можно расслабиться и ожидать только хорошего.

Но сейчас внутри у него все задрожало от гнева.

«Мы вернемся за тобой, Порох! Даю тебе слово».

Они очень долго бежали через лес Кусака, вызвавшаяся вести патруль, описала широкий круг, прежде чем решила приблизиться к брошенному

городу. Когда она наконец остановилась, испуганно косясь в сторону леса, остальные собаки устало обступили ее. Все с трудом переводили дыхание, никто не говорил ни слова Лизушка первая резко обернулась к Счастливику и оскалила зубы.

— Как мы могли его бросить? — прорычала она. — Как ты мог так поступить, Счастливчик?

Счастливчик тяжело дышал, его взмокшие от пота бока судорожно вздымались.

— Мы ничего не могли сделать.

— Я не понимаю!

— Хорошо, тогда ответь мне, чем бы мы помогли Пороху, если бы Длиннолапые переловили нас всех? — устало спросил он. — Спасшись, мы сможем обдумать, как помочь Пороху, но если бы нас поймали, то некому было бы предупредить стаю об опасности! Не дождавсь нас, наши товарищи отправились бы в лес на охоту и тоже попали бы в западню. Ты этого хочешь?

— Счастливчик прав, — вздохнула Кусака. — Нам больше ничего не оставалось.

— Да, Лизушка, — грустно кивнул Бруно.

Лизушка продолжала тяжело дышать, но Счастливчик видел, что она постепенно успокаивается. Повернув голову, молодая собака бросила ненавидящий взгляд в ту сторону, откуда они прибежали.

— Жаль, что вы не дали мне проучить этих отвратительных Длиннолапых! — прорычала она, скаля зубы. — Я же вам говорила — они нас боятся! Пара хороших шрамов, и они бы живо научились держаться от нас подальше.

— Да нет, все не так просто, — терпеливо ответил Счастливчик, стараясь не обращать внимания на ее агрессивный тон. Он ласково потерся носом о щеку Лизушки и подтолкнул ее в сторону города.

— Идем. Нужно как можно быстрее вернуться в лагерь.

— Не-ет! — в ужасе пролаяла Дейзи. — Пороха захватили?

В Доме еды уже ступились сумерки, в которых все происходящее казалось Счастливику еще более нереальным. Внутри у него все словно оцепенело от потрясения.

— Вы оставили моего Отца-пса в плену у Длиннолапых? — пролаял Жук.

Кусака с мольбой посмотрела на Луну:

— Нам пришлось.

Луна выслушала страшное известие молча. Она вся словно съежилась, сраженная страшным горем, однако нашла в себе силы держаться. Зато остальная стая ударилась в панику. Солнышко превратилась в визжащий и ойкающий комок белой шерсти, вихрем носившийся вокруг Марты, которая тщетно пыталась лизнуть ее в голову и успокоить. Стрела что-то тихо бормотала себе под нос, терзая когтями пол. Лапочка нервно расхаживала взад-вперед, рыча от бешенства. Альфа лежал, уронив голову на землю, его бока тяжело вздымались, глаза метали молнии. Прыгушка просто оглушительно

лаяла, изливая в никуда душивший ее бессильный гнев, а Нытик с неприкрытой ненавистью смотрел на Счастливого.

— Там, где появляется Городской пес, там жди предательства, — прошипел он, скаля зубы.

— Что ты сказал? — повернулась к нему Лизушка, поднимая уши.

«Стоп-стоп!» — спохватился Счастливчик, бросаясь между ними. Еще мгновение и разъяренная Лизушка схватила бы маленького поганца в зубы и, чего доброго, затрясла бы до смерти, как крысу.

— Но я не понимаю! — протявкала Прыгушка. — Кусака, скажи, зачем Длиннолапые охотятся на собак? Или после Большого Рыка они так оголодали, что стали есть нас?

— Нет, конечно! — воскликнул Микки. — Что за чушь!

— Кто знает, что у них головах? — прорычал Альфа. — После Большого Рыка собаки сильно изменились. Почему же Длиннолапые должны остаться прежними?

— Нет, они не могут нас есть! — жалобно проскулила Дейзи. — Не могут и все!

— Почему? — спросила Кусака. — Раньше я бы и сама так сказала, но я же видела, как они себя вели! Они смеялись! Их веселили страдания Пороха!

— Все это лишь подтверждает мои опасения, — Альфа встал и коротко кивнул Лапочке: — Нужно уходить отсюда. Всем приготовиться!

При этих словах сидевшая в оцепенении Луна вдруг вскинула голову и нахмурилась. Потом она вскочила и с силой встряхнулась.

— Постой, Альфа! Ты хочешь сказать, что мы уйдем отсюда сразу после того, как освободим Пороха?

— Нет, — прорычал Альфа. — Я сказал, что мы уходим немедленно. Здесь вся стая находится в опасности. Мы должны как можно быстрее убраться из этого проклятого места.

Счастливчик, не веря своим ушам, смотрел на Альфу. Неужели он собирается бросить в беде третьего пса в стае?

— Нет! — Луна прыгнула вперед и остановилась нос к носу перед Альфой. — Я знаю, что ты не можешь так поступить! Бросить Пороха в плену, оставить его на милость этих ужасных Длиннолапых? Нет, Альфа! — верная подруга Пороха затрясла оскаленной пастью: — Этого не будет!

Вся стая притихла, в напряженном молчании глядя на стоящих друг перед другом Луну и Альфу.

— Порох сам выбрал свою судьбу, когда решил отправиться на охоту в лес, — отгрызнулся полуволк. — Он знал, что это опасно! Мы не можем...

— Ты просто боишься! — пролаяла Луна, и ее темные глаза вспыхнули от гнева. — Ты и раньше не хотел сходить с ним в поединке! А теперь ты решил бросить его, чтобы избавиться от соперника!

— Следи за своей пастью, Луна, — взревел Альфа. — Я твой вожак! И мои решения не имеют никакого отношения к глупому вызову твоего друга!

Счастливец испугался, что Луна сейчас не выдержит и вцепится Альфе в плотку. Нет! Он прыгнул к ней, горячо лизнул в нос и обернулся к Альфе.

— Луна права, — твердо сказал Счастливец. — Когда Порох приказал нам спасаться, я дал ему слово, что мы вернемся за ним. Я его не брошу. Лизушка вообще не хотела...

— Лизушка? — пролаял Альфа. — О да, мне следовало сразу догадаться, что здесь не обошлось без этой порочной свирепой твари! Это она заманила бедного Пороха в ловушку?

Кровь бросилась в глаза Счастливика, вся его шерсть разом встала дыбом:

— Как ты мог даже подумать, что Лизушка причастна к этой беде? Она вообще ничего не знает о Длиннолапых, до сегодняшнего дня она их даже не видела! Как она могла кого-то заманить в ловушку?

Альфа издал басовитый гортанный рык.

— Все равно, от нее одни неприятности! Она приносит нам беду. Везде, куда мы ни сунемся...

— Ты выдумываешь! — взорвался Счастливец. — Ты сам отлично знаешь, что это чушь, но нарочно наговариваешь на Лизушку! Она не свирепая тварь! Не бывает порочных собак, и собаки не могут приносить беду...

Он задохнулся и в бешенстве уставился на Альфу.

— Продолжай, городской пес, что же ты замолчал? — насмешливо прорычал полуволок. — Поделись с нами своей хваленной мудростью!

Счастливец стиснул зубы.

— Возможно, на свете существуют порочные собаки, но это точно не Лизушка. Помешавшийся Ужас все время говорил о Собаке-Страхе. Яне верю в то, что она существует, но кто знает? Я чувствую особую связь с Собакой-Лесом, Собака-Река покровительствует нашей Марте. Но если в нашей стае кто-то и связан с Собакой-Страхом, то это...

— Ты на что намекаешь? — ощерился Альфа. — Не много ли ты на себя берешь, городской пес?

Счастливец открыл пасть, но не нашел в себе силы продолжать. Он и так слишком много сказал. Пожалуй, последних слов и вовсе не следовало произносить вслух, но он сорвался.

Счастливец заставил себя поднять голову и твердо посмотрел в беспощадные желтые глаза Альфы. Клокотание в горле полуволок становилось все громче, вот оно превратилось в ворчание, потом перешло в рык, похожий на дальний отголосок грома перед большой битвой Небесных Псов.

— Хватит! Остановитесь, вы оба! — Лапочка грациозно шагнула между ошестинившимся соперниками, бросила гневный взгляд на Счастливика и только после этого повернулась к Альфе: — Вы подводите всю стаю! Что хорошего в том, что два самых сильных пса все время готовы вцепиться друг другу в глотки? Вам обоим должно быть стыдно! — Ее белые зубы сверкнули в полумраке. — Мы должны принять решение, которое пойдет на пользу всей стае, и принять его следует сообща.

Альфа грозно выпрямился во весь свой рост, жесткая волчья шерсть на его загривке встала дыбом.

– Решение уже принято! – оглушительно прорычал он. – Я – вожак стаи и я ни с кем не собираюсь советоваться! Кем ты себя возомнила?

– Я – твоя Бета! – не дрогнув, ответила Лапочка.

– А я – твой Альфа! Мы немедленно уходим из этого поганого места. Весь этот город не что иное, как одна большая западня! Диким собакам здесь не место!

Луна вскочила с места, от ее недавнего спокойствия не осталось и следа:

– Я не покину отца своих щенков! Если никто из членов стаи не захочет остаться со мной, значит, я отправлюсь выручать Пороха одна.

В полутемном зале воцарилась мертвая тишина. Казалось, сам воздух стухнул и задрожал от напряжения, когда онемевшая стая молча переводила взгляды с Луны на Альфу. Все затаили дыхание.

А потом Прыгушка вдруг сморщила нос и с шумом втянула в себя воздух. Счастливчик резко обернулся и тоже почуял запах. Остальные собаки тоже встрепенулись и запрокинули головы, раздувая ноздри.

– Ой, а что это? – пропищала Солнышко.

– Собачий запах, – прошептал Микки. – Но кто...

– Этот запах мне знаком! – прорычала Лапочка, оскаливая зубы.

– Стая, приготовиться к битве! – взревел Альфа. – Это нападение!

Глава XIII

Времени на правильное боевое построение уже не было. Счастливчик понял это, увидев, как застигнутая врасплох стая строится в кривую оборонительную цепь. В загроможденной комнате Дома еды нельзя было даже организовать правильный боевой порядок, поэтому Счастливчик только и смог, что отпихнуть Солнышко и Дейзи себе за спину, чтобы малюток не затоптали в битве. Краем глаза он заметил, как Нытик тихонько прошмыгнул в самый темный угол, подальше от опасности.

«Да уж, этот пес сумеет о себе позаботиться!» – с отвращением подумал Счастливчик. Луна, грозно оскалившись, загородила собой Жука и Колючку, но оба щенка выскочили из-за материнской спины и встали по бокам от нее. Глаза Луны на мгновение просветлели, она с гордостью посмотрела на своих детей.

Альфа, стоявший в середине цепи, устремил свой тяжелый взгляд на разбитый прозрачный камень и оскалил зубы.

– Видите? В этом проклятом месте мы даже не в состоянии как следует защитить себя! Если мы выйдем живыми из этой переделки, то уйдем немедленно – и без всяких разговоров!

– Мы обсудим это позже, – рявкнула Лапочка и вся напряглась, увидев тень, выросшую за разбитой прозрачной дверью.

Сначала собаки услышали звук. Снаружи кто-то сопел, втягивая в себя воздух. Потом из-за двери показался черный кожаный нос. Дверь скрипнула, приоткрылась – и Счастливчик изумленно открыл пасть. Из щели на него смотрела знакомая буро-белая морда с круглыми удивленными глазами:

– Что... Эй, не нападайте! Это же я, Хромой!

Облегчение наступило так стремительно, что Счастливчик почувствовал, как расслабляются мышцы у стоявших рядом с ним собак. Прыгушка ворчливо выдохнула, а Луна быстро зажмурила глаза.

– Хромой? – Кусака угрожающе зарычала, и Счастливчик догадался, что она вспомнила о недавней стычке в лесу.

Хромой, повесив уши и голову, робко проковылял внутрь. Остановившись перед выстроившимися в цепь собаками, он упал на пол и задрожал всем телом.

– Пожалуйста, не вините меня! Я не имею никакого отношения к нападению Длиннолапых!

– Кто это подстроил? – прорычал Альфа. – Этот ваш Ужас?

– Нет, не он, – поежился Хромой. – Ужас ничего не планирует. Он просто...

– Зачем же тогда ты сюда пришел? – перебил его Альфа. – Надеюсь, ты не собираешься проситься обратно? Ты отлично знаешь, что мне не нужны калеки, – процедил полуволок, брезгливо покосившись на безобразный обрубок на месте лапы Хромого. – Не говоря уже о калеках-предателях.

Хромой сморщился, в глазах его мелькнула боль, но он нашел в себе силы ответить спокойно и кротко:

– Нет, Альфа, я не буду просить тебя ни о чем. Я знаю, что ты не примешь меня обратно. Я пришел только потому, что увидел, как Длиннолапые поймали Пороха. Мы возвращались в лагерь после охоты и увидели, как они его схватили.

– Значит, ты явился сюда, чтобы позлорадствовать? – сощурился Альфа. – Это глупо даже для тебя, Хромой.

– Нет! Я... просто я знаю, куда они его отвезли! – Хромой испуганно покосился через плечо. – Я знаю, где сейчас Порох!

Надежда запрыгала в груди Счастливчика. Он услышал, как стоявшая рядом с ним Луна тихо ахнула и подалась вперед:

– Скажи мне! Скажи, Хромой! Где он?

Но Альфа вдруг решительно шагнул вперед и зловеще прижал уши:

– С какой стати мы должны верить словам этого жалкого калеки? Почему мы должны ему доверять? Что, если он заманивает нас в пасть своему безумному вожаку?

Луна беспомощно посмотрела на Хромого, перевела глаза на Альфу и тихо застонала. Когда она растерянно облизнула клыки, Хромой испустил дрожащий, умоляющий вой.

— Что происходит, Хромой? — тихо спросил Счастливчик. — Длиннолапые всегда охотились на собак в городе. Так однажды они поймали меня и Лапочку, и заперли в своей Западне. Я даже знаю, зачем они это делали — им не нравилось, когда ничейные собаки бегали по их улицам и паркам.

— А нам ты рассказывал, что Длиннолапые с радостью угощали тебя своей едой! — фыркнул Альфа.

— Да, некоторые из них так и делали. А другим это не нравилось, они вообще были против того, чтобы собаки свободно бегали по городу, как по лесу. Они считали, что от нас одна грязь и беспорядок, что мы пачкаем их любимые места. Но для чего им ловить собак, которые бегают по лесу и не заходят на их территорию? Какой в этом смысл?

— Никакого, — негромко согласилась Марта. — И они ловят собак не для того, чтобы найти среди них бывших собак-на-поводочке. Они же сами нас бросили!

Хромой грустно застучал хвостом по земле:

— Я не знаю, что они задумали. Но я знаю, какими тропами они ходят, поэтому могу предположить, куда они дели Пороха Он в Собачьем Саду.

При этих словах вся стая разразилась оглушительным лаем и воем.

— Сад! — заливался Бруно. — Нет, нет, нет!

— Ой, это же страшный такой сад! — визжала Солнышко, истерически тряся белой челкой. — Ой, там выращивают Свирепых собак! Ой, ой!

Счастливчик тоже пришел в ужас. В глубине души он надеялся, что им повстречался последний страшный Сад, где Свирепые собаки жили по своим жестоким кровожадным законам. Оттуда они с Микки спасли беспомощных брошенных щенков, которые и стали причиной смертельной вражды между стаями.

— Значит, Длиннолапые заодно со Свирепыми собаками? — пролаяла Стрела. — Но если это так, то мы пропали!

— Нет, вы представляете? — выла Прыгушка. — Длиннолапые и Свирепые псы — и все против нас!

— Это так? — прорычал Альфа. — Говори, это правда?

— Я и сам не знаю, — пробормотал Хромой. — Откуда мне знать, я же простой пес, знаю только то, что вижу. Когда я жил один, до того, как встретил стаю Ужаса... то есть, еще когда я был со сломанной лапой, то я несколько раз видел в лесу Длиннолапых.

— И они на тебя не охотились? — быстро спросила Марта.

Хромой помотал головой.

— Нет. Одиночке выжить куда сложнее, чем стайному псу, но у него есть преимущество — одному куда проще держаться подальше от Длиннолапых, чем целой стае. Одиночка и шуму производит куда меньше, и спрятаться ему легче. Короче, я довольно долго наблюдал за Длиннолапыми. Они держаться

вокруг Собачьего Сада. Помяните мое слово, что-то они там замышляют! Что-то очень важное для себя, потому что Длиннолапые целыми днями суется и работают до темноты. Что касается Свирепых псов, то я их там не видел, так что ничего сказать не могу.

Счастличик поскреб задней лапой за ухом, потом задумчиво побарабанил хвостом по земле.

– В последний раз, когда я был в Собачьем Саду – это когда мы с Микки спасли щенков, – взрослыми псами там уже почти не пахло, все запахи выветрились. Так что я не думаю, что Свирепые псы вернулись в Сад. По моему, им понравилось жить самим по себе.

– Но если Длиннолапые захотят принять их в свою стаю, то они могут и вернуться, – задумчиво протянула Кусака. – Разве они устоят перед такой честью?

– Ясное дело, стоит Длиннолапым только свистнуть, как эти твари приползут к ним, – прорычал полуволок. – Им нравится повиноваться и служить своим хозяевам. Не зря же мы, свободные псы, называем их Клыками Длиннолапых!

– Мне тоже показалось, что они боготворят своих Длиннолапых, – негромко пробормотал Микки. – Но не так, как мы, совсем по-другому... Это... очень трудно объяснить, но мне кажется, что мы любим Длиннолапых за хорошее, а Свирепые псы – за плохое.

Счастличик содрогнулся, вспомнив обгрызанные уши Клыка. Бедного щенка жестоко искалечили, подражая Длиннолапым, которые подрезали уши собакам этой породы! Впрочем, об этом сейчас лучше было помалкивать. Никто не должен знать, что Лизушка тайком встречалась с братом, а Счастличик видел их, но сохранил тайну своей воспитанницы.

– Помните, где Свирепые псы напали на нас в последний раз? – спросил Счастличик. – Это было очень далеко от Собачьего Сада! Вряд ли они ушли так далеко только для того, чтобы вернуть своих щенков. Нет, что-то мне подсказывает, что они давно уже живут на воле и ходят, куда хотят.

– Кто знает, что на уме у этих ненормальных? – поежилась Дейзи.

– Этого не знает даже наш проницательный Городской пес, – осклабился Нытик. – Хотя он вечно лезет вон из шкуры, чтобы показать, будто он тут умнее всех!

Счастличик показал уродцу зубы и снова отвернулся к Дейзи.

– Нет, я не думаю, что Свирепые псы живут в Собачьем Саду, – твердо сказал он и перевел глаза на Луну. – Так что не стоит беспокоиться, они не нападут на Пороха По крайней мере, с этой стороны ему ничто не угрожает.

Луна решительно расправила плечи.

– Но мы все равно должны его освободить!

– Да, – так же твердо ответил Счастличик. – Кто знает, что на уме у этих опасных Длиннолапых? Мало ли, что они задумали с ним сделать!

– А вот и нет! – нагло осклабился Альфа. – Главное сейчас – это позаботиться о безопасности стаи. – Он вскинул голову и грозно обвел глазами растерянных собак. – Я повторяю: откуда мы знаем, что калека нам

не врет? Он слаб, а слабым нельзя доверять! Вдруг он заманивает нас в лапы Ужаса? Я уверен, что этот бешеный пес жаждет мести!

«Ты уверен в этом только потому, что сам такой же!» – в бешенстве подумал Счастливец, но промолчал.

– Клянусь, я не вру! – в отчаянии проскулил Хромой. – Я говорю правду! Поверьте, ведь я рисковал своей шкурой, когда тайком покинул стаю и пришел предупредить вас. Я всегда уважал Пороха и хочу ему помочь, поэтому я решил прийти сюда!

– Закрой пасть и не трать попусту время! – оборвал его Альфа. – Мы уходим. Немедленно.

Безобразный Нытик первый суетливо засеменил к полуволку:

– Правильно, о мудрый Альфа! Я с тобой, какое бы решение ты ни принял. Альфа наш вожак и его слово закон, не так ли, стая?

Стрела коротко кивнула и подошла к Альфе. Прыгушка и Кусака переглянулись, явно не в силах принять решение. Они сделали несколько шагов в сторону полуволка, потом остановились, нерешительно крутя головами, но когда Альфа уверенной поступью направился к выходу, обе собаки послушно потрусили за ним. Бруно тяжело крякнул, бросил виноватый взгляд на Счастливика и побрел следом, а Микки без колебаний побежал рядом с ним. Дейзи и Солнышко, опустив головы, тоже вышли из Дома еды, стараясь ни на шаг не отставать от черной Марты.

– Пойдите! – в отчаянии пролаяла Луна. Колючка и Жук по-прежнему стояли рядом с ней. – Что вы делаете? Неужели мы, дикая стая, бросим товарища в беде? Неужели мы даже не попытаемся его спасти?

Собаки виновато понурились, стараясь не встречаться с ней взглядом. Все молчали, и только Лапочка нашла в себе силы ответить:

– Так решил Альфа Слово вожака – закон.

Счастливику показалось, будто она сказала это нехотя, словно каждое слово давалось ей с трудом.

– А если бы не Порох, а Альфа попал в ловушку Длиннолапых? – с вызовом спросила Луна. – Разве тогда он хотел бы, чтобы мы бросили его в беде, а сами побежали спасать свои шкуры? Разве законы стайного товарищества и собачьего благородства уже ничего не значат на этой земле?

– Твой вопрос глуп, поэтому я не стану на него отвечать, – осклабился Альфа. – Я бы никогда не дал себя поймать, ясно?

Шерсть на загривке у Счастливика мгновенно встала дыбом, грозное рычание заклокотало в его горле.

Лапочка резко повернулась и бросила на него гневный взгляд.

– Хватит, Счастливец! – рявкнула она. – Не начинай!

Но он уже оскалил зубы. Если Лапочка рассчитывала его успокоить, то добилась совершенно обратного. Счастливец взорвался, и уже ничто не могло его остановить. Слепая ярость захлестнула его:

– Почему, Бета? Почему я должен молчать?

Альфа с рычанием обернулся и шагнул к Счастливику, но Лапочка его опередила.

– Довольно, Счастливик! – прорычала она, показывая зубы.

Он напрягся и несколько мгновений молчал, пытаясь справиться с бушующим бешенством. Какое бы решение он ни принял, действовать нужно было обдуманно и взвешенно, чтобы не навредить ни себе, ни другим.

«Почему я должен слушаться Лапочку? – стучало у него в висках. – Она поддерживает Альфу, хотя прекрасно знает, что он неправ! Она предает Пороха, лишь бы не спорить со своим обожаемым Альфой! Трусиха! На ее месте я бы уже давно сам выступил против Альфы, а она поджимает хвост и подчиняется любой его прихоти!»

Счастливик медленно провел языком по зубам, из последних сил удерживая злые слова, готовые вырваться наружу. Какой смысл ругаться с Лапочкой? Что это изменит? Сейчас важнее всего спасти Пороха, а все остальное может подождать! Главное – не позволить Альфе бросить его на произвол судьбы!

Счастливик решился. Вскинув голову, он прошел мимо Лапочки, нарочно пихнув ее плечом, да так сильно, что красавица едва не упала.

Даже не оглянувшись, Счастливик вышел из Дома еды наружу, где собаки терпеливо ожидали дальнейших распоряжений Альфы. Счастливик остановился перед стаей, молча, с вызовом, посмотрел в глаза каждой собаке и как можно шире расправил плечи. Сейчас ему во что бы то ни стало нужно было выглядеть как настоящий Альфа-самец – не больше и не меньше.

– Мы обязаны спасти Пороха! – коротко и резко пролаял он. – Альфа знает это не хуже каждого из вас! Так велит закон стаи, так велит закон собак!

Альфа как ошпаренный выскочил из Дома еды, подлетел к Счастливику и зарычал, оскалив клыки:

– Не думай, что я не догадался о твоих гнусных намерениях, Городской пес! Ты хочешь заманить мою стаю в ту же ловушку, которую подстроил Пороху!

На мгновение Счастливику показалось, будто он ослышался. Даже Альфа, при всей его самоуверенности и подозрительности, не мог всерьез подумать о нем такое! Счастливик вскинул голову, посмотрел на примолкшую стаю:

– Вы все знаете, что это неправда!

– Неужели? – вкрадчиво осведомился Альфа, зловеще щуря свои желтые волчьи глаза. – Давай-ка подумаем вместе. Итак, если мы отправляемся освобождать Пороха, то я, как Альфа и вожак стаи, буду обязан возглавить спасательный отряд, верно? Значит, именно я первым попадусь в ловушку Длиннолапых – именно так, как и задумал наш хитрый Городской пес! Избавившись от меня, ты приберешь мою стаю к своим загребущим лапам. Я правильно разгадал твои гнусные намерения?

– Чушь!

– Правда? О нет, Городской пес, я вижу тебя насквозь! Меня ты не одурачишь своими городскими хитростями! – Альфа задумчиво поскреб когтями по твердой черной земле. – Нет, Городской пес, я не стану плясать под твой хитрый скулеж! Я поступлю, как истинный вожак, который обязан защищать и беречь свою стаю.

– Это долг вожака велит тебе бросить члена стаи в беде? – бросил ему в глаза Счастливчик. – Это долг приказывает тебе погубить Пороха – или твоя трусость?

Альфа запрокинул голову и испустил страшный волчий рык.

– Я устал от этой бессмысленной перепалки, Городской пес. Если у тебя так свербит под шкурой, то на здоровье – можешь идти на все четыре стороны! Иди, спасай кого хочешь – только сам, на свой страх и риск. Не терпится угодить в западню – вперед! Но мою стаю ты за собой не утащишь, ясно?

– Может, мы спросим стаю? – прорычал Счастливчик.

Альфа развернулся так стремительно, что его серый косматый хвост больно хлестнул Счастливчика по носу. Счастливчик шумно втянул в себя воздух, едва удержавшись, чтобы не броситься на полуволка.

«Эй, опомнись! – прикрикнул он на себя. – Разве не ты недавно ругал Лизушку за то, что она сорвалась? Альфа нарочно тебя провоцирует, а ты хочешь все испортить и выставить себя перед всей стаей невоздержанным агрессивным псом? Держись, иначе тебя никто не поддержит!»

Альфа медленно поворачивал голову, заглядывая в глаза каждой собаке. Стая молчала, мертвая тишина стусилась над черной дорогой, усеянной телами Длиннолапых. Запах смерти вдруг показался Счастливчику почти нестерпимым.

– Все, кому жизнь не дорога, могут покинуть стаю и пойти за Счастливчиком, – проронил Альфа, оскалив клыки. – Все преданные собаки – за мной!

Глава XIV

Счастливчик со всех лап бросился к Альфе.

– Это неправильно! – пролаял он. – Зачем ты рвешь стаю по живому, нет никакой необходимости разделяться! Это же глупо! Неужели ты хочешь ослабить свою стаю, навсегда потеряв сразу несколько сильных и опытных собак?

Ему показалось, что полуволок готов без слов вцепиться ему в глотку, зато Лапочка вдруг встрепенулась и спросила, в упор глядя на Счастливчика:

– А что ты предлагаешь?

Счастливчик кивнул на Хромого, сидевшего на пороге Дома еды. Бедный пес, так жестоко обиженный теми, кого еще недавно считал своей стаей, весь съежился, прижав уши к голове.

– Пусть Хромой отведет нескольких из нас к Собачьему Саду и покажет, где Длиннолапые держат Пороха. А Альфа тем временем поведет остальных дальше вдоль реки и будет искать место для нового лагеря.

– Прости, но в этом случае стая все равно разделится, – заметила Лапочка, постукивая хвостом по земле.

– Нет, если отряд Альфы оставит для нас хороший след, – возразил Счастливец. – В этом случае мы просто догоним вас позже... То есть я и те, кто захочет пойти со мной.

Альфа открыл тяжелую пасть, но Лапочка опередила его.

– Отлично придумал! – она одобрительно кивнула своей прекрасной узкой головой. – Мы оставим след.

Счастливец моргнул. Лапочка была верной Бетой полуволка, но Счастливец шкурой чувствовал, как опасно сгустился воздух между ними. Альфа промолчал, но что он мог сказать? Вся стая слышала, как Бета приняла решение за Альфу и против его воли, а полуволку пришлось смолчать, чтобы не выставить себя дураком.

Но для Счастливика важнее всего было даже не это, а открытое проявление доверия Лапочки. Она знала, что Счастливец вернется, что он найдет дорогу в стаю, и ее вера сладким теплом отозвалась у него в животе.

Но Альфа, разумеется, не испытывал ничего подобного. Он раздвинул губы, обнажая клыки в презрительной усмешке, и проклокотал:

– Хорошо, Лапочка. Давайте представим, что кто-то вернется живым из этой безумной экспедиции!

Лапочка лишь вежливо склонила голову, делая вид, что не заметила ядовитой насмешки Альфы.

«Я сделаю все, чтобы она не разочаровалась во мне! – горячо поклялся про себя Счастливец. – Я приведу всех обратно целыми и невредимыми... если, конечно, кто-то захочет пойти со мной...»

Он совсем не был в этом уверен. Собаки негромко перешептывались, нерешительно постукивая хвостами по земле. Нытик демонстративно пересел поближе к Альфе и в злорадной ухмылке щерил на Счастливика свои кривые мелкие зубки.

«Ну, от тебя-то я никогда ничего хорошего не ждал! – с досадой подумал Счастливец. – Но что-то решат остальные?»

Луна первая решительно подбежала к нему и встала рядом. Жук и Колючка тут же оглушительно залаяли, но Луна строго оборвала их.

– Нет, дети! – рявкнула она. – Вы остаетесь. И никаких разговоров!

– Но мы тоже хотим пойти спасти своего Отца-пса! – заскулила Колючка.

– Я сказала – нет. Если я иду на такое дело, то должна знать, что мои дети в безопасности. Иначе я буду так волноваться за вас, что не смогу отдать все силы спасению вашего отца Разве вы этого хотите?

Жук печально повесил голову.

– Нет, просто...

Луна горячо лизнула обоим в макушки.

– Я его найду, даю слово!

Счастливец молча кивнул Луне. Он не сомневался, что она без рассуждений присоединится к нему, но как же остальные? Он прижал уши, пытаясь не прислушиваться к их негромким перешептываниям. Раз уж он решил связать свою судьбу с этой стаей, то не стоит лишний раз распалать в себе досаду на кого-либо из ее членов.

«Я предложил им выбор, поэтому не имею права осуждать их за любое решение, — напомнил себе Счастливец, переводя глаза с Бруно на Марту и обратно. — Они вольны поступить так, как им хочется».

Солнышко грустно понурилась, но нашла в себе мужество посмотреть Счастливику в глаза.

«Ничего, малышка, выше нос! — хотелось сказать Счастливику. — Я знаю, ты хорошая собака, просто маленькая и слабенькая».

Наверное, Солнышко и сама понимала, что в таком деле она будет только без толку путаться под лапами.

Но что-то решит Белла? Счастливец даже не знал, что он будет делать, если сестра снова предаст его...

Но когда он набрался храбрости посмотреть на Беллу, то понял, что его тревоги были напрасны. Не говоря ни слова, она спокойно и уверенно подошла к нему, и растроганный Счастливец, не в силах сдержаться, радостно завилял хвостом.

Лапочка сидела чуть в стороне от стаи, задумчиво глядя куда-то вдаль. С усилием поднявшись, Счастливец пошел к ней. От волнения у него перехватило горло, словно он подавился костью.

Она даже головы не повернула, но он без слов почувствовал ее ответ.

— Ты пойдешь с Альфой, да?

— Я его Бета, Счастливец, — грустно прошептала Лапочка. — У меня нет выбора.

Он съезжился, будто она его ударила.

«Она предпочла Альфу, а не меня!»

— У всех собак есть выбор! — выдавил Счастливец, не в силах сдержать досаду, рвавшуюся откуда-то из глубины сердца.

— Ты не понимаешь, Счастливец.

Но он уже вскочил на лапы — сердитый, взъерошенный, весь дрожащий от боли и отчаяния:

— Да, ты права, Лапочка! Этого я никогда не пойму!

Когда он вернулся обратно, то увидел Марту, тихо сидевшую рядом с Беллой.

«Добрая старая Марта, — растроганно подумал Счастливец. — Итак, у меня есть Белла, Марта и Луна. Что ж, не так плохо, как могло бы быть».

Лизушка вскочила с земли, мелкие камешки посыпались из-под ее лап:

— Ну что, когда выходим?

Когда Счастличик заглянул в ее нетерпеливые преданные глаза, ему показалось, будто огромный холодный камень провалился ему в живот.

– Не знаю, Лизушка.

Она села, озадаченно глядя на него:

– Как это? Надо торопиться!

– Нет! То есть... – Счастличик сплотнул, набрал в грудь побольше воздуха:

– Лизушка, я не думаю, что тебе стоит идти с нами. Ведь ты родилась в Собачьем Саду, так что...

– Ну и что? – протявкала она. – Что из этого?

Счастличик зажмурился. О, как много он отдал бы за то, чтобы не говорить тех слов, которые должен был сказать! Но Лизушка должна была знать правду, потому что он не мог ее взять.

– Лизушка, я считаю, что ты пока не готова.

– Что это значит? – непонимающе переспросила она.

– Ты еще не научилась контролировать свои инстинкты. В этом нет ничего страшного, все придет со временем, но сейчас. Я видел, как ты срываешься. Это было не раз и не два, – торопливо выпалил он, видя, что Лизушка собирается что-то сказать. – Ты слишком легко поддаешься гневу, Лизушка.

– И что? – с вызовом спросила она.

– А еще ты тайком встречалась с Клыкком, – негромко напомнил ей Счастличик. – В глубине своего сердца ты все еще привязана и к нему, и к своей старой стае. Не думай, будто я тебя в чем-то обвиняю! Это понятно, мы все собаки... Со временем и это пройдет, но пока... – Он подавил глубокий вздох. – Я считаю, что тебе пока не стоит возвращаться в Собачий Сад.

Он увидел, как шерсть на загривке Лизушки медленно зашевелилась, поднимаясь дыбом.

– Я предана нашей стае и готова это доказать. Возьми меня! Я вам пригожусь, вот увидишь!

Теперь Счастличик понял, что чувствовала Луна, когда приказала своим детям остаться. Он с усилием покачал головой.

– На этот раз ты останешься в стае, Лизушка. Прости меня. Это очень опасно.

Несколько мгновений молодая Свирепая собака молча смотрела ему в глаза, тяжело дыша от душившего ее гнева. Потом, не проронив ни слова, резко развернулась и пошла прочь.

Собака-Солнце резвилась на самой макушке неба, заливая горячим светом пыльные улицы мертвого города, когда участники спасательной экспедиции распрощались с остальной стаей. Хромой деликатно ждал в сторонке, пока Луна ласково вылизывала Колючку и терлась носом о щеку Жука. Счастличик покосился на Лапочку, но она намеренно не смотрела в его сторону.

Зато Альфа, напротив, с готовностью встретил его взгляд. Глаза полуволок оставались бесстрастны, но Счастливчик шкурой чувствовал, что их противостояние не закончено. Отвернувшись к своему отряду, он громко залаял, объявляя о том, что пора выступить.

— До свидания, Счастливчик, — грустно протянула Солнышко. — Возвращайся поскорее, ой...

— До встречи, — громко провыл ему вслед Микки.

Когда отряд добрался до леса, Луна остановилась и обернулась, и все остальные невольно посмотрели в ту же сторону.

Издалека доносились отрывистые приказы Альфы, стая вереницей тянулась через город в сторону зеленых холмов. Прыгушка, Кусака и Дейзи в последний раз пролаяли слова прощания, но громче всех надрывались Колучка и Жук.

«Надеюсь, мы справимся, — подумал Счастливчик. — Спасем Пороха и непременно вернемся обратно. Все вернемся!»

Для поры Алого Листа день выдался на удивление теплый, так что собаки с радостью вошли в прохладную лесную тень, несмотря на таящиеся там опасности. Хромой энергично бежал впереди, да с такой прытью, какую трудно было ожидать от калеки.

— Со стороны кажется, будто тебе без четвертой лапы даже лучше, — не скрывая удивления, сказал ему Счастливчик.

— Да, так и есть. Она мне только мешала, подводила на ровном месте, болела, мучила, — ответил Хромой. Он насторожил уши, прислушался, потом рысью промчался мимо двух сосен. — Понимаешь, без нее мне стало проще научиться ходить на трех лапах. Ничего страшного, после Большого Рыка с собаками и не такое случается!

«Что ж, с этим не поспоришь, — подумал Счастливчик, искренне восхищенный спокойным мужеством, с которым Хромой относился к своей потере. — Альфа просто слеп, если ему хватило ума прогнать такого пса! На таких, как Хромой, держится любая стая».

Вскоре его размышления были прерваны едким запахом, ударившим в ноздри. Счастливчик остановился и застыл, принюхиваясь. Что такое?

Собака-Солнце припекала так сильно, небо было синее-пресинее, откуда же взялось это грозное предупреждение о близкой беде?

— Что это? — прошептала Белла, останавливаясь рядом с братом Счастливчик наморщил кожу над глазами, до рези всматриваясь ввысь. Теперь он видел, что небо в просветах между ветвями деревьев отчетливо потемнело, а ветерок, совсем недавно радовавший долгожданной прохладой, стал сырым и пронзительным.

— Плохой дождь! — пролаял Счастливчик. — Он уже близко!

Марта тут же очутилась рядом.

— Но здесь нам даже негде укрыться! От деревьев проку немного, дождь прольется сквозь ветки!

– Вот в таких случаях я понимаю, почему Счастливчику когда-то нравилось жить в городе, – пробормотал Хромой, возвращаясь к остальным. – Там укрытий больше, чем пней в лесу!

– До Дома еды мы уже не успеем добежать, – вслух размышлял Счастливчик. – Значит, давайте поищем, где можно спрятаться здесь.

Не успел он договорить, как над головами у собак громыкнуло. Молния уже выбежал гоняться за Небесными Псами, а значит, дождь был совсем рядом. Собаки в растерянности сорвались с места, но тут же вернулись.

– В какую сторону бежать? – басовито пролаяла Марта.

Счастливчик окинул взглядом утопающие в тени деревья, ветки которых уже начали раскачиваться под усиливающимся ветром. За соснами виднелся поросший папоротниками склон, над которым стоял кряжистый дуб, искривленный ветрами и старостью.

– Бежим туда, вверх!

Собаки дружно бросились вверх по склону. Корни старого дуба толщиной в собачий хвост торчали прямо из земли, мешали бежать. Скрюченные ветки переплелись так густо, что закрыли небо.

– Лучшего места нам не найти, – пропыхтел Счастливчик, бросаясь прямо в переплетение корней. Торопясь и пихаясь, собаки заползли под корни и тесно прижались друг к другу, с тревогой поглядывая на быстро темнеющее небо.

«Это даже лучше, чем мы могли мечтать, лишь бы дождь был не очень сильный! – думал Счастливчик. – Смилуйтесь над нами, Небесные Псы! Не дайте нам умереть в этом лесу!»

Снова гулко ударил гром, и почти сразу же тяжелые капли застучали по листве над собачьими головами. Высокие сосны скрипели и стонали под яростью грозы, ветер выл над лесом, дождь яростно хлестал землю.

Как только первые капли дождя упали на траву, Марта вскочила и отскочила в сторону, врезавшись в Счастливчика. Он весь съежился, услышав, как Белла завывала от страха. Еще несколько капель шлепнулись на корень прямо перед его носом, с шипением поползли к Счастливчику.

«Дождь все-таки просачивается сквозь листву!» – в страхе понял он.

Сильный и жгучий смрад плохого дождя угрожающе нарастал, опалял ноздри. Счастливчик закашлялся и почти сразу же услышал, как заскулила Белла. Все новые и новые тяжелые капли с шипением падали на землю вокруг перепуганных собак. Капли были мокрые, но когда они падали на траву, та дымилась и чернела, как будто обожженная. Хромой трясся, словно в лихорадке, его зубы стучали.

– Все хорошо, – пролаял Счастливчик, пытаясь перекричать шум дождя. – Не волнуйтесь! Дождь скоро кончится!

– Да не в этом дело! – взвизгнула Белла и тут же сморщилась, когда очередная капля шлепнулась прямо между ее передними лапами. – Смотри, как этот дождь обжигает Собаку-Землю! Вдруг она рассердится и снова... зарычит?

– Нет, этого точно не будет! – провыл Счастливчик, нервно поводя ушами.

«Я опять вру, – морщась, как от боли, подумал он. – Когда я успел стать таким вруном? Я сам боюсь, как бы Собака-Земля не устроила нам новый Большой Рык!»

Тем временем дождевая вода уже струйками сбегала по кривому стволу дуба, капли стекали по глубоким трещинам и складкам коры, шипящими лужами скапливались на земле.

Луна с воем съезжилась и попятилась прочь от ядовитой воды, но разве спрячешься от дождя под дождем? Счастливчик в отчаянии закрыл глаза лапами.

«Собака-Земля, прошу тебя, сжался над нами! Не рычи, успокойся! Мы не сделали ничего плохого, не надо нас наказывать! Пощади!»

Хромой с усилием поднялся на ноги и отскочил от ручейка дымящейся воды, стремительно сбегавшей по стволу дуба.

– Нужно уходить отсюда!

«Он прав. Это убежище никуда не годится!»

Счастливчик вскочил и в панике стряхнул с себя несколько капель дождя, пока они не просочились под шерсть и не обожгли ему шкуру. В лесу царил мгла Тяжелые тучи плотно укутали землю, но чуть впереди, в нескольких кроличьих прыжках от того места, где прятались собаки, в гуще деревьев виднелся светло-серый просвет.

– За мной!

Собаки неуверенно поднялись и отряхнулись, явно не решаясь выйти из-под своего ненадежного укрытия. Счастливчик решительно выскочил под дождь и помчался со всех лап. Вскоре он услышал лихорадочный топот за спиной и понял, что его патрульные все-таки не решились остаться одни.

Он бежал вслепую, крепко зажмурившись, потому что боялся, что ядовитый дождь сожжет ему глаза. Куда несли его лапы? Вдруг он ведет свой отряд совсем в другую сторону? Паника сдавливала грудь, кусала за сердце, заставляла сбиваться с мерного бега, но Счастливчик упрямо продолжал бежать.

Внезапно он почувствовал под когтями твердый камень и с облегчением открыл глаза:

– Сюда!

Скалистый выступ был совсем невелик, но все-таки немного выступал над землей. Бросившись на живот, Счастливчик подполз под нависающий каменный карниз и почти сразу же почувствовал, как Белла врезалась в него сзади. Он пролез еще дальше в темноту и с удивлением обнаружил, что подземная пещера гораздо глубже, чем он думал. Остальные собаки дружно наседали сзади, в темной тесноте было слышно, как они скребут лапами по земле и тяжело дышат от напряжения. Перепуганные сердца грохотали громче раскатов грома. Сбившись в кучу, собаки повернулись носами к выходу и затихли, глядя на стену ливня и стремительно несущиеся черные тучи.

– Мы чудом успели! – прошептала Луна, прижавшись дрожащим боком к боку Счастливчика.

Он повернул голову, сбросил лапу Хромого со своего глаза. Земля в пещере была сырая и холодная, пропитанная множеством самых разных запахов.

Горьковатый аромат стнившей листвы был не в силах заглушить тошнотворную вонь мертвых мышей и улиточьей слизи, а прямо из-под этой мешанины пробивались старые запахи пограничных барсучьих меток. Счастливчик поежился, чувствуя, как покалывают его старые шрамы.

Нет, он не хотел надолго оставаться в этой дыре!

Его товарищи полностью разделяли его опасения. Счастливчик слышал, как они испуганно поскуливают, поводя носами, и дрожат от сырого холода, просачивавшегося под шерсть.

— Если дождь не прекратится в ближайшее время, я смогу тут немного поплавать, — пробормотала себе под нос Марта.

— Наверное, зря мы все это затеяли, — проворчал Хромой. — Вы меня простите, это я вас подбил.. Если хотите вернуться к Альфе, то не волнуйтесь, я все пойму! Вы еще успеете его догнать, если пуститесь бегом.

Счастливчик стиснул зубы и задержал дыхание.

«Кто тебя за язык тянет, дурья твоя голова? Зачем ты баламутишь собак? И ведь знаешь, что я не могу и не должен их удерживать! Они вправе сами решать, как поступить!»

— Я не брошу Пороха в беде! — резко пролаяла Луна. — А остальные пусть поступают так, как им сердце подсказывает. Я им не судья и не Альфа!

— Я ни за что не отступлюсь! — твякнула Белла. — Мы вместе пришли сюда, вместе и уйдем.

— Вот именно, — пробасила Марта, устраиваясь поудобнее.

Мышцы Счастливчика обмякли от облегчения.

«Значит, у нас есть надежда! — с молчаливым ликованием подумал он. — Даже если бы я сам подбирал себе отряд, то вряд ли смог бы выбрать лучших товарищей! С таким отрядом мне сам Большой Рык не страшен!»

Возможно, им все-таки удастся освободить Пороха.

«А если нам повезет, мы даже сумеем разноухать, что затевают эти опасные желтые Длиннолапые!»

Глава XV

«Небесные Псы сегодня настроены поиграть», — подумал Счастливчик, нервно выглядывая из пещеры. Только что с небес потоками лил дождь и сыпался черный пепел, так что пар и ядовитый дымок серым туманом заволакивали лес, а мокрая земля шипела и пускала пену, словно бешеная собака. Но вот ливень сменился редкой моросью, и Собака-Солнце весело улыбнулась сквозь мокрые ветки деревьев. Тусклый свет засиял на влажной коре, заискрился на листьях, заблестел на поверхности луж. Счастливчик облизнул клыки. Ему

страшно хотелось пить, но пес скорее умер бы от жажды, чем подошел к одной из этих ядовитых дождевых луж.

«Ладно, скажем спасибо хотя бы за то, что Собака-Земля не рассердилась и не страшнула с себя весь этот плохой дождь!» – с облегчением вздохнул Счастливец, поворачиваясь к своим товарищам.

– Все, вылезает – Большого Рыка не будет! Давайте поскорее займемся Порохом.

Хромой первым выбрался из плотной кучи собак, прохромал к выходу из пещеры, выглянул наружу и с удовлетворением потянулся.

– Идем!

С этими словами трехлапый пес бодро запрыгал по мокрой земле, а остальные собаки побежали за ним.

Вскоре они уже снова очутились в лесу. Земля быстро высыхала под теплым языком Собаки-Солнца, лужи исчезали на глазах, так что идти становилось все легче и легче.

Неожиданно Марта подняла голову, принюхалась и пихнула Счастливика плечом. В ее глазах появился возбужденный блеск.

– Мы приближаемся к реке!

– Наверное, это неплохо. Насколько я помню, Собачий Сад как раз неподалеку от реки.

Марта раздула ноздри, по ее густой черной шерсти пробежала дрожь.

– Но это плохая часть реки! Та, что была отравлена Большим Рыком.

– Что ж, в таком случае мы знаем, чего ждать, – вздохнул Счастливец и протявкали, обращаясь к остальным: – Эй, слушайте все! Мы скоро подойдем к реке, но пить из нее нельзя ни в коем случае! Это зараженный участок, там вся вода ядовитая. Но нам нужно пройти мимо, это как раз по пути в Собачий Сад.

– Вот и славно, – проворчала Марта. – Чем скорее мы туда доберемся, тем лучше. Мы и так потеряли уйму времени, кто знает, что случилось с бедным Порохом, пока мы пережидали дождь!

Высокая желтая трава расступилась перед собаками, и они увидели прямо перед собой серебристую полосу реки, ослепительно сверкавшей под лучами Собаки-Солнца.

«На первый взгляд выглядит она вполне безопасно, – подумал Счастливец, слюнявая слюну. Пить хотелось нестерпимо, шершавый язык с трудом ворочался в пасти. – Но все-таки лучше поостеречься, целее будем».

Он знал, что его товарищи мучаются ничуть не меньше и терпят из последних сил.

Хромой вдруг резко остановился, так что Счастливец едва не врезался в него.

– Стой, Счастливец! Там, смотри – на другом берегу!

– Что? – спросила Луна, вместе с Беллой подбегая к ним. Марта тоже подошла ближе, и все дружно напряглись, ожидая новой беды.

Припав к земле, Счастливчик прополз на животе через высокую траву и высунул нос, чтобы получше рассмотреть противоположный берег.

Собаки! Он узнал их мгновенно, с первого взгляда.

Маленькие, тощие от недоедания, собаки вповалку лежали на земле, а безумный Ужас расхаживал над ними, рыча и завывая от бешенства. Это была стая Хромого.

«Только бы они нас не увидели!»

Пронзительный голос Ужаса отчетливо разносился над рекой, так что слышно было каждое слово:

– Нет, вы плохо почитаете Собаку-Страх! Вы все делаете через силу, ни в ком из вас я не вижу подлинного унижения и почтения! Падите ниц перед великой Собакой-Страхом! Рассыптесь в прах перед ее могуществом! Молите ее о пощаде, иначе всем вам несдобровать! Бойтесь, бойтесь гнева великого Страх!

– Опять эта бесконечный бред про Собаку-Страх! – процедил Счастливчик.

Хромой испуганно покосился на него.

– Ты не веришь в Собаку-Страх?

– Нет, конечно! – фыркнул Счастливчик. – Ужас нарочно городит этот бред, чтобы запугать свою стаю и держать ее в повиновении. Я тебе больше скажу – все эти рассказы про Собаку-Страх оскорбляют настоящих Всесобак, и они еще покарают Ужаса за его дерзость!

Хромой с опаской передернул плечами.

– А если Собака-Страх все-таки существует? Мы же не знаем всех Всесобак, мало ли какие там есть.

– А вдруг он прав, Счастливчик? – прошептала Марта, не сводя глаз с беснующегося на противоположном берегу Ужаса. – Если ты никогда не слышал про какую-то Всесобаку, это не означает, что ее существует. Вот когда мы все жили в городе, мы даже про Небесных Псов ничего не знали!

– Верно, – подтвердила Белла. – Мы узнали о Небесных Псах от тебя, Счастливчик, но на самом деле они существовали всегда! Может быть, на свете есть и такие Всесобаки, о которых ты не знаешь.

Счастливчик вновь почувствовал неприятный холодок сомнения.

Он тяжело вздохнул, поскреб когтями по песку.

– Что ж, с этим трудно спорить. Конечно, я не знаю всех Всесобак, которые правят нашим миром, ни одна собака их не знает. И все-таки что-то мне подсказывает, что Собаки-Страха среди них нет.

– Почему? – с затаенной надеждой спросила Белла.

– Разве мы не чувствуем присутствия Всесобак, когда обращаемся к ним? – сбивчиво протявжал Счастливчик. – вспомните о Великой песне, о том, что вы все чувствуете, когда оказываетесь в ее власти. Разве кто-нибудь из вас хоть раз ощущал присутствие Собаки-Страха? Мы все знаем, что у нашей Марты особая связь с Собакой-Рекой, и во время Великой песни мы все чувствуем эту связь. Мы знаем, что Собака-Река приходит на зов Марты, она поет вместе с ней, и мы шкурами и кишками ощущаем ее присутствие. А теперь взгляните на Ужаса! – Счастливчик брезгливо мотнул головой в сторону безумного пса, расхаживавшего среди распростертых на песке собак. – Если Собака-Страх и существует где-то, то только в голове этого бешеного пса!

– Но Ужас говорит... – неуверенно начал Хромой.

– Вот именно! – перебил его Счастливчик. – Ты сам никогда не чувствовал присутствия Собаки-Страха, верно? Ты знаешь о ней только со слов Ужаса, потому что он единственный ее видит! И ты, и твоя стая, вы все верите его словам. Никто из вас никогда не видел Собаку-Страх, никогда не ощущал ее близость, она никогда не откликнулась на ваши песни. Ужас внушил вам, что она существует, вот и все. Он просто больной и злой пес. Он бьется в припадках, а потом называет свои приступы «посланиями» от Собаки-Страха. Это все чушь собачья, вот что я скажу! На вашем месте я бы не доверял каждому его слову, а попробовал бы подумать своей головой.

– Тебе легко говорить, – нервно пробормотал Хромой. – А вот когда...

– Хромой, – мягко сказала Белла. – Ты знаешь, что Счастливчик прав. Я однажды видела пса, очень похожего на вашего Ужаса...

Хромой насторожил уши, а Счастливчик даже расхохотался от неожиданности:

– Второго Ужаса? Ни за что не поверю!

– Честное слово, – воскликнула Белла. – Я хорошо запомнила твой рассказ о его припадке. Ты сказал, что он дергался всем телом, у него закатились глаза, и из пасти шла пена? Ну так вот, я видела похожее, когда мои Длиннолапые возили меня к ветеринару.

– К кому? – переспросила Луна.

– К таким Длиннолапым, к которым привозят Собачек-на-поводочке, если они заболеют. Это очень мудрые Длиннолапые, у них зеленая шерсть и они умеют исцелять больных собак.

– Ну и ну! – недоверчиво фыркнула Луна. – Чего только не бывает на белом свете!

Но Белла не стала обращать внимания на ее слова.

– Конечно, у этих Длиннолапых тоже есть свои недостатки, – продолжала она. – Иногда они без всякой причины тычут собакам в шкуру разными острыми штуковинами, но даже это можно простить, потому что после таких укусов собаки всегда чувствуют себя лучше. В тот раз я съела какую-то гадость и мне было так плохо, что мои Длиннолапые привезли меня к ветеринарам. Мы сидели в маленькой комнатке и ждали, не согласится ли кто-нибудь из зеленошкурых Длиннолапых меня вылечить. И с нами была еще одна собака, мелкая комнатная собачонка с длинной шерсткой. Так вот, она вела себя в точности, как Ужас – вся дрыгалась и дергалась, визжала, каталась по полу своей клетки и закатывала глаза, как собака с водяным бешенством. Наверное, Длиннолапые заперли ее в клетку, чтобы она их не искусала. Может быть, она тоже разговаривала с Собакой-Страхом, но я так

не думаю. Она просто очень тяжело заболела и страшно мучилась, поэтому зеленый Длиннолапый вышел из своей конуры и забрал ее с собой.

Собаки надолго замолчали, переваривая страшный рассказ Беллы.

— Она так оттуда и не вышла, — дрожащим голосом проскулила Белла. — Ветеринар унес ее, и больше мы ее не увидели! Так вот, я не думаю, что она разговаривала со Всесобаками. Ей было не до этого. Бедняжка ужасно страдала, видели бы вы, как она корчилась! Длиннолапые знают толк в болезнях, а ветеринары это самые мудрые и добрые из всех Длиннолапых! И никто из них не подумал, будто белая собачка получает послания от кого-то, они сразу поняли, что ее нужно лечить. Так что этот Ужас, скорее всего, просто заболел, вот и все.

Счастливчик облизнул пересохшие губы. Порой Собачки-на-поводочке поражали его своими неожиданными познаниями в самых разных областях, вот и сейчас рассказ Беллы успокоил его. Возможно, безумию Ужаса есть простое и понятное объяснение. Он как раз собрался ответить Белле, как вдруг с другого берега донесся оглушительный рев. Счастливчик и его друзья в страхе повернули головы в сторону реки.

— Как ты посмел? — прорычал Ужас, бросаясь на маленького черного пса. Он с размаху обрушил свои тяжелые передние лапы на грудь провинившегося, навалился на него всем своим весом. — Как ты посмел усомниться во всемогуществе Собаки-Ужаса?

Вся стая разразилась истерическим визгом, и только маленький черный песик молча дергался на песке, судорожно размахивая лапами.

— О великий Ужас, умоляю тебя, сжался! — проскулила какая-то собака, подползая к своему страшному Альфе. — Поверь, Всплеск не хотел...

С диким ревом Ужас обернулся, схватил незадачливую заступницу зубами за шкуру и несколько раз с силой встряхнул ее в воздухе, прежде чем швырнуть на землю. Всплеск попытался воспользоваться передышкой, чтобы отползти в сторону, но бедняга настолько обессилел от страха, что смог только сильнее вжаться в песок.

— Видел? — хрипло выдавил Хромой, поворачивая голову к Счастливчику. — Вот так Ужас заставляет нас повиноваться. Кто осмелится возразить такому Альфе? Попади ты в нашу стаю, ты бы через пару дней сам себя не узнал. Вы даже не представляете, какой послушной становится собака, когда она не знает, чего ждать от своего Альфы!

— Выходит, собаки в твоей стае совсем не бешеные, — прошептала Луна. — Они просто до смерти запуганы!

— Вот именно, — проворчал Хромой. — Они совсем не плохие, честное слово! Но они, как и я, не в силах победить свой страх перед Ужасом.

— Ты пошел на огромный риск, когда решил помочь нам, — растроганно произнесла Луна. — Я только сейчас поняла, какой ты храбрец! Спасибо тебе, я никогда этого не забуду.

— Может, мы должны вмешаться? — неуверенно спросила Марта. — Надо помочь этим бедным собакам!

Но Белла только с грустью покачала головой:

— Нет, я думаю, что мы должны как можно быстрее унести отсюда лапы, пока кто-нибудь из этих собак не увидел Хромого.

Хромой с благодарностью посмотрел на нее, виляя хвостом.

– Признаться, меня больше интересует спасение Пороха, чем загадки поведения этого бешеного пса, – пробурчала Луна. – Давайте поскорее уйдем отсюда!

– Тогда лучше сделать кряк и подойти к Собачьему Саду с другой стороны, – решил Счастливчик. – Я не хочу, чтобы Ужас услышал нас или почувал наш запах. Кто знает, что придет в его большую голову!

– Об этом можешь не волноваться, – прошептал Хромой. – Поверь мне, когда Ужас впадает в бешенство, он ничего не видит, не слышит и не чувствует.

Отряд Счастливчика бесшумно нырнул в высокую траву. Собаки немного отошли в сторону леса и побрели вдоль реки, стараясь держаться за деревьями. Здесь идти было намного тяжелее: лапы увязали во влажном песке, любые запахи тонули в сыром воздухе, пропахшем вонью осклизлой коры и сгнивших растений.

«Ничего, нет худа без добра, – привычно утешил себя Счастливчик, с отвращением выдергивая лапу из чавкающей грязи. – Зато Ужас нас тут точно не почувет!»

Зато звуки, в отличие от запахов, были слышны очень отчетливо. Через какое-то время собаки резко остановились, напуганные шорохом и хрустом сухих листьев под чьими-то осторожными лапами.

– Да что же такое! – проскулила Белла. – Почему все опасные существа собрались именно в этом лесу? Неужели других мест нет?

Луна насторожила уши, описала небольшой круг.

– Как вам кажется, с какой стороны подходит эта собака?

Счастливчик наклонил голову, подумал.

– Она сзади. Если мы продолжим идти вперед, то оторвемся от нее и не дадим повода считать себя угрозой. Мало ли, может быть, мы просто ничего не заметили! Давайте сделаем вид, будто не знаем о том, что за нами кто-то идет, только на всякий случай выстроимся цепью, бок к боку да поплотнее.

Собаки перестроились и молча зашагали дальше, время от времени бросая косые взгляды назад. Луна шла справа от Счастливчика, Белла прижималась к его левому боку. Судя по настороженным взглядам собак, они все продолжали слышать шаги за спиной.

– Не нравится мне это, – пробормотал Счастливчик, когда они прошли еще немного. – Кто бы это ни был, он не собирается отставать. Давайте сделаем так – пусть Луна и Белла разойдутся в стороны и пойдут помедленнее, а я буду идти, как раньше. Если собака пойдет за мной, вы снова сомкнитесь и отрежьте ей путь назад. Давайте посмотрим, кто она такая и что ей от нас нужно!

Луна и Белла молча кивнули и, косясь на Счастливчика, разбежались в стороны и скрылись за деревьями. Счастливчик с гордостью отметил, что Белла выполнила этот сложный маневр почти так же бесшумно и ловко, как опытная Луна.

Хромой и Марта придвинулись ближе к Счастливику и заняли опустевшие места по бокам от него.

Следующий короткий переход оказался невыносимо мучительным для Счастливика. Попробуй шагать, как ни в чем не бывало, зная, что невидимый враг неотступно крадется за тобой по пятам, так что вся твоя шкура чешется от напряжения и желания обернуться! Но Счастливик, стиснув зубы, продолжал идти вперед. Тем временем тихий шорох шагов неумолимо приближался, а вместе с ним ощутимее становился и запах. Еще несколько шагов, и уже можно будет точно сказать, кто идет сзади – собака из стаи Ужаса, один из Свирепых псов или случайный незнакомец.

«Как-то там Белла и Марта?» – думал Счастливик, инстинктивно замедляя шаг.

Наконец ветерок подхватил запах невидимого пса и отнес его прямо в нос Счастливику.

– Вперед! – твякнул он, резко разворачиваясь.

Хромой и Марта резко развернулись и бросились на преследователя. Незнакомый пес остановился, явно ошарашенный таким поворотом событий, но Собака-Солнце на миг ослепила Счастливика, так что он сумел разглядеть только блестящую шкуру и бугры мышц, перекатывавшихся под ней.

Свирепая собака!

Бежать было уже поздно, значит, придется принимать бой, чем бы он тут ни закончился. Счастливик с рычанием бросился на опешившую собаку, которая уже развернулась, словно хотела броситься наутек, но Белла и Марта грозно преградили ей путь к отступлению.

Собака чуть замешкалась, и этого оказалось достаточно, чтобы Счастливик в два прыжка очутился рядом с ней. Он прыгнул, сбил собаку с ног, и она кубарем покатилась по палой листве. Луна была уже тут как тут. Громко рыча, она вскочила передними лапами на грудь упавшей собаке и попыталась удержать ее на земле, но это оказалось не так-то просто. Преследовательница уже успела прийти в себя и теперь бешено брыкалась, так, что тугие мышцы так и ходили ходуном под ее блестящей шкурой. Хромой, Белла и Марта бросились на помощь Луне, с рычанием обступили вырывающуюся пленницу.

Все произошло так быстро, что Счастливик даже дух не успел перевести. Но когда он наконец как следует вздохнул, то в ноздри ему ударил густой запах. Счастливик с рычанием отскочил назад, открыв пасть. Тем временем собака сбросила с себя Луну и вскочила.

– Ли... зушка! – сдавленно пролаял Счастливик.

Да, это была она. Лизушка стояла, выпрямив лапы и слегка понутив голову, едва заметно подергивая хвостом. Ее лоснящиеся бока тяжело вздымались, на морде было написано выражение подлинного раскаяния.

– Во имя Собаки-Земли, что ты здесь делаешь? – завыл Счастливик.

Луна, Хромой, Марта и Белла, не стовариваясь, расступились и сели, уставившись на молодую свирепую собаку.

– Я хотела вам помочь, – проскулила Лизушка. – А ты запретил мне!

– Но я же объяснил почему! – пролаял Счастливик.

– Я не хотела оставаться с Альфой и другими, – пробормотала Лизушка. – И никто из них даже не попытался меня остановить! Не думаю, что кто-то вообще заметил, что я ушла. Кому я там нужна без тебя?

– Но Альфа придет в ярость, когда узнает, что ты сбежала без разрешения, – заметила Белла, слегка наклонив кончики ушей.

– А вот и нет, – буркнула Лизушка. – Вы прекрасно знаете, что он спит и видит, как бы от меня избавиться.

Счастличик облизнул клыки, пытаясь справиться с гневом и растерянностью. Он не знал, как поступить. С одной стороны, его сердце разрывалось от жалости к Лизушке. Кто-кто, а он прекрасно знал, что в ее словах было слишком много горькой правды. И Альфа, и многие другие члены стаи смотрели на Лизушку как на пустое место, и только вздохнули бы с облегчением, если бы она навсегда исчезла из их жизни. С другой стороны, Счастличика не на шутку испугало то, что он не узнал Лизушку. Когда он прыгнул на нее, то был в полной уверенности, что сражается со взрослой свирепой собакой.

«Она больше не щенок! Я даже не заметил, как она выросла».

Перед ним была взрослая собака... со щенячьим именем.

Счастличик встряхнулся, раздраженный тем, что его сердце, как всегда, уже простило Лизушку.

– Это не имеет значения! Ты поступила безрассудно. Ты могла подвести нас, сорвать всю экспедицию!

– Глупости! – бесстрашно выпалила Лизушка, но тут же, смутившись, шлепнулась на землю и снизу вверх умоляюще посмотрела на Счастличика: – Как ты не поймешь, я просто не могла поступить иначе! Я должна была вам помочь, это сильнее меня! Я бы просто с ума сошла, если бы мне пришлось сидеть и ждать, поджав хвост. Это как с едой или водой – ты просто ешь и пьешь, потому что не можешь этого не делать. Все мое тело велело мне идти за вами!

Счастличик потряс ушами, чтобы поскорее прояснилось в голове. Все собаки молча смотрели на него, ожидая его решения.

«Я возглавляю эту экспедицию, значит, мне и решать. Как я скажу, так и будет».

Он сел и мрачно посмотрел на Лизушку.

– Что ж, вернуться назад ты уже не можешь. – Счастличик наморщил нос и грозно оскалил зубы: – Хотя я очень хочу отправить тебя прочь!

Лизушка с затаенной надеждой насторожила уши.

– Но я не могу отпустить тебя одну в такую даль, – продолжал Счастличик. – Да услышат меня Небесные Псы, Лизушка, я бы хотел, чтобы Альфа задал тебе хорошую трепку!

Лизушка виновато заскулила и еще плотнее вжалась в землю, демонстрируя полную покорность.

– Но я боюсь, что ты заблудишься или – того хуже – попадешься в лапы Ужаса и его стаи. Значит, мне придется взять тебя с нами.

Лизушка радостно вскочила с земли. От ее виноватого вида не осталось и следа, она едва сдерживалась, чтобы не пуститься вскачь от счастья.

– Спасибо, Счастливчик! Я вам пригожусь, вот увидишь!

– Это мы еще посмотрим, а пока делай только то, что тебе говорят, – проворчал он. – И не думай, будто я рад тому, что ты навязалась нам на голову!

– Все правильно, Счастливчик, – вздохнула Луна. – Она не оставила нам выбора, придется взять ее с собой.

Белла, Марта и Хромой, качая головами, недовольно смотрели на Лизушку.

«Так тебе и надо! – мстительно подумал Счастливчик. – Спасибо Небесным Псам, тебе хватило ума изобразить раскаяние, но я все равно очень зол!»

– Значит, решено, – пролаял он вслух. – Мы идем дальше, а ты идешь с нами. Но если ты посмеешь хоть в чем-то меня ослушаться, пеняй на себя! Все, закончили с этим. Идем искать Пороха.

Глава XVI

Острый снег сыпался с черного неба Счастливчик уворачивался и метался из стороны в сторону, втянув голову в плечи, чтобы мелкие крупинки не искромсали его шкуру. Снежинки отскакивали от травы и снова падали на нее, вскоре они уже укутывали землю, зловеще поблескивая в темноте. Счастливчик чувствовал, как Собака-Земля глухо ворчит у него под лапами, содрогаясь от боли и гнева.

«Пожалуйста, не сердись на меня! – молил про себя Счастливчик. – Это острый снег царапает тебя, я тут ни при чем».

Но земля продолжала дрожать. Или Собака-Земля не слышала мольбы Счастливчика, или ей было все равно.

Внезапно земля резко вздыбилась, и Счастливчик в ужасе бросился бегом, не обращая внимания на Рык и укусы острых снежинок. Он вихрем влетел в лес, надеясь, что деревья защитят его от ярости Всесобак, но черное небо над его головой вдруг стремительно просветлело до ослепительной серебряной белизны. Ночь без перехода сменилась днем. Послышался грозный лай Молнии, да такой громкий, что оглушенный Счастливчик втянул голову в плечи. Снежные осколки рассыпались, превратились в мельчайшую крошку, которая дождем сыпалась сквозь ветви деревьев, не оставляя никакого спасения.

«Это сон! Всего лишь страшный сон!»

Но беда в том, что он не мог себя успокоить. Чувство опасности, словно грязная вода, насквозь пропитало его шерсть. Нужно было бояться. Бежать. Мчаться наутек, спешить, спастись... но от чего? Вокруг не было ничего, кроме удушливого, мертвящего, всепоглощающего ужаса. Рядом с ним не было

Собаки-Страха, ее вообще не было на свете... но разве это причина не испытывать страха? И все-таки Счастличик не боялся.

Он не боялся потому, что знал – от Грозы не убежать.

Гроза! Эта мысль озарила его, как ослепительный прыжок Молнии. О, это было намного страшнее острого снега! Настоящий Молния залаял с высоты и ударил своим огненным когтем в дерево, которое затрещало и надломилось посередине. Собака-Земля взвыла от ярости.

«Пожалуйста, Собака-Земля, не рычи на нас! – взмолился Счастличик. – Пожалей нас и пощади, мы не сделали ничего плохого».

Мир не вынесет еще одного Большого Рыка Он не выдержит войны между Всесобаками...

Если земным собакам придется выбирать сторону в Собачьей Грозе, наступит конец всему.

Счастличик проснулся, будто от толчка. Первым делом он как следует отряхнулся, чтобы сбросить с себя кошмарный сон, как крупички острого снега. Но ощущение опасности не уходило, оно прочно обосновалось у Счастличика в кишках, заглушив все остальные ощущения до такой степени, что он и в самом деле почувствовал, как что-то сыплется ему на шкуру. Паника захлестнула Счастличика, подкатила к горлу.

«Это острый снег? Мой сон сбылся наяву?»

Нет, конечно же, это был не снег. Просто шел дождь. Обычный дождь, даже не плохой – капли не обжигали шкуру, не кусали за шерсть. Чувство облегчения было настолько велико, что Счастличик заскулил, виляя хвостом. Чей-то язык прошелся по его шерсти, слизывая капли, и Счастличик узнал запах Лизушки. Она осторожно вылизывала его, чтобы разбудить.

– Ты здоров, Счастличик? – с искренней тревогой спросила Лизушка.

– Конечно! Все хорошо, – но Счастличик знал, что ему не удастся ее обмануть. Он тяжело дышал, его бока ходили ходуном. Стлотнув застрявший в горле ком, Счастличик уткнулся носом в шерсть молодой собаки. – Просто плохой сон приснился, ничего страшного.

Лизушка склонила голову набок, моргнула.

– Точно? Ты выглядишь очень испуганным, Счастличик. Наверное, это был ужасный сон. Я проснулась от того, что ты пихался, смотрю – а у тебя лапы дергаются, как будто ты куда-то бежишь во сне. От кого ты убежал?

Счастличик невольно фыркнул.

– Эх, Лизушка, хорошо быть молодой! Чем дольше живешь, тем больше тревожишься, и тем страшнее сны тебе снятся. – Он ласково лизнул молодую собаку в ухо. – Кстати, о снах. Тебе больше не снились странные сны? Про Клыка?

– Нет, – тихо проскулила Лизушка. – Знаешь, эти сны прекратились сразу после того, как я сказала Клыку, что останусь в нашей стае. Странно, правда? Но сейчас мне тоже приснился кошмар, только совсем другой. Из-за этого я и проснулась.

– Кошмар? – встрепенулся Счастливчик и снова лизнул ее в мягкое ухо. – Какой?

– Трудно сказать... Теперь я уже многое забыла, но хорошо помню, что это был сплошной ужас. Мне приснилось, будто с неба сыпался ледяной колючий дождь, который царапал и резал мою шкуру... Кажется, там еще был Молния, он почему-то воевал с Собакой-Землей, они оба так страшно сердились и рычали... Ерунда какая-то, да? Но было очень страшно.

Счастливчик так и застыл с открытой пастью. Тревожный холод разлился по его телу, превращая лапы в камень. Он с усилием стряхнул с себя цепенящий страх и откашлялся:

– Ладно, пора идти. Нужно как можно скорее добраться до Пороха.

– Вот и хорошо! – протявкала Лизушка, с готовностью вскакивая с места. – Терпеть не могу дождь, пусть даже он не ядовитый! Ненавижу мокнуть!

Спохватившись, Счастливчик бросился к Лизушке и принялся энергично растирать ее шерсть языком, чтобы поскорее согреть. Как он мог забыть, что у свирепых собак шерсть совсем короткая, поэтому они мгновенно замерзают!

«Славная Лизушка! – растроганно думал Счастливчик, прижимаясь боком к дрожащему боку молодой собаки. – Совсем замерзла, но даже не подумала пожаловаться!»

Они поспешно разбудили остальных, и собаки, зевая и потягиваясь, начали вставать.

– Что будем делать? – спросил Хромой, весело поглядывая на сонных собак. – Судя по всему, дождь зарядил надолго. Будет нелегко топтать по грязи.

Белла задумчиво твякнула:

– Да и далеко ли мы пройдем на пустой желудок?

– Нет! – решительно объявил Счастливчик. – Дождь и голод нас здесь не задержат! Подкрепиться, конечно, не помешает, но мы постараемся сделать это по пути. Держите носы по ветру, сейчас нам стодится любая дичь, согласны?

– Еще бы! – горячо поддержала его Луна. – Главное – как можно скорее добраться до Собачьего Сада.

Не прибавив больше ни слова, она вскочила и бросилась в ту сторону, куда они шли накануне. Вскоре оказалось, что Луна очень вовремя заняла место Хромого. Ведный калека с трудом ковылял по грязи, то и дело оступаясь и скользя на своих трех лапах.

– Ты как? – с тревогой спросила его Лизушка. – Может, тебе помочь?

– Нет, все в порядке, – ворчливо ответил Хромой. – Идите, не обращайтесь на меня внимания. Я справлюсь.

– С ним все будет хорошо, – негромко сказал Лизушке Счастливчик. – Нам всем стоит поучиться у Хромого умению выживать и приспосабливаться! Лизушка, ты не могла бы идти прямо передо мной?

– Зачем? – угрюмо спросила она. – Хочешь присматривать за мной?

Густые брови Лизушки сдвинулись, морда сморщилась.

— Угадала, — коротко ответил Счастливчик. Сейчас у него не было ни сил, ни времени спорить со строптивой молодой собакой. Дождь не стихал, он сплошным потоком обрушивался на путников, заливал им глаза, щекотал ноздри, хлюпал под лапами. Счастливчик слышал, как Лизушка кряхтела от напряжения, вытаскивая лапы из чавкающей грязи.

Когда они добрались до вершины поросшего травой холма, молодая собака вдруг оступилась, поскользнулась и, рухнув на бок, беспомощно заскользила вниз по склону. По пути Лизушка сшибла с ног поднимающуюся Беллу, и обе собаки кувыркком скатились к подножию холма.

Вскочив на лапы, Лизушка в бешенстве залаяла на землю:

— Ты что творишь? Ты зачем это делаешь?

Счастливчик с трудом спустился вниз и подбежал к упавшим собакам. Он помог Белле подняться и потерся носом о щеку Лизушки, чтобы успокоить ее.

— Ничего страшного, Лизушка! Все бывает, это просто случайность.

Но она и не думала успокаиваться:

— Собака-Земля нарочно мешает нам добраться до Собачьего Сада! Она не хочет, чтобы мы освободили Пороха! Почему она ополчилась против нас?

Счастливчик с тревогой покосился на Луну и шикнул на распалившуюся Лизушку:

— Хватит, не глупи! Собака-Земля здесь ни при чем, просто в такой ливень всем нужно быть втрое осторожнее.

— Ах, она тут ни при чем? — взвывла Лизушка, гневно полосуюя когтями мокрую землю. — С чего ты это взял? Ты просто выгораживаешь Собаку-Землю, потому что боишься с ней поссориться! Она могла бы нам помочь, потому что мы делаем доброе дело, но вместо этого твоя драгоценная Собака-Земля нам только мешает!

— Лизушка, это не так, ты просто не понимаешь...

— Я понимаю все, что нужно понимать! Может быть, Собака-Земля уже давно возненавидела всех собак, поэтому и наслала на нас свой Большой Рык? Что, если она хочет погубить нас всех?

Счастливчик облизнул пасть, пробуя дождевую воду на вкус. Потом потер лапой мокрые глаза, ему вдруг расхотелось продолжать разговор с Лизушкой. Он испугался.

«Я никогда не думал об этом вот так... Неужели Собака-Земля могла так жестоко ополчиться на собак? Ведь она всегда была нашей защитницей... она нас любит...

Или уже нет?»

К тому времени когда за деревьями показалась проволочная ограда Собачьего Сада, Счастливчик настолько выбился из сил, что даже не обрадовался. Лизушка едва волочила лапы, она так устала, что уже не смотрела вниз и на ходу клевала носом. Счастливчику даже пришлось легонько куснуть ее за

спину, чтобы заставить остановиться. Луна испуганно охнула, вытаращила глаза.

– Собачий Сад, – еле слышно прошептала она. – Порох...

Грозная ограда была на месте. Она вздымалась в серое небо так высоко, что казалось, вот-вот проткнет тучи. За оградой виднелись утопающие в сумраке невысокие длинные постройки с темными от ливня стенами. Грязные прозрачные камни горели тусклым зловещим светом.

Счастливчик почувствовал, как дрожит Белла, стоящая рядом с ним.

– Здесь до сих пор чувствуется запах зла, – прошептала она. – Нужно быть как можно осторожнее!

– Я узнаю это место! – таким же шепотом ответила Лизушка. Она вся дрожала, даже в темноте было видно, как блестят белки ее глаз. – Я его помню...

Счастливчик ласково потерся щекой о ее бок.

«Конечно, ты все помнишь. Это же место, где ты родилась, где умерла твоя Мама-Собака. Здесь ты провела первые дни своей жизни, здесь ты голодала вместе с братьями, рядом с мертвым телом вашего умершего брата...»

Он снова засомневался, правильно ли сделал, взяв Лизушку с собой. Может, все-таки нужно было отправить ее обратно в стаю? Неужели опасности, таящиеся в чаще леса, могут быть страшнее того, что ждало Лизушку здесь? Что, если она не выдержит?

Но какой смысл терзаться этими мыслями теперь? Решение уже принято, отступать поздно. Сейчас все, что он может сделать, – это как следует присматривать за Лизушкой.

Белла уже вела собак вокруг забора, стараясь держаться ближе к земле и бесшумно переставлять лапы. Она держала голову очень низко, вынуживая памятный Счастливчику лаз под оградой, через который можно было пробраться внутрь. В одном месте Белла остановилась, принялась и принялась лихорадочно разрывать когтями траву. Счастливчик с тревогой увидел, как радостный блеск в глазах сестры сменился выражением отчаяния:

– Лаз я нашла, но Длиннолапые его заделали! Там теперь новая проволока, а сам лаз засыпан землей и камнями!

– О нет, только не это! – простонал Счастливчик. Он бросился к лазу и с помощью Луны и Хромого принялся рыть твердую землю, пытаясь углубить отверстие.

– Что же делать? – провыла Луна, отскакивая от изгороди. Несмотря на все усилия, им не удалось проскрести хоть сколько-нибудь заметного углубления. Луна в отчаянии вскочила на задние лапы, упершись передними в проволочную ограду. – Мы должны пробраться туда!

– Постой-ка! – пропыхтел Хромой и потыкал в землю передней лапой. – Сдается мне, Длиннолапые слишком торопились, поэтому сделали свою работу кое-как. Мы прорвемся, вот увидите!

Прибодрившись, все шестеро собак с новыми силами принялись копать землю и царапать проволоку. В тех местах, где Длиннолапые залатали изгородь, тонкая проволока блестела гораздо ярче, поэтому слабые места были хорошо видны. При помощи зубов и когтей Луна и Счастливчик сумели распустить

проволоку, а Марта своими огромными лапами разбросала землю, существенно расширив проход Убегая из сада, Свирепые псы заметно углубили лаз, но копать свежую землю было все равно очень тяжело. Несмотря на все старания собак, половина вырытой земли немедленно осыпалась обратно, так что когда работа подошла к концу, шестерка спасателей совсем выбилась из сил.

– Я пойду первым, – объявил Счастливчик. – Я привел вас сюда, поэтому будет справедливо, если я первый встречусь нос к носу с опасностью!

Сделав глубокий вдох, он просунул голову в выкопанный туннель и с усилием оттолкнулся задними лапами. Мелкие камешки до крови расцарапали ему уши, но Счастливчик продолжал протискиваться и брыкаться, пока не почувствовал, что его плечи вышли наружу.

Он выплюнул землю и камешки, высунул голову и как следует встряхнул ушами. Но на этом его испытания еще не закончились. Когда пришла очередь вытаскивать зад, Счастливчик с ужасом понял, что его хребет категорически не хочет сгибаться до нужного предела.

«Я застрял!»

Паника сдавила горло, он судорожно закашлялся. К счастью, страх придал Счастливчику сил, он неистово оттолкнулся задней лапой, вырвался из лаза и кубарем покатился по подстриженной траве. Ободранная спина горела огнем, но он был свободен!

«Если, конечно, можно быть свободным в Собачьем Саду...»

И все-таки Счастливчику хотелось громко залаять от облегчения. Отчаянно виляя хвостом, он негромко тявкнул, подзывая остальных, и вскоре Белла, Луна, Хромой и Лизушка уже стояли рядом с ним.

– Тьфу, гадость какая! – прошипела Лизушка, отряхивая комья земли со своей блестящей шерсти. Остальные молча отплевывали грязь и мелкие камни, почесывая расцарапанные уши. Марта выбралась последней – как и рассчитывал Счастливчик, проползшие перед ней собаки настолько расширили отверстие, что и черная великанша смогла в него протиснуться.

Глаза Луны сияли в темноте.

– Мы почти у цели! – прошептала она. – Еще немного, и мы освободим Пороха!

– Лучше подумайте о том, кто починил эту изгородь, – мрачно прошептала Марта Она потянулась всем телом, потрясла головой. – Вы только взгляните на этот сад!

Счастливчик обвел глазами утопающую во тьме территорию, и в пасти у него мгновенно пересохло от страха. В последний раз когда он здесь был, весь сад утопал в разросшихся сорняках и высокой траве. Сейчас трава была аккуратно подстрижена, как шерстка у Собачки-на-поводочке, а яркий свет, горевший над садом, заливал ее ослепительным серебром. Даже невысокие собачьи дома, совсем недавно запущенные и покосившиеся, теперь были вымазаны чем-то вроде белой глины, а дыры в крышах заботливо прикрыты ребристым металлом. Некогда пустые и грязные собачьи миски вновь засверкали, как новенькие, и выстроились ровными рядами вдоль стен.

– Похоже, тут полно Длиннолапых, – прошептала Белла. – Гораздо больше, чем мы думали! Нужно быть еще осторожнее.

«Куда уж больше, – мрачно подумал Счастливчик. – Похоже, Альфа был прав – я привел своих друзей в страшную западню.. Все будет гораздо сложнее, чем в прошлый раз, когда мы без помех вывели и спасли отсюда трех щенков».

Внутри у него все привычно сжалось при воспоминании о том далеком дне.

«Я спас отсюда трех щенков, но один из них погиб, а второй добровольно ушел в стаю Стали. И как у меня только язык поворачивается называть это „спасением“»!

Но самые страшные открытия ждали их впереди. Когда собаки крадучись прошли вдоль стены одного из домиков и завернули за угол, они увидели нечто такое, что заставило их всех оцепенеть на месте. Здесь были клетки-тремелки!

Блестящие чудовища спали на площадке из твердого камня. Счастливчик, замерший вместе с остальными, смотрел на них в ужасе. О, эти клетки-тремелки были совсем не похожи на те, что он привык видеть в городе. Это были чудища совсем другой породы. Огромные, очень длинные, с множеством круглых черных лап и пустыми спящими глазами.

Запахи тоже сбивали с толку. Их было так много, что невозможно было отличить старые от свежих, далекие от близких. Преодолев страх, собаки неслышно перешли с травы на твердый камень и подкрались к клеткам-тремелкам, чтобы как следует обнюхать их зловонные черные лапы. Храбрая Луна даже осмелилась задрать голову, уткнуться носом в бок самого длинного чудища и с шумом втянуть в себя воздух.

К счастью, чудища молчали. В саду царил зловещая тишина, слышно было только жужжание мелких мошек да отдаленный шелест деревьев в лесу.

«Если мы будем вести себя тихо, то сможем...»

Внезапно Луна тоненько заскулила и сдавленно ахнула.

– Порох!

– Луна! – в страхе воскликнул Счастливчик, бросаясь к ней. Луна сидела под той же длинной клеткой, недоверчиво глядя прямо перед собой. Бока ее дрожали, шерсть стояла дыбом. – В чем дело, Луна?

– Порох! – словно обезумев, она бросилась к клетке, но в последний миг отскочила назад, побоявшись разбудить спящее чудище. – Счастливчик, он здесь! Порох в животе этого чудища!

– Тише, Луна! Сейчас сюда сбегутся все Длиннолапые!

Но Луна больше не могла сдерживаться. Забыв об осторожности, она завывала в голос.

– Его проглотили заживо! Счастливчик, что нам делать? Я не могу бросить его тут!

Обезумевшая Луна отчаянно скребла когтями по металлическому брюху чудища, там, где в его теле была сделана дверца. Ее когти с ужасающим скрежетом скользили по гладкому телу металлического живоглота, но Луна уже не могла остановиться. Дверца как будто была слегка приоткрыта, но крепкий металлический крючок не давал ей распахнуться целиком. Луна дергала ее, трясла и царапала, не переставая во весь голос звать своего друга.

– Ах, жаль, что с нами нет Микки, – прошептала Белла, жалостливо лизнув Луну в шею. – Он очень ловко управляется с дверями и замками Длиннолапых.

Марта осторожно отстранила Луну от клетки.

– Можно я попробую? – попросила она. – Мне кажется, я догадалась, как это открывается.

Первым делом Марта до предела оттянула дверь зубами, расширив щель, а потом просунула свою огромную лапу за засов.

– Так... теперь бы только... приподнять...

Счастливчик и Луна одновременно бросились к двери, чтобы пошире приоткрыть ее, и столкнулись лбами. Совместными усилиями они увеличили проем настолько, что теперь в него могла бы без труда пролезть белка... но только не собака. Даже малютка Солнышко не сумела бы выбраться наружу через эту щель.

– Нет, так ничего не выйдет, – прорычала Лизушка. – Дайте-ка я попробую. Все лучше, чем мокнуть под этим проклятым дождем!

Оттеснив Марту, Лизушка сначала просунула в щель свой любопытный нос, потом подергала дверь лапой, а затем со снисходительным фырканьем ухватилась за нее зубами.

– Нужно просто как следует потянуть, только и всего!

– Если бы все было так просто, Лизушка, то мы бы давно... – сварливо начал Счастливчик, но вдруг умолк на полуслове. Мышцы на шее Лизушки вздулись, как корни могучего дерева, раздался пронзительный скрежет,брякнул упавший засов – и дверь широко распахнулась.

– Ну и дела! – охнул Хромой.

– Вот это да! – прошептала Белла.

– Умница, Лизушка! – пробасила Марта. Счастливчик во все глаза смотрел на Лизушку, которая уже смело лезла в клетку.

«Такая молодая – но уже такая сильная! – с невольной тревогой подумал он. – И, самое главное, она прекрасно знает о своей силе. Она нисколько не сомневалась в том, что сможет открыть эту дверь!»

Но сейчас было не самое подходящее время беспокоиться о могучей силе Лизушки. Луна уже скрылась в клетке следом за Лизушкой, Белла и Марта последовали за ней. Счастливчик и глазом моргнуть не успел, как они с Хромым остались одни.

– Я покараулю, – тихо сказал Хромой. – А ты лезь туда и помоги им освободить Пороха. Да поживее!

Внутри горел свет, очень слабый, но после ночной темноты он показался Счастливику ослепительным. Проморгавшись, он медленно развернулся, поражаясь размерам металлического чудища Живот у живоглота был размером с большую пещеру. Вдоль стенок желудка тянулись ряды клеток, поставленных друг на друга.

— Это Западня, — прошептал Счастливчик, поворачиваясь к Белле. — Живая Западня!

Но эта Западня не была похожа на ту, где Счастливчик впервые встретил Лапочку. Здесь в клетках сидели не только собаки. Более того, когда Луна с воем бросилась к одной из клеток и начала в отчаянии кидаться на проволочную стену, Счастливчик понял, что Порох был единственной собакой в этом страшном месте. Он лежал на полу своей клетки, его бока едва заметно поднимались и опадали. Могучий пес настолько обессилел, что с трудом смог поднять голову и слабо заскулить при виде своей подруги.

В соседних клетках отчаянно били крыльями птицы. Они бросались на проволочные стены в инстинктивной попытке улететь, на раз за разом ударялись о металл. Злая рыжая царпка с грязной свалявшейся шерстью шипела и фыркала на собак.

В следующей клетке сидел тощий и вялый от слабости койот, рядом с ним мучился олень, который даже не мог выпрямиться во весь рост в своей тесной темнице. Погасшие глаза оленя смотрели в пустоту; такой отсутствующий взгляд бывает только у животных, у которых страх победил волю к жизни. Были здесь и лисы — жалкие, тощие, совсем не похожие на тех мерзких тварей, от которых всякая благоразумная собака старается держаться как можно дальше. Эти лисы выглядели совсем больными, шерсть у них облезла клочьями, глаза потускнели. Почувствовав кроличий запах, Счастливчик всмотрелся в глубину клетки и увидел двух трясущихся от страха зверьков, тесно прижавшихся друг к другу.

«Мне даже не хочется их съесть», — с невольным страхом подумал он.

— Что же это за место такое? — дрожащим голосом спросила Марта.

— Не знаю, — медленно покачал головой Счастливчик.

И тут из клетки с койотами раздался хриплый насмешливый голос.

— О, да у нас гости! Как это мило с вашей стороны. Надеюсь, вы останетесь с нами надолго?

Белла содрогнулась.

— Что с вами делают Длиннолапые? — выпалила она.

Вместо ответа койот зашелся в приступе хриплого лающего смеха. Счастливчик мгновенно напрягся и повел носом, пытаясь разобраться в мешанине незнакомых запахов, клубившихся вокруг него. Луна продолжала выть перед клеткой Пороха, всем телом прижимаясь к металлической сетке.

«Болезнь! — с содроганием понял Счастливчик. — Все эти звери больны!»

Теперь он ясно чувствовал страшный запах — свежий, но гнилостный, похожий на плохую желтую кровь, которая течет из зараженных ран и старых болячек.

«И дыхание у них зловонное...»

— Как будто они все выпили отравленную речную воду, — вслух пробормотал Счастличик.

— Это то место, куда приходят лечиться заболевшие звери? — нервным шепотом спросила Лизушка. — Я слышала, как Собачки-на-поводочке рассказывали про такое!

— Нет, вряд ли, — покачал головой Счастличик. — Что-то не похоже, что этих животных кто-то лечит. Или хотя бы кормит досыта.

— Вот это ты верно говоришь, Счастличик, — раздался слабый рык из клетки Пороха. Могучий пес крепко прижался к Луне через разделяющую их сетку. — Эти Длиннолапые и не думают нам помогать! Они нарочно нас мучают!

— Этого не может быть! — в ужасе воскликнула Белла. — Я знаю, что Длиннолапые не всегда бывают добры, но они никогда не будут нарочно мучить пойманную собаку!

— Добро пожаловать в новый мир, — пробурчал Порох, с трудом лизнув Луну в нос Счастличик содрогнулся, увидев его сухой распухший язык. — Эти Длиннолапые именно этим и занимаются. Они нарочно приносят нам плохую воду, чтобы мы болели и мучились. — Порох кивнул на миску, стоявшую в углу его клетки. Миска была до половины наполнена желтоватой водой с радужной пленкой, плавающей на поверхности. Зловещие желтые пузырьки пенились по краям.

— Большой пес не врет! — проскулила одна из лисиц, прежде чем снова впасть в забытье.

Счастличик растолкал своих товарищей, пробился к клетке Пороха и прижался носом к сетке.

— Порох, ты уверен, что они делают это нарочно? Может быть, они не умеют отличать хорошую воду от плохой?

— Хватит искать оправдания для этих мучителей! — злобно пролаяла Луна. — Все они умеют и все понимают! Сами-то, наверное, не пьют эту пакость. Ты только посмотри, до чего они довели Пороха! Он же болен, а ведь Длиннолапые совсем недолго держат его здесь!

В самом деле, глаза у Пороха были красные и слезящиеся. Он заметно исхудал, его обвисшая шерсть потускнела и свалялась.

— Я не хотел пить их воду, но не смог больше терпеть, — прохрипел Порох, опуская глаза. — Выбор у меня был небольшой — или отравиться или умереть от жажды.

Он был настолько слаб, что с трудом мог приподнять голову, чтобы посмотреть на своих друзей. Но больше всего пугала Счастличика зловещая ярко-желтая корка, появившаяся вокруг носа и губ Пороха.

— Но зачем? — еле слышно прошептал Счастличик. — Зачем они вас мучают?

— Длиннолапые приходят сюда с острыми палками, — протявкали койот. — Они тычут нас ими, царапают и колют. Потом смотрят наши зубы, рвут шерсть и что-то все время говорят.

— Наверное... они нас испытывают, — простонал Порох. — Хотят понять, что будет с живым существом, если оно будет пить отравленную воду. Сами пить боятся, а нас им не жалко.

– Наверное, они хотят выяснить, можно ли Длиннолапым вернуться на земли, разрушенные Большим Рыком, и можно ли здесь выжить без блестящих желтых шкур и черных морд! – догадалась Белла.

Счастливец снова окинул взглядом несчастных зверей.

«На месте Длиннолапых я бы сюда не возвращался. По крайней мере, до тех пор, пока они не придумают, как очистить воду от яда. Но чтобы понять, что отравленная вода непригодна для питья, совсем не нужно травить ею животных!»

Луна с воем царапала лапами проволоку:

– Эти мерзкие, злые, порочные Длиннолапые! Где они? Я им покажу!

Порох с усилием поднял голову.

– У них есть свои клетки-гремелки, на другой стороне Собачьего Сада. Я почуял их, когда меня только привезли сюда – от них страшно воняет, и все Длиннолапые, которые в них живут, насквозь пропитались этим запахом.

Счастливец задрал нос и как следует принюхался, пытаясь выискать в мешанине запахов что-нибудь еще, кроме смрада болезни и едкой вони отравы.

– Да, я даже отсюда чувствую! – протявкали он. – Это запах огненного сока, который пьют Длиннолапые!

Окрыленный, Счастливец ласково лизнул Луну в нос.

– Значит, Длиннолапые сейчас крепко спят, и будут спать еще долго! Они всегда так делают, когда выпьют много огненного сока. От этого сока они сначала становятся очень шумными, иногда веселыми, а иногда злыми, а потом всегда крепко спят.

Счастливец пожегся от промелькнувшего щенячьего воспоминания о злом пропахшем едким огненным соком, Длиннолапом, который больно пинал его и громко орал, пока не засыпал.

Белла вдруг насторожила уши, взглянула куда-то вверх:

– Дождь пошел.

Да, Счастливец тоже слышал металлическую дробь и нарастающий грохот тяжелых капель по спине и бокам клетки. Вскоре шум сделался таким громким, что ему пришлось повысить голос.

– Давайте шевелиться! Нужно поскорее освободить Пороха.

– Погодите, – Порох твердо посмотрел на Счастливика своими измученными большими глазами: – Не только меня.

– Ч-что? – пролаяла Луна, лихорадочно лизнув друга в сухой нос. – мы пришли за тобой, Порох!

Но могучий охотник кивнул на соседнюю клетку.

– Это не простая Западня, это злое место! Ни одно живое существо не заслужило того, чтобы мучиться здесь. Вы должны освободить всех.

Счастливец немного поколебался, потом кивнул. Предчувствие опасности уже давно холодком расползлось по его шкуре, но он знал, что Порох прав. Ни одно живое существо не должно было оставаться в этом ужасном месте.

Он облизнул клыки, скользнул взглядом по рядам клеток. Все узники, кроме тех, кто уже не мог поднять голову, смотрели на него.

«Они насмерть перепуганы, больны и доведены до отчаяния. Некоторые могут броситься на нас, как только окажутся на свободе».

И все-таки у них не было выбора. Счастливец кивнул Пороху.

— Ты прав. Мы освободим всех — но сначала тебя. Потому что мы пришли сюда за тобой.

— Да, — горячо прошептала Луна. — И не вздумай спорить. Ты первый!

— Эх, хватит болтать! — не выдержала Лизушка, протискиваясь между Луной и Счастливецом. — Освободите место.

Она положила свою сильную лапу на замок, запиравший клетку Пороха. Подцепив защелку когтями, Лизушка потянула изо всех сил, так что, задние лапы ее задрожали от напряжения. В какой-то момент Счастливец испугался, что когти молодой собаки вот-вот соскочат с замка, но Лизушка быстро повернула голову и вцепилась в проволоку зубами.

Счастливец с невольным восторгом покачал головой.

«Она знает, что делает! И когда это она успела отрастить настоящие взрослые зубы? Я и не заметил, как моя маленькая Лизушка достигла возраста Наречения!»

В горле у Лизушки глухо заклокотало, потом металлическая сетка выгнулась горбом и провисла. Порох всем телом навалился на нее с другой стороны — и клетка резко распахнулась.

Толчок был настолько силен, что металлическая дверь с размаху ударилась о соседнюю клетку и отлетела назад, едва не сбив с лап Счастливика.

— Порох! — Луна бросилась к другу, принялась горячо вылизывать ему нос, глаза, уши. Порох, тихо урча, терся лбом о ее щеку.

«Что это?»

Радость, захлестнувшая Счастливика, мгновенно сменилась ужасом, стоило ему почувствовать вблизи запах Пороха. От охотника пахло болезнью — и смертью. Счастливец с трудом заставил себя не заскулить, глядя на радостно льнувших друг к другу Луну и Пороха.

Даже в болезни Порох оставался все тем же могучим и благородным псом, каким его знали в стае. Он держал голову высоко и с достоинством поклонился своим спасителям.

— Спасибо вам! А теперь давайте поскорее освободим остальных, — он пошатнулся, голос его дрогнул: — Я не допущу, чтобы хоть кто-то остался в этом ужасном месте. Сейчас здесь нет ни друзей, ни врагов, ни даже дичи. Все эти животные — наши братья, и великий долг родства всего живого велит нам освободить их. А Длиннолапые — что ж, Собака-Земля им судья. Но мы не должны забывать об опасности. Пусть они напились своего огненного сока и уснули, одурманенные, но скоро они проснутся. Каждую ночь они один раз заглядывают сюда.

Счастливец хрипло залаял:

— Хорошо, что предупредил! Не будем терять времени.

— Делайте, как я, — протявкала Лизушка и, решительно сверкнув глазами, бросилась на следующую клетку.

Собак не пришлось просить дважды. После того, как они увидели, как Лизушка справилась с дверью, работа закипела вовсю. Металлические двери, искореженные клыками и когтями, одна за другой со скрипом распахивались. Марта рвала сетку своими огромными лапами, Белла и Счастливец вместе грызли проволоку, не обращая внимания на острые края, до крови царапавшие им небо. Порох с помощью верной Луны работал за троих.

Измученные узники один за другим выползали и выпадали из своих темниц. Кролики тряслись от страха, однако все-таки выползли на свободу и с писком прошмыгнули мимо собак. Олень даже не нашел в себе силы удивиться. Он долго тупо смотрел на распахнутую дверь, потом пошатнулся и вывалился из клетки, но каким-то чудом сумел подняться на подгибающиеся ноги и проковылял наружу.

Счастливец яростно рвал зубами сетку на клетке царапки. Боковые клыки у него болели от напряжения, в пасти чувствовался привкус крови, но боль лишь усиливала его решимость.

«Столько стараний и все ради противной царапки! — с невольной усмешкой подумал он. — Кто бы мог подумать, что я буду лезть из шкуры ради того, чтобы помочь заклятому собачьему врагу!»

Царапка перестала шипеть и фыркать; теперь она молча с опаской следила за усилиями Счастливика. Когда дверь наконец распахнулась, царапка вдруг выпрямила лапы, изогнула спину дугой и задрала хвост, сразу став казаться втрое больше себя.

Потом она негромко завизжала, и Счастливец оцепенел от страха. Он знал по опыту, что так царапка изготовилась к бою, но сейчас у него не было ни времени, ни желания сражаться с этой неблагоприятной и опасной тварью.

Внезапно царапка застыла и перестала визжать. Несколько мгновений она стояла неподвижно, моргая своими раскосыми желтыми глазищами, потом в горле у нее что-то заклокотало — громко, почти дружелюбно — и прежде чем Счастливец успел опомниться, царапка шмыгнула между его лап и была такова.

Счастливец поперхнулся смешком, глядя вслед своему заклятому врагу, растаявшему в ночной темноте.

«Кажется, царапка только что сказала мне спасибо! Кому рассказать — ни за что не поверит».

Теперь почти все клетки стояли пустыми, их искореженные дверцы болтались на петлях, зловеще поскрипывая в тишине. За стенами клетки-гремелки слышались шаркающие шаги и удаляющийся топот копыт. Все узники, у которых были клыки – за исключением эгоистичной царпки, от которой никто из собак и не ждал особого благородства, – остались в клетке, чтобы помочь собакам освободить остальных зверей. Счастливчик был искренне удивлен тем, как быстро пошла у них работа. Кислые запахи болезни быстро растворялись в ночном воздухе, проникавшем в клетку-гремелку через распахнутую дверь.

Койот помедлил в дверях своей сломанной клетки, недоверчиво поводя своими длинными ушами, потом сделал нерешительный шаг в сторону двери и снова замер, с недоверием поглядывая на собак. Наконец он с опаской выбрался из клетки, юркнул мимо Счастливчика и высунул голову из открытого отверстия в теле клетки-гремелки.

Счастливчик напрягся, заметив, как напряжились мышцы под облезлой шкурой койота.

«Интересно, что он там увидел?»

Отойдя от клетки, Счастливчик выглянул наружу и успел заметить рыжую шерсть сбежавшей царпки, белой вскарабкавшейся на ствол дерева, росшего сразу за забором сада.

Счастливчик понимающе покосился на койота, ухмыльнулся.

«Я знаю, о чем ты думаешь, приятель! Но раз уж царпка очутилась в этой тюрьме, мы должны были освободить и ее».

Койот ответил ему задумчивым взглядом. Потом он слегка кивнул головой, выскочил из клетки под проливной дождь и помчался к ограде. Протиснувшись в лаз, он махнул на прощание своим облезлым хвостом и растворился в темноте.

Поскольку почти все узники были уже на свободе, Счастливчик позволил себе немного постоять у выхода, глубоко вдыхал сырой ночной воздух. Ему нестерпимо хотелось поскорее избавиться от тошнотворного смрада, стоявшего в брюхе клетки-гремелки.

«Ах, как чудесно пахнет мокрая земля, так бы стоял целую вечность и дышал свежей ночной прохладой...»

Счастливчик вздохнул и тут же насторожил уши, уловив краем глаза какое-то движение в темноте. Сквозь пелену дождя он разглядел мокрую фигуру койота, который стоял с другой стороны изгороди. Внезапно какая-то тень выскользнула из-за куста, бросилась к койоту и принялась лихорадочно вылизывать его длинные уши. Почувствовав взгляд Счастливчика, незнакомка выпрямилась, подняла голову и смело посмотрела ему в глаза. В следующее мгновение она радостно прильнула к спасенному койоту, и они принялись с тихим визгом вылизывать друг друга.

«Это его подруга! – догадался Счастливчик. – Бедная, должно быть, она все это время ждала его здесь...»

Признаться, койоты никогда не относились к числу любимых родственников Счастливчика – особенно после того отвратительного случая, когда стая этих тварей едва не сожрала Лизушку и ее братьев. И все-таки он был счастлив, что спас несчастного и вернул его верной подруге.

Порох был прав. Они должны были освободить всех узников. Это был настоящий собачий поступок.

Неожиданно за спиной Счастливики раздалось негромкое рычание. Он в тревоге обернулся, поднимая загривок. Еще одна собака! Значит, Порох все-таки был не единственным...

Счастливики бросился внутрь и увидел, что Марта стоит перед большой клеткой, спрятанной в самом темном углу чудища, за крепкой стенкой.

«Теперь понятно, почему мы сразу его не заметили!»

Но это было еще не все. В глубине клетки, которую сломала Марта, стоял... Свирепый пес! Его черные губы разъехались в стороны, обнажая смертоносные клыки, подрезанные уши стояли торчком, но черные глаза безжизненно смотрели в землю, а голова свешивалась на грудь.

Все собаки молча разглядывали пса. В клетке-гремелке сделалось так тихо, что стук дождя по металлической крыше казался оглушительным грохотом. Счастливики невольно поежился.

Свирепый пес испустил гортанный рык, провел языком по проплешинам на своей шкуре и впервые взглянул на своих спасителей. Его черные глаза блеснули.

— Итак, кому я обязан своим... спасением? — Свирепый пес скользнул презрительным взглядом по притихшим собакам. Его морда брезгливо сморщилась: — Надеюсь, вы все-таки собаки, а не жалкое недоразумение вроде тех, что сбежали отсюда?

— Ты хочешь нас оскорбить? — сердито оскалился Счастливики. — За то, что мы тебя освободили?

— Нет. Просто я никогда не думал, что когда-нибудь претерплю такое унижение. — Свирепый пес яростно встряхнулся и ворчливо крикнул: — Пожалуй, ты прав. Я должен сказать вам спасибо.

— На здоровье, — процедила Белла.

Свирепый пес резко вскинул голову:

— Проклятые Длиннолапые дорого заплатят мне за это! Эти подлые твари совсем не похожи на моих настоящих хозяев. Мои повелители были сильными и умными, я считал за честь повиноваться им. Но они ушли, и я стал Свободным псом. Никто не смеет держать в клетке Топора!

— Нет, постой! — в страхе бросился к нему Счастливики. — Сейчас не время сводить счеты с Длиннолапыми! Нужно как можно скорее убираться отсюда!

— Мой друг Счастливики дело говорит, — пробасил Порох. — Нужно уносить лапы из этого поганого места, да побыстрее, пока нас снова не сцапали. Мсть — дело хорошее, но свобода важнее.

— Жалкие пустобрехи, да я погляжу, вы совсем разум потеряли! — пролаял Топор. — Ни один Длиннолапый не смеет безнаказанно оскорблять Свирепого пса! — Глаза недавнего узника полыхнули неукротимым пламенем. — Они заставили нас сидеть взаперти в этих грязных клетках, они кормили нас отбросами и поили отравленной водой, и после этого вы можете думать о чем-то, кроме святой мести? Впрочем, поступайте, как знаете, мне нет дела до чести уличных шавок! Но я, прирожденный Свирепый пес Топор, намерен

преподать этим Длиннолапым хороший урок. Они у меня узнают, что такое страх!

— Мы все знаем, что такое страх, — терпеливо ответила Луна, прижимаясь к боку Пороха. — Но Счастливчик прав — нам нужно бежать. Затевать драку с Длиннолапами, рискуя снова очутиться в клетке, — нет, это настоящее безумие!

Лизушка бросилась к Топору и застыла перед ним, вся дрожа от волнения.

— Прошу тебя, послушай Счастливчика! — взмолилась она, заглядывая в глаза своему старшему собрату. — Он не Свирепый пес, но он очень умный! Он умеет выживать, мы все ему доверяем.

Топор рассеянно опустил глаза, словно впервые заметил молодую собаку. Окинув ее недоверчивым взглядом, он коротко рывкнул, с презрением покачав головой:

— А ты, я вижу, из помета Палицы? Как ты смеешь позорить свой род? Предательница крови! Мы, Свирепые псы, никогда не подчиняемся приказам грязнокровных собак и не слушаем их вздорное тьявканье. Как говорится, шавка лает — ветер носит.

В горле Лизушки заклокотало.

— Счастливчик тебе не приказывал, он дал разумный совет! — она наклонила голову и исподлобья взглянула на Топора. — И я советую тебе не оскорблять моих друзей. Мне это не нравится.

Страх стиснул ребра Счастливчика. Он вскочил и дружелюбно замахал хвостом.

— Ничего страшного, Лизушка, не стоит принимать все так близко к сердцу. Топор, давай обсудим, что делать дальше, за оградой Собачьего Сада? Сейчас нам нужно поскорее отсюда убраться.

Но Свирепый пес его словно не услышал. Они с Лизушкой молча стояли друг против друга, широко расставив передние лапы и оскалив клыки.

— Мы вообще могли вас не освобождать! — прорычала Лизушка. — Мы могли бросить вас гнить в этих клетках, но мы не такие, как ты! Не забывай, что ты свободен только благодаря Счастливчику!

Грозный взгляд Топора чуть затуманился, он потупился и коротко взглянул на Счастливчика. Но это длилось всего долю мгновения. Потом Свирепый пес снова вскинул голову и зарычал, слюна закапала у него из пасти.

— Ты права, маленькая сестра, — свирепо проревел он. — Пес по имени Счастливчик ни в чем не провинился предо мной. Я обрушу свой гнев на тех, кто этого заслуживает, — на гнусных Длиннолапах, которые заперли меня здесь!

И прежде чем кто-либо из собак успел открыть пасть. Топор одним ударом лапы отшвырнул Лизушку прочь и выпрыгнул из клетки-гремелки. Лизушка вскочила и растерянно повернулась к Счастливчику. Ее глаза были круглыми от недоумения.

— За ним, бегом! — пролаял Счастливчик. — Скорее! Сейчас этот чокнутый нападет на Длиннолапах, и тогда нас всех запрут в клетке!

Ему не пришлось повторять свой приказ дважды. Собаки сорвались с места и гурьбой вывалились из клетки-гремелки на мокрую траву. Они поскальзывались на бегу, налетали друг на друга и даже падали, пытаясь догнать остервенелого Топора. Но огромный Свирепый пес в три прыжка очутился возле самой большой из дальних клеток-гремелок. Вскочив на задние лапы, он с силой ударил передними по металлическому боку клетки и залаял во всю силу своих могучих легких:

– А ну выходите, трусы! Выходите и сразитесь со мной!

Луна в отчаянии повернулась к Счастливику:

– Давайте бросим его, он погубит всех нас!

Счастливчик не успел ответить, потому что Лизушка вдруг со всех лап бросилась к Топору и звонко пролаяла, запрокинув голову.

– Нет, не бросайте его! Он прав! Мы должны отплатить Длиннолапым за то, что они сделали с Порохом и другими зверями! Нужно как следует их проучить, чтобы собаки могли без страха ходить по лесу.

Она почти добежала до Топора, когда дверь клетки неожиданно с грохотом распахнулась, и оттуда выскочил желтошкурый Длиннолапый. Счастливчик взвизгнул от неожиданности и страха, когда увидел его морду – обычную голую морду Длиннолапого, без черной безглазой маски. Желтошкурый пошатнулся и рухнул на спину, а Топор, стремительный, как Молния, прыгнул на него.

– Я отомщу! – бешено пролаял он. – Я отомщу за все, что ты сделал со мной! За то, что ты осквернил дом моей стаи и память о моих Длиннолапах!

Вскочив, Длиннолапый повернулся, да так быстро, что Счастливчик решил, будто он хочет убежать и спрятаться в брюхе своей клетки-гремелки. Но вместо этого Длиннолапый шустро выхватил что-то из темной глубины за своей спиной, потом снова повернулся и без страха уставился на Топора.

Стоило Счастливику увидеть то, что Длиннолапый держал в своих голых лапах, как у него вся кровь застыла в жилах, а шерсть встала дыбом.

Палка-громыхалка!

Желтошкурый направил ее прямо в грудь Топора.

Глава XIX

– Бежим отсюда! – пролаял Счастливчик, срывая голос. – Немедленно!

Лапы дружно зашлепали по мокрой траве, брызги полетели во все стороны. Собаки во весь дух помчались к дыре под изгородью. Ветер швырял им в глаза дождь, бежать приходилось почти вслепую, так что Счастливчик с трудом различал впереди черную тень разрытого лаза, через который пленники Длиннолапых недавно выбрались на свободу. Он даже взвизгнул от облегчения, провалившись лапами в мокрую яму, и немедленно протиснулся

внутри. Они спаслись! От лаза нестерпимо воняло койотами, лисами и царапкой, но сейчас эти запахи казались Счастливику слаще всех ароматов земли.

– Быстрее, быстрее! – затыкал Счастливчик. – Лезьте наружу, я за вами. – Первыми он пропустил Луну и Пороха, затем в проход юркнули Белла и Хромой.

Лизушка дрожала всем телом. Она даже не смотрела на лаз, ее глаза были устремлены в темноту, где остался Топор.

– Как же Топор?

– Он сам напросился! – отгрызнулся Счастливчик. – Видит Собака-Земля, я пытаюсь его остановить, но он и слушать не захотел! Теперь мы уже ничем не можем ему помочь, так что придется его бросить.

Огромная Марта уже протискивалась в лаз, отчаянно работая задними лапами. Брызги воды и грязи дождем летели на голову Счастливику Он присел и изо всех сил подтолкнул Марту плечом.

– Нельзя бросать брата-пса в беде! – пролаяла Лизушка. – Ты сам говорил...

– Я не бросал Топора в беде, я освободил его из клетки! – взорвался Счастливчик. – Мы дали ему возможность спастись! – Он стряхнул с глаз капли дождя и шумно выдохнул, увидев, что Марта наконец-то выбралась из-под ограды. – Топор решил погубить себя, это его право, но почему мы должны гибнуть вместе с ним?

Но Лизушка еще колебалась, не сводя глаз со стены дождя. Ее бока ходили ходуном, напружиненные лапы дрожали. Все новые и новые Длиннолапые с пронзительными воплями выбегали из клетки-гремелки, они все размахивали палками-громыхалками и коротко лаяли, отдавая друг другу приказы. Один из них громко хохотал и визжал, как койот.

– Уже поздно, Лизушка, – гавкнул Счастливчик. – Бежим!

Длиннолапый вскинул палку-громыхалку на плечо, и собаки услышали сухой щелчок. Топор прыгнул, потом свалился в траву и забился там, размахивая лапами.

«Эти палки-громыхалки какие-то странные, – подумал Счастливчик. – Звук у них другой, не такой, какой бывает у огненных палок. Те лают так страшно, что собаки глохнут, а эти шипят, как плохой дождь на земле».

– Топор! – взвизгнула Лизушка. – Нужно ему помочь!

– Нет, не нужно! – рявкнул Счастливчик Один из Длиннолапых уже подбежал к клетке-гремелке и скрылся в ней. – Он сейчас ее разбудит! – в ужасе пролаял Счастливчик и увидел, как сонные глаза клетки распахнулись и вспыхнули нестерпимым светом, озарившим весь Собачий Сад. Клетка взревела, и Счастливчик с мрачным удовлетворением увидел, что Лизушка наконец испугалась. Она с визгом шарахнулась в сторону и беспомощно посмотрела на Счастливику:

– Что это за чудовище? Чего ему надо?

– Это такое чудовище, с которым ты точно не захочешь сражаться, – буркнул Счастливчик.

Грубо схватив Лизушку за загривок, он потащил ее к лазу. Здесь он отпустил ее, и Лизушка без лишних понуканий бросилась в отверстие и молнией выскочила с другой стороны забора. Счастливчик мгновенно последовал за ней.

Остальные ждали их, сбившись в кучку.

– Бежим! – провыла Луна.

– Куда? – гавкнула Марта, оглядываясь кругом. – Клетка-гремелка проснулась! Она погонится за нами.

Порох не проронил ни слова. Он стоял, уронив голову на грудь, и тяжело, часто дышал. Счастливчик со страхом увидел, что у него открылись раны, из которых густо сочилась плохая желтая кровь. Дождь смывал ее с шерсти Пороха, но она текла снова и снова.

– Нужно уйти в самую густую чащу леса, за склон холма! – пролаяла Белла, кивая мордой в сторону темной горы. – Туда клетки-гремелки не смогут обратиться. Они хоть и шустрые, но не очень поворотливые.

– Они просто жирные, где им протиснуться между деревьев! – пробурчала Марта.

– Бежим! – пролаял Хромой и первый захромал в сторону холма. Остальные побежали следом, торопясь как можно скорее добраться до спасительных деревьев.

На крутом склоне Счастливчик обогнал Хромого и побежал первым. Казалось, подъем на мокрый холм будет бесконечным.

«Неужели Лизушка была права, и Собака-Лес прогневалась на нас? – в отчаянии думал Счастливчик, в очередной раз поскользываясь на сырой глине. – Интересно, что-то сейчас делают Альфа и остальные? Хоть бы они были в безопасности!»

Его мышцы рвались от натуги, лапы без устали стучали по земле, колотилась в ушах кровь, но Счастливчик все равно слышал позади яростные вопли Длиннолапых и рев их верных клеток-гремелок. Он боялся обмануться, и все-таки ему казалось, будто звуки погони постепенно отдаляются. Наверное, крутой подъем оказался слишком труден для тяжелых клеток, потому что когда собаки наконец добрались до вершины, горящие глаза чудовищ были едва различимы в темноте. Они отстали!

Собаки в изнеможении остановились, тяжело переводя дух.

С противоположной стороны склон оказался намного круче, и измученный Хромой испуганно попятился, когда Счастливчик приготовился к спуску.

– Нет, даже не думай! Я не смогу! Не хватало мне еще сломать вторую лапу! У меня и так всего одна задняя лапа, и она мне дороже головы!

Счастливчик уперся лапами в мокрую землю.

– Вперед, Хромой, не трусь. Можешь на меня положиться, я ни за что не дам тебе упасть. Но мы обязательно должны оторваться от Длиннолапых и уйти в лес. Давай, ты сможешь!

– Но мои лапы, – провыл Хромой. – Мои здоровые передние лапы..

Счастливец, насторожив уши, подскочил к нему, освобождая путь для Марты и Беллы, которые стремительно запрыгали вниз по склону в сторону темнеющего внизу леса. Лизушка мчалась за ними, едва живой Порох, пошатываясь, брел следом, тяжело опираясь на плечо своей верной Луны.

— Хромой, надо идти, — твердо сказал Счастливец. — Что бы ни случилось, нам нельзя попасться Длиннолапам! Ты видел, что они делают с теми, кого им удастся поймать! Давай, я пойду рядом, слышишь? Мы должны добраться до леса!

Хромой пугливо покосился через плечо. Видимо, напоминание о Длиннолапах и их клетках все-таки возымело свое действие.

— Да, ты прав, Счастливец. Будь, что будет!

И они вдвоем осторожно заковыляли вниз по склону, подскользываясь на мокром песке. Мелкие камни так и сыпались у них из-под лап. Счастливец услышал, как внизу под ними взвизгнула Лизушка — видимо, один из камней угодил ей в спину.

— Ничего, осталось уже совсем чуть-чуть, — пропыхтел Счастливец.

Они спустились почти до половины склона и уже даже видели внизу темные силуэты собак, нетерпеливо ждущих их возле кустов, когда Хромой вдруг подвернул переднюю лапу. Потеряв равновесие, он кубарем покатился вниз и тяжело грянулся в лужу у подножья.

Счастливец оглушительно взвыл от страха:

— Хромой! Как ты? Цел?

Сквозь шелест дождя до него донесся сдавленный хрип;

— Цел, кажется. Главное, я уже внизу.

Не чуя под собой лап, Счастливец сбежал вниз по склону.

— Так, а теперь быстро в лес! Я снова слышу рычание клеток-гремелок!

В самом деле, сердитое рычание вновь приближалось, горящие глаза клеток-гремелок вновь озарили мертвящим светом дальние деревья.

«Как же быстро они бегут!» — в смятении подумал Счастливец. Клеткам-гремелкам пришлось описать большой крюк вокруг холма, но они снова настигали беглецов.

— Бежим! — залаял он, когда клетка-гремелка неожиданно с ревом показалась из-за холма и ослепила собак светом своих грозных глаз.

Собаки развернулись и бросились в лес, на бегу огибая первые тонкие стволы. Перепуганное сердце Счастливика лихорадочно билось о ребра, лапы бешено стучали по земле, в какой-то жуткий миг ему почудилось, будто клетка вот-вот наскочет на нею сверху, вмяная в тело Собаки-Земли. Потом он почувствовал, что его лапы уже не шлепают по мокрой траве, а бегут по палой листве и хрупким сухим веткам. Колючие ветви хлестнули Счастливика по носу.

«Спасены! Мы в лесу!»

Собаки продолжали бежать во весь дух и остановились, только когда очутились в самой глухой чаще. Клетки-гремелки и страшные Длиннолапы

остались далеко позади, они глухо лаяли и рычали друг на друга где-то на краю леса. Порох молча повалился на землю, Луна испуганно прижалась к нему.

— Отличный план, Белла! — одобрительно пролаял Счастливчик. — Все получилось! Мы убежали.

— Все равно нужно идти дальше, — сказала Марта, нервно покосившись в ту сторону, откуда доносился удаляющийся лай Длиннолапых.

Хромой тут же вскочил и захромал вперед, ловко прошмыгивая под склоняющимися до земли ветками. Идти по лесу оказалось гораздо легче, здесь было намного суше, чем на открытой местности, и не так донимал дождь, хотя Порох едва переставлял лапы. Луна постоянно подбадривала его, но через какое-то время остановилась и негромко тьякнула. Счастливчик обернулся.

Порох пошатнулся и тяжело осел на землю.

— Простите, — виновато проскулил он. — Мне нужно передохнуть, я больше не могу.

— Ничего страшного, — с напускной бодростью воскликнул Счастливчик. — Мы уже в безопасности, так что можно и отдохнуть. Давайте поищем убежище на ночь. Что посоветуешь, Хромой?

— Здесь немного впереди есть густая рощица, я бы пошел туда. Там совсем нет скал, но ветки тоже неплохое укрытие.

Хромой с сомнением покосился на Пороха, покачал головой и повел маленький отряд вперед. Миновав несколько кроличьих перебежек, усталые собаки вошли в густой сосновый бор и обессиленно повалились на усыпанную хвоей землю.

Несмотря на густые кроны деревьев, дождь все равно поливал собак, но у них даже не было сил отряхнуться. Сбившись потеснее, они прижались друг к другу и затихли, тяжело переводя дух. Счастливчик чувствовал, как мелко дрожат мышцы Беллы, прильнувшей к нему сбоку.

— Ты уверен, что здесь безопасно? — проскулила она, уронив голову на косматый бок Марты.

— Я ничего не слышу, — ответил Хромой, приподнимая уши.

— А мы сможем услышать что-нибудь сквозь этот дождь? — переспросила Белла, нервно зыркая глазами по сторонам.

— Если не услышим, то непременно почуем, — успокоил ее Счастливчик. — Ты же знаешь, как сильно воняет огненный сок! Вряд ли Длиннолапые смогут незаметно подобраться к нам.

— И все-таки лучше быть начеку, — сказала Луна, не сводя глаз с густой тьмы за стволами деревьев. — Давайте как следует принюхаемся!

— Я ничего не чувствую, — сказал Счастливчик после того, как несколько раз с шумом втянул в себя воздух. — Даю тебе слово, Луна, нет тут никого...

Он замер на полуслове. Сильный запах защекотал ему ноздри, обжег язык. Нет, это не клетки-гремелки и не Длиннолапые, это...

— Что такое? — встрепелась Белла. — Счастливчик, что?

– Собаки, – прорычал он.

Вскочив на лапы, Счастливчик встревоженно переглянулся с сестрой. Лизушка приподняла голову, мышцы на ее шее напряглись.

– Это он, – проворчала она, поднимая дыбом шерсть на загривке. – Тот бешеный пес.

Хромой закрыл лапами глаза и завыл:

– Ужас!

Счастливчик стал медленно разворачиваться вокруг, вглядываясь за деревья, но проливной дождь и ночная тьма не позволяли ничего разглядеть. Однако он заметил какие-то тени и понял, что опасность совсем близко. Тени шевелились, подползали все ближе и ближе – темные силуэты собак, прячущихся за стволами сосен.

Потом сквозь густые запахи дождя и мокрой земли просочился едкий и резкий смрад. Счастливчик инстинктивно отшатнулся, трясая головой, потер лапой нос.

«Это запах отравленной воды! – понял он. – Ужас ее пил! Может быть, он от этого сошел с ума?»

Или стал еще безумнее, чем был.

– Во имя великой Собаки-Страха! – дикий вопль заглушил шум дождя, эхом отлетел от стволов деревьев, разнесся над землей. – Я не позволю оскорбить ее священное имя, не допущу, чтобы территория, на которой поклоняются Собаке-Страху, подверглась нашествию чужаков!

Вся шерсть Счастливчика встала дыбом, он оскалил зубы и громко зарычал:

– О какой территории ты говоришь, безумец? Или ты считаешь весь этот лес своими угодьями? А как же город Длиннолапых и Собачий Сад? Это тоже твои земли? Опомнись, Ужас! Всесобаки могут разгневаться на твою жадность.

– Моя власть простирается на все, что я назову своим! – провыл Ужас. – Я помечу границы кровью дерзких собак, осмелившихся бросить вызов мне и оскорбить Собаку-Страх!

– Ты просто больной! – рявкнул Счастливчик, продолжая осторожно крутить головой, чтобы определить, где прячется безумный пес.

– Я уничтожу всех, кто посмеет перейти мне дорогу! – надрывался безумец.
– По велению Собаки-Страха! Я убью всех, а начну с предателя Хромого и его дружков!

В мгновение ока все тени пришли в движение. Собаки с лаем выскочили из леса и рассыпались во все стороны. Счастливчик налетел на Марту, в панике отпрыгнувшую назад, а дальше все превратилось в сплошной хаос. Мелькали тени, блестели зубы, остервенелый лай заглушил шум дождя, воздух мгновенно пропитался запахами страха, ярости и безумия.

– В бой! – пролаял Счастливчик. – Они нас окружили!

Его усталые друзья быстро выстроились в кольцо и сцепились с бешено нападавшими собаками из стаи Ужаса. Счастливчик когтями и зубами отогнал от себя пса, пытавшегося вцепиться ему в горло, но тут маленький черный Всплеск, с визгом подпрыгнув, повис у него на плече. С рычанием отшвырнув

его прочь, Счастливчик бросился на мелкую собачонку, повисшую на шее сестры. Белла громко взвизгнула от боли, когда Счастливчик оторвал от нее собачку, но он даже не успел взглянуть, что с ней такое. Еще одна собака очутилась прямо у него под боком, Счастливчик изготовился к прыжку...

«Нет! Это же Лизушка!»

Слава Собаке-Земле, он вовремя остановился. В ночной тьме, под хлещущим дождем было так просто обознаться и принять друга за врага!

Зато стаю Ужаса это нисколько не беспокоило. Подгоняемые своим безумным Альфой, эти собаки кусали и царапали всех, кто попадался им на пути, — и своих, и чужих. Счастливчик почувствовал, как чьи-то клыки впились ему в заднюю лапу. Он рванулся и похромал в сторону, но противник даже не думал разжимать челюсти, а молча волочился за Счастливчиком по грязи.

В темноте Счастливчик налетел на какую-то собаку, едва не свалив ее с ног. Это оказалась Лизушка, которая высоко подпрыгнула и с ходу ринулась в бой, схватившись сразу с двумя собаками. Это был ее первый настоящий бой, и Счастливчик, словно замороженный, со смесью восхищения и страха смотрел на свою воспитанницу. Беспощадная, ловкая и сильная, Лизушка была поистине ужасна в своем гневе, хотя Счастливчик видел, что ее бока слегка подрагивают то ли от холода, то ли от страха. Но это лишь сильнее распяляло ее ярость, и Счастливчик испугался, что Лизушка может потерять контроль над собой.

Оторвав назойливого пса от своей лапы, Счастливчик подбежал к Лизушке, схватил одного из ее противников зубами за плечо и отшвырнул в сторону.

— Отойди, Лизушка! — пролаял он. — Иди в лес, мы потом тебя разыщем!

— Ни за что! — прорычала она. — Я не собираюсь бежать с поля битвы!

— Лизушка, так надо...

— Помогите!

Счастливчик резко повернул голову, услышав знакомый голос, и увидел Луну, прижавшуюся спиной к дереву.

— Бегу! — ударом лапы он отшвырнул пса, прыгнувшего ему на горло, и тот покатился по земле.

Счастливчик кинулся к Луне, но по пути врезался еще в одну визжащую собачонку, яростно подпрыгивавшую на месте. Рыча от негодования, Счастливчик попытался отбросить ее прочь, но мелкая паршивка вцепилась в него, как клещ.

— Луна!

Счастливчик был уже так близко, что увидел, как сразу три собаки со всех сторон обступили прижавшуюся к дереву Луну. Слюна капала из их разинутых пастей, клыки сверкали в темноте. Сам Ужас кругами ходил вокруг окруженной Луны, его безумные желтые глаза горели ненавистью и жадой крови. Луна отчаянно сопротивлялась, но было ясно, что ее положение безнадежно.

Счастливчик с воем опрокинул на землю несносную собачонку и зло куснул ее за ухо, но когда хотел броситься на помощь Луне, то услышал ее крик, полный настоящего ужаса:

– Нет! Не надо, Порох, прошу тебя!

Повернув голову, Счастливчик увидел, как Порох с рычанием ворвался в круг собак, атаковавших его подругу. Он был весь в крови и едва держался на лапах, но отважно бросился прямо на Ужаса. Безумный пес испустил дикий вопль ярости:

– Убейте его! Я приказываю убить этого пса!

Глава XX

Счастливчик ринулся в толпу рычащих собак, слепо расшвыривая всех, кто попадался ему на пути, но Ужас и двое его приспешников уже набросились на Пороха. Огромного пса сбили с лап, так что он тяжело ударился боком о ствол дерева и сполз на землю. Под отчаянный вой Луны могучий Порох скрылся в вихре когтей, зубов и лап своих разъяренных врагов.

Счастливчик резко остановился под проливным дождем. Он уже не видел Пороха под кишасей грудой мокрых шкур. Лапы Ужаса и двух его приспешников взлетали и падали вниз, клыки сверкали. Но даже сквозь хлещущий дождь Счастливчик видел темные потеки крови, быстро сбегаящие в лужи. Он даже чувствовал страшный запах – плохой, кисловатый душок гнилой желтой крови и болезни, сочащийся из бесчисленных ран Пороха.

– Порох! Нет! – Луна бросилась сверху на кучу дерущихся собак, но один из мучителей Пороха развернулся и кинулся на нее. Второй приспешник Ужаса пришел ему на помощь, и они вместе оттащили Луну в сторону и прижали к земле, чтобы она не мешала безумному Альфе рвать и терзать обмякшее тело Пороха.

Теперь, когда собаки расступились и на земле остались только Порох и Ужас, можно было нанести удар, не боясь задеть друга. Счастливчик напружинил лапы, изготовившись прыгнуть на Ужаса, но какая-то упругая тень вдруг промчалась мимо, отшвырнув его в сторону. Это Лизушка, вихрем вылетев из темноты, бросилась на Ужаса и, схватив его зубами за загривок, оттащила от Пороха.

Сцепившись, они покатались по земле, но Лизушка ни на миг не разомкнула свои страшные челюсти. На глазах ошеломленного Счастливчика она впилась когтями в мокрую землю, могучим усилием вырвалась из лап Ужаса и обрушилась на безумного пса сверху, вдавив его в грязную жижу. Казалось, она не замечала ни шелкающих челюстей огромного противника, ни пены, валившей из его пасти. Ужас беспомощно сучил задними лапами по грязи, поднимая в воздух тучи брызг, но Лизушка тоже умела брыкаться. Она несколько раз как следует ударила Ужаса в живот задними лапами, глубоко расцарапав когтями его шкуру, а потом всем телом навалилась ему на голову, окунув носом в лужу.

Счастливчик открыл пасть, приготовившись приказать Лизушке остановиться, но слова застряли у него в глотке. Гнев, ярость и жажда мести ударили ему в голову:

«Пусть она убьет его! Пусть отомстит за Пороха!»

Порох! Опомнившись, Счастливчик бросился к другу. Собаки, напавшие на Луну, уже опрометью удирали прочь, одна из них с воем зализывала рваную рану на морде. Вскочив с земли, Луна бросилась к Пороху, упала рядом с ним и принялась лихорадочно вылизывать его кровоточащие раны.

– Порох, милый, я здесь! Я с тобой! – выла она, пытаясь лизнуть его в пасть. Когда Счастливчик, подняв тучу грязных брызг, подскочил к ним, Луна яростно зарычала, но, узнав соратника, снова отвернулась к раненому.

Счастливчик в ужасе смотрел на Пороха. Его бока едва заметно вздымались и опадали, язык вывалился прямо в грязь. Луна, продолжавшая вылизывать его раны, то и дело кашляла и отплевывалась. Наконец, она со стоном обернулась к Счастливчику:

– У него совсем плохая кровь! Что с ним такое, Счастливчик?

– Я не знаю... Эти Длиннолапые...

– Да, но что нам теперь делать? Чем мы можем ему помочь? – Луна в отчаянии уронила голову на плечо Пороха.

– Я не знаю, Луна, – проскулил Счастливчик. – Я не знаю.

Свирепое рычание, раздавшееся сзади, заставило его обернуться.

Лизушка! Она лежала на боку, Ужас только что вырвался из-под нее и, опрокинув на землю, вцепился слюнявыми клыками ей в шею. Но он недооценил свою молодую противницу! Лизушка была не только сильна, но проворна и очень ловка. Дернув головой, она вывернулась из пасти Ужаса, одним рывком освободила свое тугое мускулистое тело из-под его тяжести и перекатилась на живот.

– Нет, Лизушка, так нельзя! – завопил Счастливчик. – Не подставляй ему спину!

Но было уже поздно. Ужас одним прыжком вскочил Лизушке на спину, вжал ее мордой в грязь и впился зубами в шею. Лизушка завизжала от боли.

С диким ревом Счастливчик ринулся на Ужаса, вцепился зубами в первое попавшееся место. Это оказалось рваное ухо безумца.

«Вот и отлично, сейчас ты у меня запоешь!»

Счастливчик яростно заработал клыками, и с удовлетворением почувствовал, как Ужас, взревев от боли, выпустил Лизушку. Счастливчик довольно зарычал и, не выпуская из пасти ухо врага, потащил Ужаса прочь от Лизушки.

Ужас брыкался и вертелся, потом рывком высвободил свое ухо и отскочил в сторону. Счастливчик поперхнулся и сплюнул полную пасть крови. Ужас запрокинул голову и испустил в черное небо истошный рев бешенства.

«Он как будто не чувствует боли, – холодея, подумал Счастливчик. – Безумие делает его неуязвимым. Или это Собака-Страх защищает его от боли? Может, его безумные рассказы все-таки не были сплошной выдумкой?»

Это была очень страшная мысль, но сейчас у Счастливчика не было времени ломать себе голову над загадками Ужаса. С пронзительным визгом безумный пес бросился на него.

Счастливец опустил голову и зарычал, приготовившись встретить врага, но Ужас до него не добрался. Лизушка ринулась ему наперерез, ударила головой в прыжке, и они вместе покатались по земле.

«Какая же она храбрая! – сердце Счастливика запело от гордости, но страх за Лизушку был еще сильнее. – Она великолепна в бою, но если не будет осторожна, этот сумасшедший ее убьет! Он совсем потерял голову».

– Лизушка, хватит! Остановись!

Небо над их головами внезапно озарилось ослепительным серебряным светом. Молния! Небесный Пес запрыгал по небу, рассыпая искры по ветвям деревьев, а Лизушка и Ужас вновь сшиблись в прыжке, клацнув клыками.

На какое-то мгновение Счастливец перестал видеть, ослепленный. Но когда стремительный Молния промчался мимо, к нему вернулось зрение, и он увидел, что Лизушка и Ужас сцепились челюстями. Потом они вместе рухнули на землю, и Лизушка с огромным усилием вырвалась.

Счастливец оцепенел, перестав дышать. Молодая Свирепая собака бешено тряхнула головой и выплюнула в грязь комок окровавленного мяса. Ее бока, мокрые от дождя и крови, ходили ходуном, глаза горели злым торжеством.

Не чуя под собой лап, Счастливец шагнул вперед, чтобы защитить Лизушку, если Ужас решится снова броситься на нее, но Ужас даже не шелохнулся. Дергаясь всем телом, он лежал на мокрой земле, и кровь черной струей хлестала из его пасти.

Только теперь Счастливец увидел все. Нижняя челюсть Ужаса была вырвана с мясом. Желтые глаза безумного пса закатились под лоб, из его горла доносилось жуткое бульканье.

Шум схватки мгновенно стих, теперь в мокром лесу был слышен только шелест дождя, хриплое дыхание измученных собак и кошмарные хрипы, вырывающиеся из глотки умирающего Ужаса.

Потом тоненький жалобный вой прорезал ночную тишину, и стая Ужаса в панике бросилась врассыпную.

– Ужас!

– Великий Ужас!

– Наш вожак! Наш Альфа умер!

– Бежим, бежим!

Грязь дождем полетела на поляну, по воде захлюпало множество лап, и собаки, визжа и налетая друг на друга, помчались в темноту. Когда последний вражеский пес с визгом скрылся в кустах, Счастливец на подгибающихся лапах подошел к Ужасу. Он не слышал ничего, кроме грохота крови в ушах и собственного хриплого дыхания. Потом звуки вернулись, зато потемнело в глазах.

Хромой заскулил от страха:

– Он умер?

– Нет, – хрипло ответил Счастличик, глядя на лужу крови, быстро растекавшуюся под изуродованной головой Ужаса. – Но умирает.

Марта с дрожью отвернулась, зато Лизушка без тени страха подошла к поверженному врагу. Она протянула лапу, дотронулась до вздрагивающего бока Ужаса.

«Она больше не дрожит, – леденея от предчувствия беды, понял Счастличик. – Она как будто больше не чувствует холода!»

Лизушка склонила голову набок и вопросительно посмотрела на Счастличика.

– Мне позаботиться о том, чтобы этот безумец больше никогда не напал на нас?

Счастличик похолодел. Она задала этот вопрос совершенно искренне, без тени сомнения.

«Она просто хочет помочь, – беспомощно сказал себе Счастличик, глядя в круглые и безмятежные глаза Лизушки. – Она пытается нас защитить...»

Он с усилием помотал головой.

– Нет! От такой раны не выживают. Оставь его Собаке-Земле, теперь он в ее власти.

– Собака-Земля давно его заждалась, – оскалилась Лизушка, дотрагиваясь когтем до окровавленного обрывка уха Ужаса. – Надеюсь, она его накажет!

Но прежде чем Счастличик успел ответить, тишину прорезал истошный вопль:

– Он умирает! Порох умирает! Помогите!

Глава XXI

Собаки разом сбросили с себя оцепенение и со всех лап кинулись к Луне, которая скорбно съезжилась возле Пороха. Могучий пес попытался привстать, но это усилие оказалось для него непосильным, и он тяжело повалился на землю, обдав себя и Луну волной грязи. Дождь наконец начал стихать, но ветер продолжал стряхивать на собак воду с ветвей сосен, и в наступившей тишине еще отчетливее чувствовался запах крови Пороха.

Сердце Счастличика как будто превратилось в кусок льда; ему почудилось, будто он слышит тихий голос Собаки-Леса, шепчущий, что надежды больше нет. Наверное, окажись они возле того места, где жили «ветеринары», о которых рассказывала Белла, Пороха еще можно было бы спасти, но...

Но они были в чаще леса, и единственными Длиннолапными, находившимися поблизости, были те самые жестокие мучители, которые погубили Пороха.

Луна с горестным воем прижалась щекой к голове друга.

– Порох! – шептала она. – Пожалуйста, держись! Ты же такой сильный! Ты всегда был сильным, всегда... Ты победил Ужаса, прошу тебя, одолей и это...

– Ужас был снаружи, – прохрипел Порох, кашляя кровью. Голос у него дрожал и срывался, – а это убивает меня изнутри, Луна. Я не могу одолеть этого врага.

– Ты сможешь, Порох, я знаю, ты сможешь! Мой храбрый, мой сильный Порох, умоляю тебя, постарайся... Сделай это ради меня, ради наших детей! – твердила Луна, крепко зажмурив глаза и всем телом прижимаясь к нему.

Неимоверным усилием Порох приподнял голову и ласково потерся носом о голову своей верной подруги.

– Эту битву мне уже не выиграть, Луна. Мне пришло время умирать. Я ухожу...

Луна испустила душераздирающий вопль:

– Не надо, прошу тебя, не говори так! Собака-Земля услышит тебя и подумает, будто ты и правда готов умереть! Она заберет тебя, она отнимет тебя у меня, Порох...

– Да, Луна, – очень тихо ответил Порох. – Так и будет. Я уже ничего не могу поделать, мое время пришло.

Дождь печальной каплей сыпался на обступивших Пороха собак. Мокрые, окровавленные, они стояли, зажав хвосты между лап. Лунный свет, просачиваясь сквозь ветки сосен, сверкал на лужах.

Хромой лежал ничком на земле, его глаза были полны горечи. Лизушка, все еще стоявшая над умирающим Ужасом, с дрожью смотрела на Луну и Пороха.

– Счастливчик, – прошептала она, – помоги ему! Сделай что-нибудь.

Марта ласково потерлась носом о ее плечо:

– Мы ничего не можем сделать, Лизушка.

– Марта права, – шепотом выдавил Счастливчик. Он поднял голову, обвел глазами друзей. – Давайте оставим их вдвоем. Луна должна проститься с Порохом. А потом... – он тяжело вздохнул, – потом мы должны идти. Нужно поскорее вернуться в нашу стаю.

Хромой неуклюже поднялся на лапы, Марта и Белла попятились прочь от душераздирающей сцены прощания, но Лизушка не тронулась с места. Она не сводила глаз с Пороха и стояла как вкопанная.

– Лизушка, – попросил Счастливчик. – Идем.

– Я сторожу Ужаса, – прорычала она.

– Он уже никуда не уйдет, – вздохнул Счастливчик. – Прощу тебя, пойдём. Дай Луне и Пороху побыть наедине.

– Но...

– Я сказал – идем! – он слегка зарычал, показывая, что это приказ.

Лизушка с явной неохотой покинула свой пост, но прежде, чем отойти на почтительное расстояние от прощающихся навсегда собак, остановилась и бросила на Ужаса косой взгляд, полный брезгливого отвращения.

Счастличик, Марта, Белла и Хромой сели на мокрую землю и опустили глаза. Дождь продолжал уныло падать с черного неба, Собака-Луна прыгала по рваным тучам, взбираясь все выше и выше на небо, и в какой-то момент Счастличик почувствовал, как Лизушка прильнула к нему. Бок у нее был теплый, она клевала носом и выглядела совсем юной и славной, как будто вновь стала смешным маленьким щенком, каким он ее запомнил. Неужели это была та самая Свирепая собака, которая только что в страшной схватке вырвала у своего противника челюсть?

Счастличик не мог в это поверить. Несмотря на то, что он видел это своими глазами, он был готов поднять на смех любого, кто сказал бы ему, что Лизушка способна на такое. Подняв голову, он натолкнулся на печальный взгляд Беллы.

— Ах, Счастличик, — еле слышно прошептала его сестра, — все оказалось напрасно... Мы столько вынесли, но все равно потеряли Пороха...

Счастличик проглотил вставший в горле ком, но заставил себя не отвести глаз.

— Нет, Белла, я не думаю, что все было напрасно... Мы не могли оставить Пороха в лапах желтых Длиннолапых, которые травили его ядовитой водой!

— Но мы не смогли его спасти.

— Да, я знаю. Но мы хотя бы пытались! И в каком-то смысле все-таки спасли. Порох умирает свободным, после битвы с врагами, рядом со своей подругой, а не подыхает в собственной грязи и рвоте в клетке Длиннолапых!

— А еще мы убили Ужаса, — сонно прошептала Лизушка, поудобнее устраивая голову на плече Счастличика. Не открывая глаз, она несколько раз облизнула свою окровавленную пасть.

Дрожь пробежала по шкуре Счастличика, но он с усилием кивнул.

— Теперь собаки из стаи Ужаса смогут зажить нормальной жизнью. С таким Альфой они все равно не могли бы выжить.

— Получается, что мы пожертвовали Порохом, чтобы избавиться от Ужаса! — всхлипнула Белла. — Но я бы ни за что не отдала его жизнь за жизнь этого проклятого безумца! И даже ради спасения всех зверей, которых мы освободили!

— И я бы не отдал, но никто этого от нас и не требовал, — проскулил Счастличик. — Так уж вышло, Белла. Зато теперь мы знаем, насколько опасны желтые Длиннолапые. Мы знаем, где их лагерь, и отныне будем всегда держаться от них подальше. Мы видели, что происходит со зверями, которые попадают им в лапы. — Он поднял голову, повернул нос в сторону ветра и принюхался. — Что же до других зверей, то я не жалею о том, что мы освободили их. Конечно, ни лисы, ни койоты, ни царпки никогда не будут нашими друзьями, но я все равно рад, что они теперь будут бегать по лесу и жить своей жизнью, а не умирать страшной смертью в лапах жестоких Длиннолапых!

— В этом я с тобой согласна, — прошептала Белла после долгого раздумья. — Но их свобода все равно не стоит жизни Пороха!

— Нет, не стоит. Но мы не меняли жизнь Пороха на их свободу, мы их просто освободили. Мы ничего не можем изменить, зато можем извлечь урок из этого

страшного опыта. Отныне мы будем еще сильнее остерегаться Длиннолапых и еще лучше защищать свою стаю. Разве это не ценный опыт?

— Счастливчик прав! — только что дремавшая Лизушка вскочила так резко, что Счастливчик засомневался, спала ли она вообще. — Порох умирает страшной смертью, но мы очень многое узнали и многому научились. Наша стая станет еще сильнее после этой потери!

«Она еще слишком молода, чтобы с такой мудростью принимать страшные удары судьбы, — подумал Счастливчик, вылизывая Лизушке уши. — Но ведь это не первая ее встреча со смертью... Едва появившись на свет, она потеряла свою Мать-Собаку и несколько дней лежала рядом с мертвым телом маленького брата... Бедная, бедная Лизушка! Она родилась сразу после Большого Рыка, ее первые дни были отравлены запахом гибели, она слишком рано начала терять тех, кого любила. Не удивительно, что смерть пугает ее гораздо меньше, чем должна бы...»

Хорошо это или плохо? Счастливчик не знал ответа.

Его невеселые размышления были прерваны жутким надрывным воем. Все собаки разом повернулись к Луне, которая сидела на задних лапах перед неподвижным телом своего друга.

— Порох! — душераздирающе завывала Луна. — Он умер! Мой друг мертв!

Счастливчик робко приблизился к безутешной собаке, прижался всем телом к ее содрогающемуся боку, принялся лизать в плечо.

— Ах, Луна, Луна, — шептал он. — Этого не должно было случиться! Но теперь Собака-Земля позаботится о нем.

— Да, мы должны предать моего друга Собаке-Земле! — выдавила Луна. — Я не оставлю его лежать, как падаль!

— Конечно, мы сделаем все, что нужно, — прошептал Счастливчик, утыкаясь носом в ее шею. — Мы все тебе поможем.

Проливной дождь, изнурявший собак все последние дни, сослужил им хоть одну добрую службу — он размягчил землю, облегчив рытье ямы. В полном молчании собаки быстро работали передними лапами, и хотя дно ямы быстро заполнялось дождевой водой, вскоре им удалось выкопать достаточно глубокую могилу. Хромой грустно ковылял туда-сюда вдоль ямы, то и дело поглядывая на окаменевшую от горя Луну.

— Прости, что я не помогаю копать, — проскулил он. — Просто моя лапа...

— Ничего страшного, даже не думай об этом. — Луна вздохнула, потом подняла перепачканную землей морду и лизнула доброго пса в нос. — Я знаю, ты любил моего Пороха и сделал для него все, что мог.

Как можно бережнее собаки подтащили тело Пороха к краю могилы и столкнули вниз. Время шло, а они все стояли, глядя на неподвижное тело, не решаясь пошевелиться. Казалось, прошла целая вечность, прежде чем собаки нехотя заработали лапами, забрасывая мертвого пса землей.

— Собака-Земля! — проскулила Луна. — Прими моего Пороха! Позаботься о нем. Верни его обратно в мир.

Счастливчик уронил голову ей на спину, закрыл глаза:

— Собака-Земля не оставит его.

Он надеялся, что его слова прозвучали убедительно. Но на самом деле Счастливец впервые в жизни усомнился в милосердии Собаки-Земли.

«Как Всесобаки могут так жестоко поступать с нами? Если они в самом деле существуют, если они заботятся о нас, как говорила наша Мать-Собака, то как они могут допускать существование такого зла, такой несправедливости?»

Не выдержав, он тоненько заскулил от отчаяния.

– А как же Ужас? – спросила Белла, отходя от свежей могилы Пороха.

«Кстати, где Лизушка?» Счастливец только сейчас понял, что ни разу не вспомнил о ней, поглощенный тяжелой и скорбной работой по похоронам Пороха. Он pokrutil головой, ища глазами молодую собаку, наморщил лоб.

«Кстати, она даже не помогала нам копать могилу. Почему?»

Лизушку он нашел над телом Ужаса. Она вновь стояла над своим поверженным врагом, внимательно разглядывая его.

– Безумный пес умер! – звонко пролаяла Лизушка, поймав взгляд Счастливика. – Наконец-то! Будем копать для него яму?

Счастливец поморгал, переводя глаза с Лизушки на Ужаса. Мертвый Альфа бесформенной кучей валялся на размокшей от дождя и крови земле, смерть настолько изменила его, что в нем едва можно было узнать собаку. Казалось, будто сам дождь торопился смыть его останки, чтобы навсегда убрать их со шкуры Собаки-Земли.

«Что ж, мы знали, что он умрет», – подумал Счастливец.

Он снова посмотрел на Лизушку, и она ответила ему светлым и ясным взглядом. Потом, слегка удивленная его пристальным вниманием, она слегка склонила голову и вопросительно приподняла уши.

«Ужас не мог выжить с такой раной! Это было понятно».

Лизушка медленно вильнула хвостом. Все еще не понимая, что происходит, она негромко, неуверенно проскулила.

«Наверное, Ужасу лучше было умереть».

И все-таки при виде этого мертвого тела у Счастливика отчего-то мурашки бежали вдоль хребта. Он отвернулся, но не выдержал и снова взглянул на Ужаса. Кажется ему, или тело, в самом деле, сдвинулось с места? Разве оно не лежит чуть иначе, чем совсем недавно? Разве в неподвижных глазах Ужаса не появилось какое-то новое, еще более жуткое, выражение?

Нет, Лизушка не могла! В этом не было никакой необходимости.

Правда же?

Собака-Солнце ярко сияла сквозь ветви деревьев, когда измученный маленький отряд вновь двинулся в путь. Усталые собаки брели, будто во сне, с трудом волоча лапы по хлюпающей грязи. Луна шла впереди, не оглядываясь, голова ее была высоко поднята, но уши и хвост уныло

свесились. Хромой ковылял чуть позади, а за Счастливым в мрачном молчании плелись Марта и Белла.

Сразу за Хромым в одиночестве шла Лизушка. В отличие от остальных, она выглядела бодрой и настороженной, кончик ее хвоста слегка подергивался, уши чутко ловили звуки леса. Счастливчик поймал себя на том, что ему впервые совсем не хочется подбежать к ней, спросить, как дела. Лизушка казалась отрешенной, словно глубоко ушла в свои мысли.

«О чем ты думаешь, Лизушка? Мне страшно за тебя... Впервые я не знаю, что мне с тобой делать!»

Чуть отстав, Счастливчик поравнялся с сестрой, пошел рядом. Белла искоса посмотрела на него.

— И ты до сих пор думаешь, что сможешь ее контролировать? — тихо спросила она.

Счастливчик не стал уточнять, о ком она говорит, все и так было понятно. Он приподнял одно ухо, но даже не взглянул на сестру. Его взгляд был прикован к Лизушке, тихо шедшей впереди.

— Не знаю, — после долгого молчания отозвался Счастливчик. — Может, мне и не нужно этого делать. И так видно, что она будет непревзойденной бойцовой собакой. Это у нее в крови. Вчера она сделала то, что сделала бы любая собака на ее месте. Они с Ужасом сражались не на жизнь, а на смерть, и Лизушка победила.

— И ты считаешь, что это все? — хмуро спросила Белла, насторожив уши.

— В бою мы все становимся свирепыми и беспощадными, — вздохнул Счастливчик. — Инстинкты пробуждают в нас хищников.

— Это было другое, — осторожно заметила Белла. — У Лизушки пробудились совсем другие инстинкты.

— Да, ты права. Это было... — Счастливчик грустно покачал головой: — у нее в крови инстинкт собаки-убийцы. Что удивительного в том, что она использовала его в схватке с Ужасом?

«Я пытаюсь убедить Беллу в том, что ничего страшного не произошло, но ведь сам я совсем в этом не уверен... Я до сих пор не могу отделаться от ощущения, будто что-то нехорошее случилось, уже после того, как битва была закончена. Будто что-то было сделано потом, когда я отвернулся... Но даже если так, что из этого? Я не слышал ни рыка, ни свирепого лая. Если смерть приходит как избавление, можно ли назвать убийцей того, кто ее несет?»

Луна, шедшая впереди всех, вдруг остановилась, взглянула на небо и отрешенно вздохнула:

— Собака-Солнце почти завершила свое путешествие. В пору Алого Листа она совсем ненадолго остается с нами, наверное, ей не нравится наступление холодов. Собака-Солнце пытается поджечь деревья, чтобы согреть Собаку-Землю, однако они только краснеют и желтеют, но не загораются.

Счастливчик нежно лизнул ее в ухо.

— Давайте устроим лагерь, чтобы переждать бессолнечницу, — сказал он. — Все устали, нам нужен отдых.

– Как ты думаешь, дождь будет?

У Счастливого сжалось сердце от безысходной тоски, прозвучавшей в голосе Луны.

– Вряд ли. Небо ясное. Давайте переночуем под деревьями, а с рассветом снова пустимся в путь.

– Мы должны оплакать Пороха и спеть ему прощальную песнь, – прошептала Луна. – Мы обязательно сделаем это, когда наша стая соединится. – Она тихо описала круг перед сном, легла на листья и закрыла глаза. – Мы споем Великую песнь, призовем Всесобак, чтобы они встретили Пороха, позаботились о нем и помогли в долгом странствии.

Глава XXII

Этой бессолнечницей лес был особенно тих и печален. Даже слабое дуновение ветерка не шевелило листву над головами собак, и насекомые не шуршали в траве, словно боялись потревожить усталых путников. И все-таки Счастливчик спал очень спокойно. Он вертелся и ворочался, словно лежал на муравейнике, ненадолго забывался тревожным сном и тут же снова просыпался, дрожа всем телом. Ему снились загадочные и пугающие сны – видения Собачьей Грозы смешивались с жуткими картинками последней битвы со стаей Ужаса. Счастливчик боялся, что если он заснет чуть крепче, этим кошмарам не будет конца. Даже лесная тишина и неподвижность деревьев пугали его.

В какой-то момент он снова задремал, но почти сразу проснулся от негромкого звука.

«Шаги. И совсем рядом».

Счастливчик как можно тише встал, стараясь не разбудить измученную Луну. Неужели стая Ужаса все-таки решилась вернуться и отомстить за смерть своего Альфы?

«Нет, шаги идут не в нашу сторону. – Счастливчик поморгал, всматриваясь в темноту, и вскоре различил за деревьями движущуюся тень. – Это же Лизушка! Она уходит!»

Может, ей просто захотелось размять мышцы или закопать свою грязь? Но какая-то сила заставляла Счастливого идти за Лизушкой, почему-то он знал, что ни в коем случае не должен оставлять ее одну. Он тихо прокрался за ней до самого подножия холма. Здесь Лизушка обернулась и взглянула на Счастливого, но в ее глазах он не увидел ни удивления, ни раскаяния.

– Что это значит, Лизушка? – шепотом спросил Счастливчик. – Что ты делаешь?

– Ничего, – ответила она, глядя мимо него в темноту леса. – Просто захотелось побыть одной. Я чувствую себя... виноватой, – она вздохнула, но по-прежнему не смотрела на Счастливого.

Он весь напрягся от вновь пробудившихся подозрений:

– Виноватой? В чем?

– Не знаю. Мне не нравится, как вы все вдруг переменились ко мне. Это странно... и неприятно. Никто из вас ничего не говорит вслух, но я чувствую, как что-то изменилось. Все считают меня скверной, да? Опасной, злой, порочной... такой же, как Ужас Это так?

Счастливчик облизнул пересохшие губы, внутри у него вся затряслась от страха.

– Честно говоря, я сам был потрясен тем, как ты сражалась с Ужасом. И тем, как ты его... победила Нет, я не говорю, будто ты сделала что-то не так! – поспешно добавил он. – Просто... ты совсем не сдерживалась, ни капельки.

– А я должна была это сделать? – прямо спросила его Лизушка. – Я должна была сдержаться в бою с псом, только что растерзавшим Пороха? Почему?

– Просто... – растерянно залепетал Счастливчик, не зная, что сказать. – Просто мы все так делаем...

– А я нет? Значит, я скверная? – Лизушка наконец обернулась и с тревогой посмотрела на него своими темными блестящими глазами.

– Нет! Я точно знаю, ты не такая! – Счастливчик сел на задние лапы, посмотрел на нее. – В тебе живет гнев, но в этом нет ничего удивительного. Ты живая, ты свирепо предана своим товарищам, у тебя горячая кровь. Ты хочешь защитить своих друзей и свою стаю. В этом нет ничего скверного, Лизушка!

– Но... я боюсь, что могу быть такой... – Лизушка вздрогнула, крепко зажмурила глаза. – Я могу стать такой... как Сталь.

– Вот поэтому я и стараюсь держать тебя рядом, – горячо прошептал Счастливчик, зарываясь носом в шерсть на ее шее. – Ты должна быть рядом со мной, со всеми нами. Оставайся в стае, слышишь? Без стаи ты можешь не совладать со своей яростью, понимаешь?

Лизушка легла на живот, с мольбой заглянула ему в глаза.

– Я не хочу стать такой, как Сталь! – зашептала она. – Не хочу! Я хочу быть надежным членом стаи, умелой охотницей и защитницей, но не свирепой убийцей! Я хочу быть хорошей собакой!

Счастливчик ласково потерся подбородком о ее макушку, закрыл глаза и заставил себя не обращать внимания на гложащие его сомнения. Но тихий шепот, вдруг оживший в его голове, не унимался, он снова и снова вкрадчиво спрашивал, может ли прирожденная убийца быть хорошей.

Что сказал бы Альфа, если бы увидел, как Лизушка сражалась с Ужасом?

Что сказала бы Лапочка?

Внезапно Счастливчик почувствовал прилив гнева, который мгновенно заглушил предательский шепоток сомнения. Он не знал, что сказали бы Альфа и Лапочка. Но он прекрасно знал, что должны сказать Лизушке все те, кто сейчас беспокойно спали под деревьями. И он сам.

Потому что Счастливчик прекрасно помнил, как вчера стоял на залитой дождем поляне, смотрел на сцепившихся Ужаса и Лизушку и всем сердцем хотел, чтобы Лизушка отомстила безумному псу за Пороха.

Вчера он хотел, чтобы Лизушка убила Ужаса.

Какое он имеет право осуждать ее сегодня?

«Мы должны сказать ей спасибо! Только благодаря Лизушке мы остались живы и теперь возвращаемся в свою стаю!»

– Слушай, что я тебе скажу, Лизушка. Мы не спасли Пороха, но если бы не ты, мы все остались бы с ним на той поляне. И я позабочусь о том, чтобы все собаки это поняли!

Лизушка вскинула голову, ее глаза влажно заблестели.

– Правда? Ты, правда, так думаешь?

– Идем, глупышка, – нежно проурчал Счастливчик. Он помог ей подняться на лапы и подтолкнул в сторону спящих собак.

– Спасибо тебе, Счастливчик, – прошептала Лизушка, сонно хлопая глазами.

Они легли рядышком, прижались друг к другу, и вскоре Счастливчик почувствовал, как мышцы Лизушки расслабились, а дыхание стало глубоким и ровным. Она спала.

Но Счастливчик никак не мог уснуть. Вкрадчивый шепот сомнения вернулся, обрел силу, зазвучал во весь голос. Стоило Счастливчику закрыть глаза, как он снова и снова видел Лизушку, стоящую над мертвым телом Ужаса. Тяжелораненого Ужаса, который так долго умирал, медленно истекая кровью, и вдруг оказался мертв.

«Что случилось, Лизушка? Что ты сделала?»

Когда тусклый рассвет тронул ветви деревьев, собаки начали вставать и потягиваться. В голове Счастливчика слегка мутилось от недосыпания, но он знал, как вернуть себе бодрость. Был только один способ хорошенько встряхнуться и забыть об усталости.

– Белла! – протявкали он, пихая сестру носом. – Давай поохотимся?

Та с готовностью вскочила и засеменила рядом с братом. Счастливчик знал, что в густой чаще им вряд ли попадутся быстроногие кролики, да и птицы предпочитали отсиживаться в кронах деревьев, дерзко посвистывая над головами собак и осыпая их своими щебечущими насмешками, но терпеливым охотникам все-таки удалось загнать и поймать несколько жирных белок, которые в пору Алого Листа становятся слишком сонными и вялыми, чтобы убежать.

– Три белочки и куница, – протявкала Белла, обнюхивая кучку добычи. – Еще поохотимся или пойдём?

– Пожалуй, хватит пока, – решил Счастливчик, ворочая лапой обмякшее тельце куницы. – Немного, конечно, но сейчас важнее быстрее отправиться в путь.

Вернувшись в лагерь, они разделили принесенную добычу поровну, без оглядки на стайную иерархию. Но Луна только вяло понюхала заднюю часть белки и отвернулась.

– Спасибо, я не голодна, – вяло пробормотала она. – Поделите мою часть.

– Нет, Луна, так нельзя, – с тревогой воскликнул Счастливчик, лизнув ее в нос. – Впереди долгий путь, тебе понадобятся силы!

Луна с усилием кивнула и склонилась над своим куском, но лишь для того, чтобы перевернуть его лапой, как сытая царапка, играющая с пойманной мышью. Откусив два кусочка, она вздохнула, отодвинула недоеденную дичь и судорожно закашлялась.

– Все, больше не могу. Прости, Счастливчик.

– Хорошо, – кивнул он, уткнувшись носом в ее шею. – Я понимаю.

«Но я все равно теперь глаз с тебя не спущу, Луна! Ты должна остаться с нами, клянусь, я пойду на все, чтобы не потерять больше ни одной собаки!»

После еды маленькая стая – усталая, израненная, едва живая от боли и горя – вновь пустилась в путь, на этот раз предоставив Марте идти впереди. Когда огромная черная собака, следуя на запах Собаки-Реки, вывела отряд на берег и глазам путников предстала серебристая гладь воды, Счастливчик почувствовал, как силы возвращаются в его израненное тело.

– Ну все, теперь нам остается только идти по течению, – сказал он, слабо виляя хвостом. – Скоро мы будем в брошенном городе Длиннолапых, а уж оттуда пойдём по следу, который нам оставила наша стая.

Вскоре трава и мягкая лесная земля сменились твердым камнем искусственных дорог, и собаки вступили в тень домов. Они устало брели по улицам, уткнувшись носами в землю, чтобы не упустить след стаи.

Новая тревога, как стая кусачих муравьев, зашевелилась под шерстью Счастливчика. Кажется ему или запах смерти стал слабее, чем раньше?

«Может быть, всему виной холода Алого Листа? Или Собака-Земля наконец забрала Длиннолапых?» Счастливчик зажмурился, с болью вспомнив одинокий холмик мокрой земли, под которым навсегда остался Порох.

– Мы не знаем, в какую сторону ушла стая, – проскулила Лизушка.

– Скоро узнаем! – как можно увереннее твякнул Счастливчик. – Лапочка обещала оставить для нас след, а на нее можно положиться. Не беспокойтесь, лучше нюхайте тщательнее. – Удача почти сразу же улыбнулась ему: – Эй, стойте! Чувствуете?

Лизушка недоверчиво поскребла лапой землю, принюхалась и просияла.

– Здесь была Солнышко! И Лапочка!

– Я знал, что они нас не подведут, – оскалился Счастливчик. Впервые за последние дни он чувствовал себя почти счастливым. – Если след не прервется, то мы очень скоро их догоним!

Его мышцы протестующе ныли, натертые подушечки лап горели огнем, но он упрямо брел по следу через бесконечные пустые улицы и узкие переулки. Что-то сейчас чувствуют остальные? Хватит ли у них сил дойти? Счастливчик еле переставлял лапы. Шаг, еще шаг и еще. Он знал, что если остановится,

пусть даже ненадолго, то уже ни за что не сможет пойти дальше. Он просто ляжет на твердую землю и уснет...

Неожиданно какой-то запах заставил его резко замереть с понятой лапой.

— Что это?

Усталая Белла вскинула опущенную голову.

— Не знаю...

Запах был очень странный — едкий, солоноватый. Он шел не от деревьев, не от пожухлой осенней травы и даже не от реки, а словно откуда-то из далекого-далека, как будто до собак доносилось могучее дыхание чего-то огромного, живого и неукротимого. Счастливчик растянул губы, пытаясь понять, что же это такое, но запах ускользал, оставался далеким и непонятным. Значит, оставалось снова идти вперед, надрывая коченеющие от усталости мышцы. Но через несколько шагов выяснилось, что Хромой уже совсем выбился из сил. Он шатался и спотыкался на каждом шагу, и Счастливчик впервые задумался над тем, правильно ли он поступает, гоня свой измученный отряд вперед.

Собака-Солнце скатилась еще ниже, серебряный бок Собаки-Луны уже бледно проступил на гаснущем небе. Собака-Луна еще не до конца округлилась, но все равно была бокастой и ослепительно-белой, как первый снег.

Чем дальше Счастливчик смотрел на нее, тем сильнее его одолевали сомнения.

«Сегодня мы все равно не догоним стаю, — думал он. — Остальные устали не меньше, чем я, а скоро наступит бессолнечница».

Собака-Солнце уже спрыгнула за горизонт и устроилась на ночлег в своем логове, окрасив небо прощальным золотом и багрянцем.

«Нужно остановиться на ночлег. Но как сделать так, чтобы собаки не остались разочарованы тем, что мы так и не нашли своих? Нужно придумать что-нибудь, что взбодрит их! Собака-Луна, помоги мне! Подскажи, что делать».

Счастливчик поднял голову, следя за набирающей яркость луной.

Внезапно его осенило. Он взмахнул хвостом, чувствуя, как к нему возвращаются силы.

— Всем остановиться! — пролаял Счастливчик. — Мы переночуем здесь.

Собаки замерли, устало уставившись на него. В их глазах Счастливчик не увидел ничего, кроме тупого равнодушия. Они были слишком измучены, чтобы испытывать хоть что-то.

Но Счастливчик не унывал. Он посмотрел на Лизушку и бодро пролаял:

— Перед сном мы сделаем одно очень важное дело, которое уже давно нужно было сделать! Мы проведем Особую церемонию.

Лизушка затаила дыхание, в ее темных глазах зажглась робкая надежда, и она неуверенно облизнула свои крепкие клыки:

— Ты же не хочешь...

– Хочу! – Счастливчик вскочил на ближайший камень. Теперь все собаки смотрели на него с неподдельным любопытством. – Друзья, посмотрите на Лизушку! Она больше не щенок, она достигла возраста постоянных клыков, но еще важнее то, что Лизушка на деле доказала свою зрелость. Вместе с нами она проделала долгий путь и вынесла все тяготы нашего страшного путешествия. И еще, – тут Счастливчик медленно повернулся, чтобы по очереди заглянуть в глаза каждой собаке, – она спасла нам жизни во вчерашнем бою.

Луна первая одобрительно тьякнула:

– Это так! Она избавила мир от проклятого Ужаса и отомстила за моего Пороха!

– Лизушка показала себя надежным членом стаи, – сказал Счастливчик и добавил, набрав в грудь побольше воздуха: – Если бы Альфа был сейчас здесь, он бы немедленно провел для Лизушки церемонию Наречения.

Марта неуверенно переглянулась с Беллой:

– Ты уверен?

Счастливчик оскалил зубы:

– Если он будет против моего решения, то я готов отстаивать свою правоту, как положено стайной собаке – клыками, в бою!

Воцарилась тишина. Сердце Счастливчика бешено колотилось, но он терпеливо ждал решения стаи. Он видел, как Белла с тревогой покосилась на Луну, а та перевела взгляд на Хромого. Лизушка стояла неподвижно, не решаясь поднять глаз.

«Неужели они и сейчас оттолкнут ее?» – со страхом думал Счастливчик.

Марта неуверенно подняла глаза к небу:

– Но полнолуние еще не наступило.

– И белого кролика у нас тоже нет, – кашлянул Хромой. – И взять его негде.

Но Луна не проронила ни слова, она словно глубоко ушла в свои мысли. Ее молчание и обнадеживало, и тревожило Счастливчика.

«Луна – самый старший член стаи, ее слово важнее всех, – думал он. – Она пользуется непререкаемым авторитетом, все сделают так, как она скажет!»

Но вот кончик хвоста Луны ожил и встрепенулся. Когда она подняла голову, все поняли, что решение принято.

– Счастливчик, я думаю, что это прекрасная мысль. Кто сказал, что церемонию нельзя слегка изменить, тем более, в таких тяжелых условиях, в каких оказались мы? Церемонии существуют для собак, а не наоборот! Пусть у нас нет белого кролика, но у нас есть молодая собака, доказавшая, что она готова принять взрослое имя и стать полноправным членом стаи. – Луна повернула голову, и серьезно посмотрела на Лизушку: – Это так? Ты готова, Лизушка?

Молодая собака нервно стлотнула, низко поклонилась Луне и тут же вскинула голову. Глаза ее сияли:

– Я днем и ночью мечтаю об этом! Это все, чего я хочу в жизни.

– Тогда встань сюда, – велел Счастличик, спрыгивая с камня. Конечно, этот камень был гораздо меньше той скалы, на которой получили свои имена Жук и Колючка, но он тоже был светлым, с мерцающими серебряными прожилками. – К сожалению, мы не можем раздобыть для тебя белого кролика, зато можем принести тебе подарки. Пусть каждая собака найдет что-нибудь, чем можно наградить ту, что спасла нас всех от Ужаса. Давайте как следует отпразднуем новое имя Лизушки!

И тогда случилось чудо. Как будто невидимая Молния сверкнула над головами маленькой стаи, напитав каждого своей кипучей энергией. Усталость мгновенно испарилась, собаки с радостным лаем бросились в кусты на поиски подарков.

В свете Собаки-Луны проще всего было найти что-нибудь светлое. Марта первая вышла из-за деревьев, неся в зубах круглый белый камешек, и положила его на обломок скалы перед Лизушкой. Луна долго бегала в кустах, прежде чем отыскала свой подарок – нежный белый цветок с полупрозрачными лепестками. Перекусив стебелек зубами, Луна с довольным видом поднесла свой дар Лизушке. Хромой принес гладкую палочку – ветку березы, одетую серебристой корой. Белла разыскала красивый серый листик, сиявший в свете Собаки-Луны.

«Кажется, они даже перестарались, – с радостью и невольной тревогой подумал Счастличик. – Что же останется мне? Я не хочу опозориться перед Лизушкой!»

Он в отчаянии обвел глазами землю и почти сразу же нашел то, что искал.

«Вот! Пусть он не белый, зато красивый!»

На краю рощицы рос огромный дуб с узловатыми, разбегающимися во все стороны по земле корнями. Счастличик подошел к корням, бережно подобрал с земли маленький гладкий желудь, еще не успевший потерять свою тугую шляпку, и положил его на камень перед Лизушкой.

– Это для тебя, – торжественно сказал он. – Ты еще совсем молодая, как этот желудь, но непременно вырастешь большой и сильной, как этот дуб, а могучие корни стаи тебе в этом помогут!

Молодая Свирепая собака неподвижно стояла на камне, ошеломленная и растроганная всем происходящим. Она не произнесла ни слова, глаза ее были закрыты, морда запрокинута к Собаке-Луне. Счастличик видел, как часто бьется сердце под лоснящейся шкурой Лизушки.

«Что-то она сейчас чувствует? – думал он. – О чем просит?»

На него вдруг нахлынули воспоминания. Он вновь услышал громкий топот сбегающихся Длиннолапых, увидел желтые волосы самой маленькой Длиннолапки, почуял едкий запах деревянных палочек с красными головками и страшный запах смерти, расплзающийся по всему дому. Перепуганное таяканье Длиннолапых снова загремело у него в ушах, и неожиданно для себя Счастличик все понял.

«Я родился Счастличиком. И остался им. У меня есть все, что нужно для счастья. У меня есть стая, где меня любят и уважают, как равного среди равных. Мой путь в стаю был непрост, но я нашел его, а теперь помогаю молодой собаке сделать то же самое. Я помогаю ей понять свое предназначение и увидеть, как устроена жизнь. Я учу ее быть частью стаи – преданной, благородной, честной и любимой!»

Молодая собака открыла глаза. Снова заморосил дождь, капли влаги стекали по гладким щекам Лизушки, искрами сверкали на ее шкуре. Она обвела глазами притихших собак, и Счастливчик затаил дыхание. Его сердце учащенно забилося.

Вдалеке, на самом краю неба, показался Молния. Он прыгнул – и гром ответил ему грозным раскатом.

«Поторопись, Лизушка! Ты должна успеть до того, как Небесные Псы начнут свою схватку, и Собака-Луна спрячется за тучи...»

Молодая свирепая собака гордо расправила плечи и залилась счастливым лаем.

– Гроза! Я выбираю себе имя Гроза!

Маленькая стая оглушительно залаяла, приветствуя ее выбор. Все собаки обступили ее, каждому хотелось первым поздравить нового полноправного члена стаи. Даже убитая горем Луна нашла в себе силы одобрительно пролаять и лизнуть растроганную Грозу в нос. И только Счастливчик стоял как вкопанный, сам превратившись в подобие дуба, с которым он только что так красноречиво сравнивал свою воспитанницу.

Смертельный холод растекался по его телу.

«Это всего лишь совпадение!»

А если нет? Что если Собачья Гроза уже началась – прямо сейчас, на этом белом камне?

«Ах, Гроза! Неужели ты окажешься в самой гуще грядущей войны?»

Продолжение следует

Все стаи, мифология, реалии

Псы-одиночки

Lucky – Счастливчик (бывший Yар – Лай)

Old Hunter – Старый Охотник

СОБАКИ-НА-ПОВОДОЧКЕ (ПОВОДОЧНЫЕ)

Bella – Белла, сестра Счастливчика (бывшая Пискля)

Daisy – Дейзи, помесь вест-хайленд-уайт терьера и джек-рассел терьера

Mickey – Микки, бордер-колли

Martha – ньюфаундленд

Sunshine – Солнышко, мальтийская болонка

ДИКАЯ СТАЯ (по старшинству)

ГЛАВАРИ

Alpha – Альфа. Огромная помесь собаки и волка

Beta – изящная собака-бегунья, (бывшая Лапочка)

ОХОТНИКИ

Fiery – Порох

Snap – Кусака

Mulch – Торф

Spring – Прыгушка

ПАТРУЛЬНЫЕ

Moon – Луна (черно-белая пастушья собака)

Dart – Стрела (поджарая, бурая с белым гончая)

Twitch – Хромой (бурая, гончая, с черными пятнами и искаленной лапой)

ЩЕНКИ

Squirm – Вьюн, сын Луны – ЖУК

Nose – Носишка, дочка Луны – КОЛЮЧКА

Fuzz – Пушок, сын Луны – погиб во время нападения лис

ОТБРОСЫ

Omega – Омега, он же Whine – Нытик

СВИРЕПАЯ СТАЯ

Mace – Пернач

Blade – Сталь, альфа стаи

Dagger – Кинжал

Axe – Топор

Morningstar – Палица

ЩЕНКИ СВИРЕПЫХ

Wiggle – Вертушка, погиб

Lick – Лизушка – ГРОЗА

Grunt – Ворчун – КЛЫК

СТАЯ ХРОМОГО

Terror – Ужас

КОЙОТЫ

Mangles – Куцый (койот)

СОБАЧЬЯ МИФОЛОГИЯ

Nuzzle – Сопелка

Wildfire – Дикое пламя, взрослое имя Сопелки.

First Pine – Первая сосна

Wild Wolf-Pack – Дикая волчья стая

Grearfang – Клычище

Sky-Dogs – Небесные Псы

Earth-Dog – Собака-Земля

Sun-Dog – Собака-Солнце

Sire-Dog – Пес-Производитель

Lightning – Молния

Growls – Рыкуны

Terrible Growl – Страшный Рык

Storm of Dogs – Собачья Гроза

Wind – омега по имени Ветер

Spirit Dogs – Всесобаки

Warrior-Dogs – Собаки-Вояки

РЕАЛИИ

Great Howl – Великая Песнь

Pup Pack – Щенячья Стая

Longpaws – Длиннолапые

Trap House – Западня

Loudcage – клетка-гремелка

no-sun – бессолнечница

Pack law – Закон Стаи

Lonely-Dog – Пес-Одиночка

Leashed-Dog – собачка-на-поводочке

Swift-dog – собака-бегунья

Chase-dog – собака-охотница

Fierce Dog – Собака-злюка

Sharpclaws – царапки (коты)

Loudstick – палка-громыхалка

Food-house – Дом еды

Giantfur – Косматый (медведь-гризли)

Red Leaf – АЛЫЙ Лист (осень)